

ПИОНЕР 11

НОЯБРЬ ● 1972 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Под этими знаменами шли в дни слета делегаты. И сейчас знамена впереди — на Марше.

АРТЕКОВСКИЕ ГОРНЫ ПОЮТ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ!

Хорошо, когда рядом друг.
Хорошо, когда рядом песня.

Кажется, это было совсем недавно...

Семь дней на мачте реял голубой флаг пионерского лета.

Семь дней звенели над Артеком песни, велись горячие споры.

В Артеке работал V Всесоюзный слет пионеров. Все вместе оценивали делегаты жизнь и дела своих отрядов и дружин за два года. Все вместе решали, как ответят юные ленинцы на великую заботу о них Родины, партии, какими делами оправдают высокую награду — второй орден Ленина.

Пятый Всесоюзный слет принял Обращение ко всем пионерам страны и дал старт новому этапу Марша «Всегда готов!». По десяти маршрутам Марша шагают 862 125 пионерских отрядов страны. Каждый восьмой отряд накануне 50-летия пионерии добился права называться правофланговым. И сегодня слово «Пионера» к вам, делегаты слета, к вам, пионеры правофланговых отрядов. Почему к вам? Да потому, что вы запевалы нового этапа Марша, потому, что на вас держат равнение все пионерские отряды.

В ваших отрядах интересно. У вас уже есть новые замыслы, новые увлекательные планы. Поделитесь ими с соседями. Расскажите, как вам удалось добиться, чтобы ваш отряд стал дружным. Помогите своим соседям тоже стать правофланговыми. И тогда таких отрядов будет вдвое больше. Пионерская организация станет сильнее, крепче.

Скоро наша страна будет отмечать 50-летие образования СССР. V Всесоюзный слет решил: 30 декабря каждый делегат сдаст

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

НОЯБРЬ 11

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

Пять мальчишек с факелами — пять континентов планеты Земля. «Мир», «Дружба», «Солидарность», «Нет войне!» Эти слова, написанные на транспарантах, несли представители пятидесяти стран мира.

Фотографии В. ГУСЕВА и В. ПОСТНИКОВА.

Вот эмблемы маршрутов, которыми ты идешь: «В страну знаний», «Мое Отечество — СССР», «Равнение на пионерское знамя», «Пионерстрой», «Тимуровец», «Сильные, ловкие, смелые».

«Кто — за, прошу проголосовать» — такие слова не раз повторялись на слете. И делегаты голосовали мандатами, врученными им на V Всесоюзном слете.

рапорт о своей работе коммунистам и комсомольцам, пионерским штабам.

Товарищи делегаты! До сдачи рапорта осталось два месяца. Мы уверены: вы хорошо поработаете и сдержите свое обещание. Рассказывая о своих делах в комитетах комсомола, в пионерских штабах, каждый из вас уверенно скажет: «Рапорт сдан! Дела Марша продолжаются!»

Вот эмблемы маршрутов, которыми ты идешь: «В мир прекрасного», «Пионер — всем ребятам пример», «Звездочка», «Мир и солидарность».

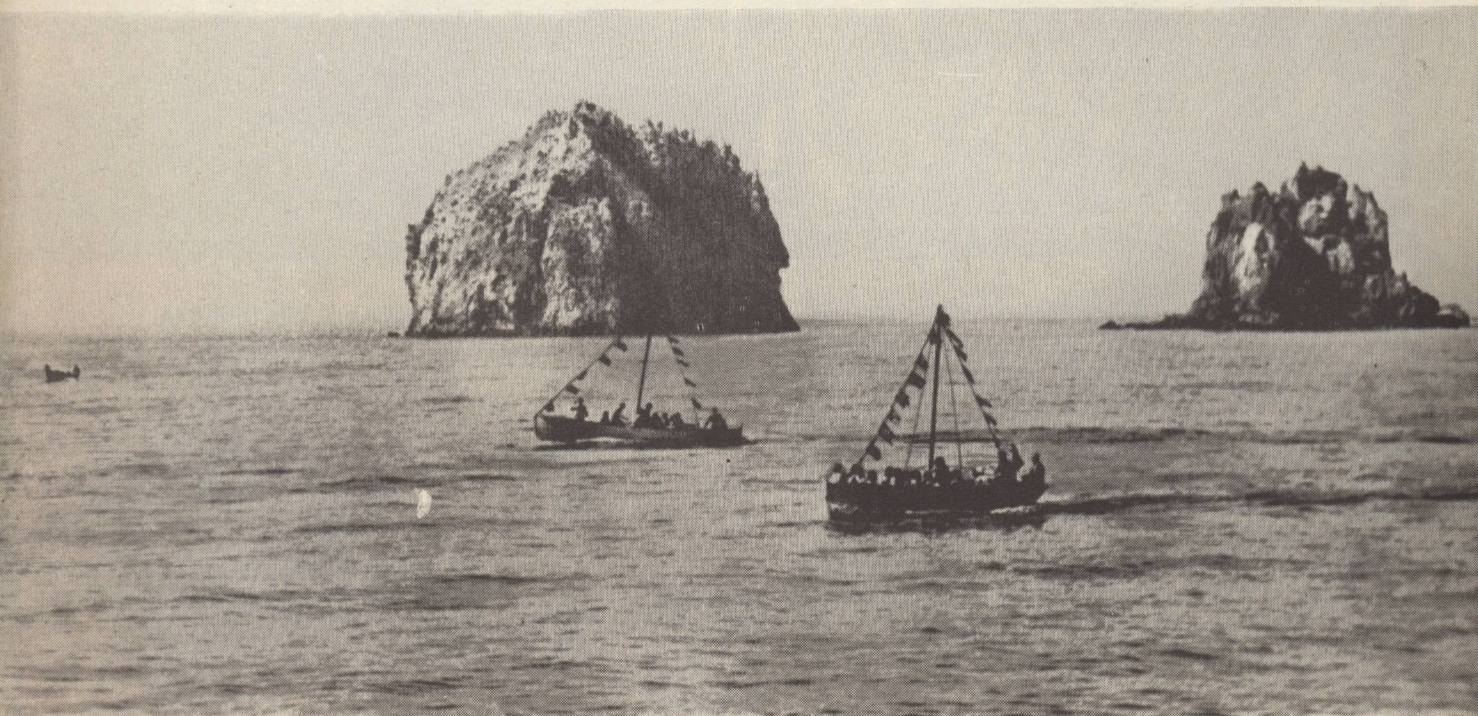

Гайдар любил Артек. Артек помнит Гайдара. В дни слета в Горном лагере была открыта мемориальная доска. Прогремел оружейный салют. Салют в честь писателя-бойца.

А еще рядом было море, теплое и сверкающее на солнце. А море без прогулок на катерах разве море?

Сергей АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ О ВЕЛИКОЙ БИТВЕ

Сталинградская оборона

Защищают войска Сталинград. Отбивают атаки фашистов.

Армией, оборонявшей центральную и заводскую часть города, командовал генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков.

Чуйков — боевой, решительный генерал.

Наступая в заводском районе, фашисты прорвались к командному пункту штаба армии. До противника триста метров. Вот-вот ворвутся сюда фашисты.

Всполошились штабные офицеры и адъютанты.

— Товарищ командующий, противник рядом,— доложили Чуйкову.

— Вот и прекрасно,— сказал Чуйков.— Он как раз нам и нужен.

Узнали солдаты боевой ответ генерала. Бросились на фашистов, уничтожили неприятеля.

Рядом с командным пунктом Чуйкова находился нефтяной склад. На территории склада — открытый бассейн с мазутом. Разбомбили фашистские самолеты бассейн, подожгли мазут. Устремился огненный поток в сторону командного пункта. День не стихает пожарище. Два не стихает пожарище. Неделю над пунктом и пекло, и чад, и ад.

Вновь беспокоятся адъютанты:

— Опасно, товарищ командующий, рядом огонь!

— Вот и отлично,— сказал Чуйков. Глянул на дым, на огонь.— Прекрасная, товарищи, маскировка.

Бои идут совсем рядом со штабом Чуйкова. Так близко, что даже, когда приносят сюда еду, в котелках и тарелках то и дело попадаются осколки мин и снарядов.

Прибежал к Чуйкову штабной повар Глинка.

— Товарищ генерал, да где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе!

Усмехнулся командарм:

— Так это же прекрасно, Глинка. Это же боевая приправа. Фронтовой витамин на злость.

— Витамин,— пробурчал Глинка. Однако ответ понравился. Рассказал он другим солдатам.

Довольны солдаты: боевой у них генерал.

Командует Чуйков армией, защищающей, обороняющей Сталинград. Однако считает, что лучшая оборона — это атака. Атакует все время Чуйков противника.

Прибыла в распоряжение Чуйкова новая дивизия. Явился командир дивизии к командующему, ждет указаний. Соображает, где, в каком месте прикажут занять ему оборону. Вспоминает устав и наставления — как по науке лучше стоять в защите.

Склонился Чуйков над картой. Рассматривает, приговаривает: «Так, так, где же вам лучше занять оборону? И тут дыра. И тут нужны. И эти спасибо скажут!» Взял наконец карандаш, поставил кружок, от кружка провел стрелку.

— Вот здесь,— сказал,— завтра вместе с соседом справа начнете атаку. Цель — уничтожить скопление врага и выйти вот к этой отметке.

Глянул командир дивизии на генерала:

— Так это, выходит, целое наступление, товарищ командующий! А не оборона.

— Нет, оборона,— сказал Чуйков.— Сталинградская оборона.

Чуйков — атакующий, наступательный генерал. Во многих сражениях Великой Отечественной войны он участвовал. В 1945 году возглавляемые им войска одними из первых вошли в Берлин.

Ныне Василий Иванович Чуйков — Маршал Советского Союза.

Геннадий Сталинградович

В сражающемся Сталинграде в самый разгар боев среди дыма, металла, огня и развалин солдаты подобрали мальчика. Мальчик крохотный, мальчик-бусинка.

— Как тебя звать?

— Гена.

— Сколько ж тебе годов?

— Пять,— важно ответил мальчик.

Пригрели, накормили, приютили солдаты мальчишку. Забрали бусинку в штаб. Попал он на командный пункт генерала Чуйкова.

Смышленым был мальчик. Прошел всего день, а он уже почти всех командиров запомнил. Мало того, что в лицо не путал, фамилии каждого знал и даже, представьте, мог назвать всех по имени-отчеству.

Знает кроха, что командующий армией генерал-лейтенант Чуйков — Василий Иванович. Начальник штаба армии генерал-майор Крылов — Николай Иванович. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Гуров — Кузьма Акимович. Командующий артиллерией генерал Пожарский — Николай Митрофанович. Начальник бронетанковых войск армии Байнруб — Матвей Григорьевич.

Поразительный был мальчишка. Сразу пронюхал, где склад, где кухня, как штабно-

— Где это видано — осколки в тарелках, мины в каше, снаряды в супе...

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

го повара Глинку по имени-отчеству звать, как величать адъютантов, связных.

Ходит важно, со всеми здоровается:

— Здравствуйте, Павел Васильевич!

— Здравствуйте, Аткар Ибрагимович!

— Здравия желаю, Семен Никодимович!

— Привет вам, Каюм Калимулинович!

И генералы, и офицеры, и рядовые — все полюбили мальчишку. Тоже стали кроху по имени-отчеству звать. Кто-то первым сказал:

— Сталинградович!

Так и пошло. Встретят мальчонку-бусинку:

— Здравия желаем, Геннадий Сталинградович!

Доволен мальчишка. Надует губы.

— Благодарю!

Кругом полыхает война. Не место в аду мальчишке.

— На левый берег его! На левый!

Стали прощаться с мальчишкой солдаты:

— Доброй дороги тебе, Сталинградович!

— Сил набирайся!

— Мужай!

— Расти!

— Честь с юных лет береги, Сталинградович!

Уезжал он с попутным катером. Стоит у борта мальчишка. Машет ручонкой воинам.

Проводили солдаты бусинку — и снова к ратным своим делам. Словно бы не было мальчика, словно бы сон привиделся.

Вырос Геннадий Сталинградович. Жив и здоров. Школу окончил, затем институт. Живет он в счастливое наше время.

За него, за счастье других ребят в тот памятный год в той страшной войне за нашу страну, за Советскую власть стояли насмерть отцы и деды.

Майор Устинов

В гневе великом Гитлер. Сентябрь проходит, а город еще не взят. Октябрь на улице, а город еще не взят.

Летят из Берлина грозные предписания:

— Взять Сталинград! Взять Сталинград! Сутки — и чтобы взять!

14 октября фашисты начали новое наступление. Снова сила крушила силу. Упорство сошлось с упорством. И снова от страшного дыма, огня и пыли день превращался в ночь. Стонала земля от боли. Кричала земля от злости.

Неравны по-прежнему силы. Пал Сталинградский тракторный. Фашисты прорвались к заводу «Красный Октябрь». Бои развернулись на территории завода «Баррикады»,

Десять дней не утихает ужасный бой. Идет он в цехах, корпусах, отделах за каждую пядь заводской земли. Москитной тучей ви-

сят над заводскими трубами фашистские самолеты. Пушки прямой наводкой бьют.

Вместе с другими завод «Баррикады» защищал и 895-й стрелковый полк. Здесь же, на территории завода, находился командный пункт командира полка майора Устинова.

Прорвались фашисты к командному пункту. Все ближе и ближе бой. Вот совсем рядом раздаются голоса и крики фашистских солдат. Все меньше и меньше кругом защитников. И вот майор Устинов один остался.

Заполнили фашисты заводской двор. Все больше их, больше и больше. Левее командного пункта, правее, перед ним, а вот уже и за ним. Черно кругом от фашистских мундиров.

«Эх бы рвануть «катюшами»,— подумал майор Устинов. Подумал и тут же бросился к рации. Торопится, пытается наладить связь с артиллеристами. Наладил.

— Дорогие,— кричит Устинов,— умоляю — залп реактивными. По скоплению неприятеля. Верная цель.

И тут же сообщает координаты, то есть то место, куда стрелять. А место это как раз и есть то самое, где находится командный пункт полка и на котором майор Устинов сейчас стоит.

— Стреляйте! — кричит Устинов.— Стреляйте!

Заметили фашисты советского майора. Бросились к нему.

— Рус, сдавайся! Рус, капут!

— Стреляйте!

Рванули «катюши». Огнем осветили небо. Словно плуги по пашне, по рядам фашистов прошли снаряды. Молодцы, точны артиллеристы. Без отклонения в цель попали. Взрыли «катюши» землю, кирпич и камни. Уничтожили все живое.

А как же майор Устинов?

Цел, невредим. Стоит, улыбается. Словно бы он заколдованный.

Недаром в песне одной поется: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет».

Госпиталь

Солдат Шараф Кулиев был ранен в бою за тракторный завод. Переправили его на левый берег Волги. А оттуда эвакуировали в тыловой госпиталь под Уфу. Оформляют прибытие солдата в госпиталь. Задают вопросы. В том числе и такой:

— Откуда прибыл?

— Из Сталинграда, из госпиталя 502,— отвечает солдат.

— Откуда, откуда?

И генералы, и офицеры, и рядовые полюбили мальчишку.

— Есть такой госпиталь 502! — отвечает солдат.

— Из госпиталя 502,— повторяет солдат.

Удивляются врачи. Нет под Сталинградом такого госпиталя.

— Нет, есть,— отвечает Шараф Кулиев.

— Ошибаетесь, товарищ боец. Нет такого госпиталя,— повторяют врачи.

— Нет, есть,— стоит на своем солдат.

Решили не спорить медики с раненым. Ясно врачам, что солдат ошибся.

Прошел день. Вновь поступила под Уфу группа бойцов из-под Сталинграда.

— Откуда прибыли? — задают и этим врачи вопрос.

— Из госпиталя 502,— отвечают солдаты.

— Откуда, откуда?

— Из госпиталя 502,— повторяют солдаты.

— Нет такого госпиталя,— говорят врачи.

— Нет, есть,— утверждают солдаты.

Смутились медики. Решили перепроверить. Навели справки. Перепроверили. Все равно— нет под Сталинградом такого госпиталя.

— Нет, есть,— стоят на своем солдаты.

Прошло еще несколько дней. Новая группа сталинградских солдат прибыла под Уфу.

— Откуда прибыли? — задают обычный вопрос врачи.

— Из госпиталя 502,— отвечают солдаты.— Из-под Сталинграда.

— Что?!

Смотрят врачи на бойцов. Сговорились, шутят, что ли, над ними солдаты.

— Нет же такого госпиталя,— объясняют врачи.

— Нет, есть,— улыбаются солдаты.— Мы же оттуда.

Приподнялся один на носилках — весь в бинтах, пожилой, с усами.

— Есть, родимые, есть. Имеется.

Поражаются медики. Решили еще раз перепроверить. Послали запрос под Сталинград. Вскоре пришел ответ.

«И нет такого госпиталя,— значится в ответе.— И есть».

Вовсе сбиты с толку теперь врачи. Как же понять ответ?!

А дело вот в чем. На левом берегу Волги, как раз напротив тракторного завода, стоял домик бакенщика. Жили в нем сам бакенщик Семен Михайлович Пряхин и его жена Евгения Федоровна. Все погибло от артиллерийского огня на берегу. А домик уцелел. Не брали его снаряды. Вот и повелось, что здесь, в этом домике, и делали первую остановку раненые бойцы, когда их перевозили со сталинградского берега, от тракторного завода. Здесь они дожидались машин. Случалось, на день, на два оставались тут раненые. Ухаживали за ними Семен Михайлович и Евгения Федоровна. Сил не жалели. Кормили, поили, перебинтовывали.

Домик бакенщика имел свой номер. Числился он как пост № 502. Запомнили солдаты этот номер. Окрестили бойцы домик бакенщика госпиталем. Вот и появился невиданный госпиталь.

Многим помог самозваный госпиталь. Спасибо, Семен Михайлович, спасибо, Евгения Федоровна. За доброе дело поклон вам низкий.

«Черчилля» подковал!

Подполковник Иван Игнатьевич Якубовский сражался в составе Донского фронта, командовал танковой бригадой.

Мало ли в Советской Армии подполковников. Всех не упомнишь. А этого знали.

— Якубовский? Знаем Якубовского. Это тот подполковник, который «Черчилля» подковал.

Да, был такой случай.

Вместе с Советским Союзом против фашистской Германии воевали Англия и Соединенные Штаты Америки. Они были нашими союзниками. Союзники помогали нам самолетами, танками и некоторым другим вооружением. Не всегда то, что присылали нам союзники, было самым лучшим. Самолеты были не самыми быстроходными, не самыми маневренными. Танки часто горели, не всегда справлялись с нашими дорогами. Но и за такие, как говорят, спасибо. Не хватало в первые годы войны у нас собственного вооружения. Пришли на пополнение Советской Армии и английские танки, которые назывались «Черчилль». Черчилль—это имя собственное. Это фамилия. Уинстон Черчилль был в те годы премьер-министром, то есть главой правительства, в Англии.

Прибыли танки «Черчилль» и в бригаду подполковника Якубовского. Красивые танки, новенькие. Башня, пушки, пулеметы, броня — все на своих местах. Неплохие танки. Вот лишь с проходимостью у них плохо. Буксуют на дорогах, размытых дождями.

Смотрят солдаты на эти танки, посмеиваются:

— Им бы галошики носить для грязи.

Услышал про галошики подполковник Якубовский. Подумал: правы, конечно, солдаты. «Надо наклепать им на гусеницы шипы»,— решил подполковник.

Попробовали, наклепали шипы на гусеницы. Побежали танки. Не страшны им теперь проселки и лужи, вязкая глина и рыхлый снег.

И снова меткие солдатские разговоры:

— Подковал он его, подковал «Черчилля».

Стали и в других частях приделывать шипы к танковым гусеницам. Пошла слава о подполковнике Якубовском по всей армии.

— Якубовский? Знаем Якубовского.

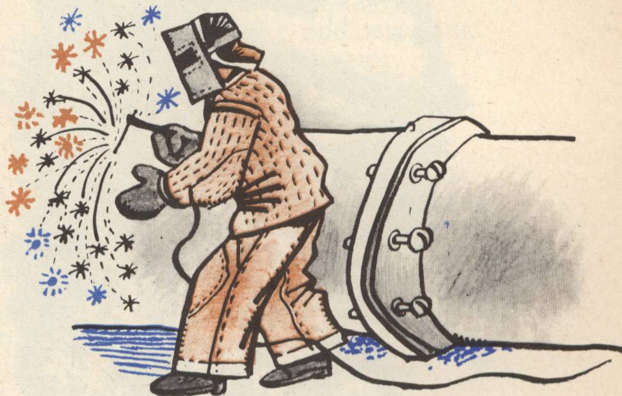
Танкисты Якубовского с отвагой и умением громили фашистов под Сталинградом. Подполковник Якубовский с достоинством прошел всю войну. Многими наградами отмечены его ратные подвиги. Он дважды Герой Советского Союза.

Ныне Иван Игнатьевич Якубовский — Маршал Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР.

Макс ДАХИЕ

Вот так я сваривал металл

Моим товарищам-сварщикам, выпускникам Ленинградского ПТУ № 54, работавшим на прокладке нефтепровода «Дружба».

Наш дом дощатый на колесах
Катил пригорками Литвы.
И сыпал снег с кудлатых сосен,
Касалось небо головы...

От напряженья ныли ноги.
Январь. Мороз. Пурги разбой.
И хоть убей — одни ожоги
Да швы косые вразнобой.

А сменщик мой басил сквозь
стужу:
— Эй, ленинградец!
Как дела?
Пойми —
металл имеет душу,
Поймешь —
считай: твоя взяла!

И вдруг...
как будто солнце встало!
— Даешь!—
кричал я сам себе
И лихо
вскидывал забрало,
Как рыцарь,
сидя на трубе.

— Упрямый черт! —
смеялись хлопцы,
Звенела на морозе сталь,
А через снег
спешила к солнцу
Моя
стальная
магистраль!

Рисунок А. БОРИСОВА.

Валентин БЫЧКО

Песня о Родине

В далеких морях, в океанском просторе
Курсируют наши суда.
Встречают матросы на палубе зори
И так говорят иногда:
— Далеко до дома,
До милого края.
Но шепчет нам даже волна —
Нас ждет Украина, Россия родная,
Советская наша страна!

В порту иноземном до полдня пробудем
И снова отправимся в путь.
На пристань приходят рабочие люди
На русский корабль взглянуть.
Стоят, нам прощальный привет
Посылая.
И кажется им, что видна
Вдали Украина, Россия родная,
Советская наша страна.

И снова нам крыльями чайка помашет.
Опять загремят якоря.
Прощайте, друзья неизвестные наши.
Прощайте, чужие моря!
Домой сыновья нас
Давно ожидают,
Зовет нас лугов тишина.
Нас ждет Украина, Россия родная,
Советская наша страна.

А в плаванье дальнем, как в дальнем походе!
Чеканя размашистый шаг,
Скрывая волнение, на берег сходит
И землю целует моряк.
В каких только далях
Матрос не бывает!
Но родина есть лишь одна,
Одна Украина, Россия родная,
Советская наша страна.

Перевела с украинского Галина ЧИЖ.

Едет брат мой в армию

Ветки в белом инее гнутся над окном,
Вороной копытом бьет, стоя под седлом.
Уезжает в армию брат среди зимы...
— Братик милый, в армию ты меня возьми!

— Я и рад бы взять тебя,— он ответил мне,—
Только не поместимся на одном коне!
— Сяду возле гривы я, ты садись в седло,
Птицею мы вылетим в поле за село!

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Брат ответил: — Сабля-то у меня одна,
Как тебе без сабли быть? Это же война!
— Воевать придется мне ведь не одному,
У врага я острую саблю отниму!

— Ты подумай, в армию мы уйдем с тобой,
И тогда останется дом наш сиротой!
Наши братья малые, в доме только мать,
Кто же по хозяйству ей будет помогать?

— Хорошо... Согласен я, поезжай один,
Ведь теперь я все-таки в доме старший сын!
Пусть немного младшие братья подрастут,
Вот тогда уж в армию и меня возьмут!..

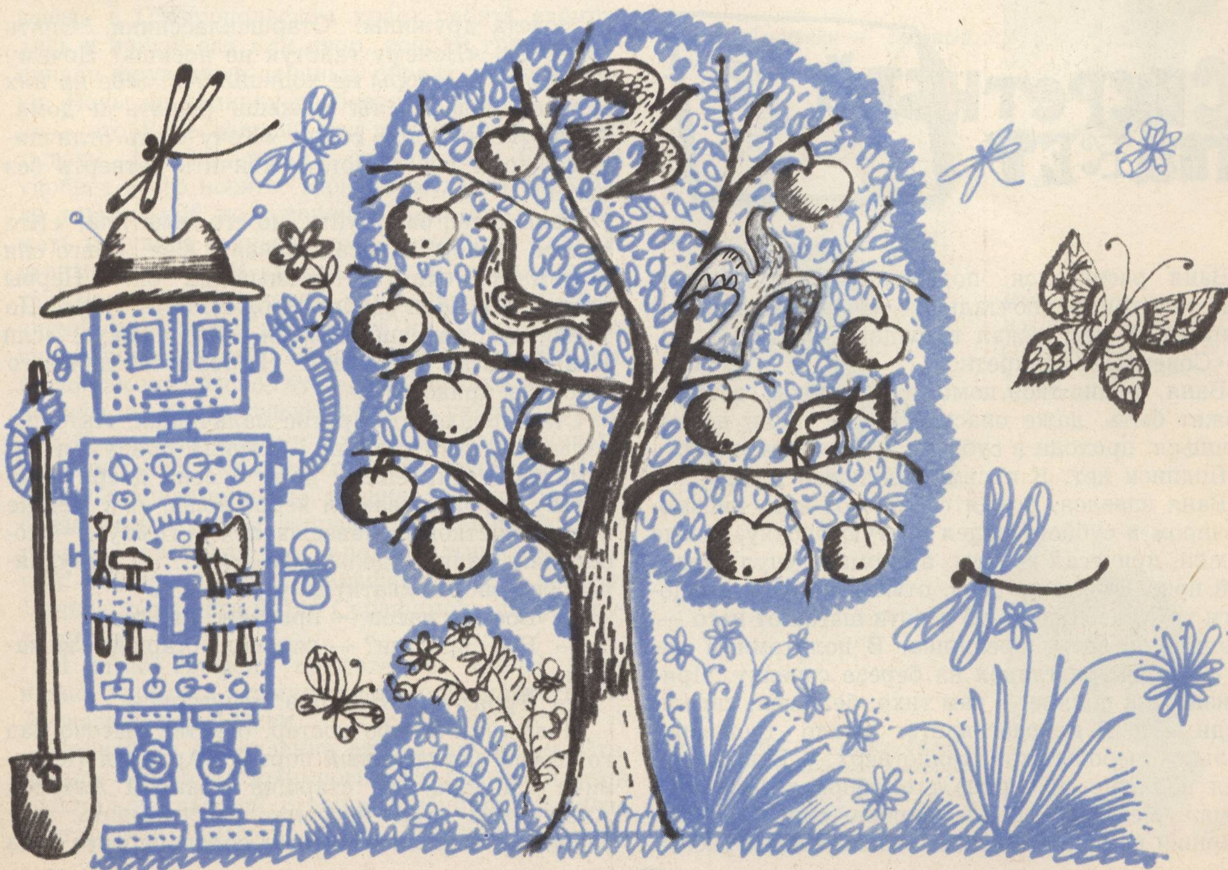
Про нашего Антона

Все по дому хлопоты,
Все наши заботы
Поручили роботу,
Чтоб за нас работал!
Он стоит как вкопанный,
Только ждет приказа.
Позовешь — притопает,
Все исполнит сразу!
На ботинках Вовиных
Вечно грязь и глина —
Сделает их новыми,
Как из магазина.
Куртка ли без пуговиц,
Дырка ли какая,
Снова робот трудится —
Чинит, пришивает.

Под его опекою
Мы живем отлично!
Пусть не человек он,
Но очень симпатичный!
Надоели разные
Майклы, Джеки, Джоны!
Мы назвали ласково
Робота Антоном.
Мы гуляем по полю,
День цветет весенний...
Смотрим: бродят около
Роботы, как тени.
Тот несет конфеты нам,
Тот мчит за микстурой,
Тот бежит с газетами,
Тот — с литературой!

Скоро будут роботы
Нас кормить из ложек.
Вся работа — роботу,
А ребятам что же?
Люди возмущаются:
— Ох, как некрасиво!
Только вдруг с лентяями
Происходит диво!
Не хотят бездельники
Жизни беззаботной,
Прямо с понедельника
Начали работать —
В сад идут с лопатами,
Яблоньки сажают,
Возятся с крольчатами,
Грядки поливают...
Мы теперь работаем
Весело, охотно,
Чтоб отнять у робота
Хоть бы часть работы.
Пусть играют мускулы,
Пусть звенят все жилы!
Труд! В нем столько музыки!
Труд! В нем столько силы!
Мы теперь работаем,
Устали не зная,
И, конечно, роботу
Тоже дел хватает...
...Не подаст он пряничек,
Не нальет вам борщик —
Он теперь не нянечка,
Он в труде помощник!

Перевела с украинского Валентина БОЛДЫРЕВА.

Борис КАМОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

РЕБЯТА ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЕ

Всем ребятам, на которых можно положиться в **делах трудных и добрых**, кто по первому зову готов придти на помощь, **сообщаем:** при редакции журнала „**ПИОНЕР**" создается **Всесоюзный штаб Тимура**

СЕКРЕТНЫЙ ПАКЕТ

Ваня расписался, подождал, пока любопытная тетя Катя, почтальон, ушла, и надорвал конверт. В нем лежал тетрадный листок:

«Совершенно секретно.

Ваня, нужна твоя помощь в трудном, добром, может быть, даже опасном деле. Если не побоишься, приходи в субботу, в 8 вечера, в лес».

Подписи нет. К письму приложен план.

Ваня извелся, ломая голову, от кого письмо. Вечером в субботу надел чистую рубаху, новые брюки, причесал волосы, в карман сунул складной нож. Выйдя из села, отыскал справа от дороги трухлявый пень. В десяти шагах от него — сломанную ветку орешника. В полутемном лесу с трудом разглядел на березе стрелку. Приблизился к поляне — там тихо, без огня, сидели люди. Кто — не разглядеть. Стало тревожно. Только любопытство взяло верх — Ваня подошел поближе, и сердце его оборвалось. Он-то думал, мечтал... А на поляне сидели новый старший вожатый Алексей Алексеевич и ребята из совета дружины. Старшеклассники. Опять начнется: «Почему галстук не носишь? Почему на отрядные сборы не ходишь? Ах, тебе на них скучно! Задачки ты можешь решать и дома. А вот Люда любит сборы «Хочу стать отличником», они ей помогли кончить четверть без двоек».

Ваня хотел было уйти, но его заметили. «Кто там за кустом? Присаживайся». Сел. «Чего они в темноте сидят? — размышлял он. — Нервы проверяют? Или вообще, может, бить будут? По правилам, конечно, нельзя. Но, скажут, если Иван слов не понимает?.. Не театр же для него на сборы привозить!»

Стали подходить другие мальчишки. Антошка взрыв недавно устроил. Гаврила придумал автоматику: откроешь к нему в сени дверь — на голову опрокидывается ведро воды. А к Петьке вчера участковый наведывался. «Темную, — сообразил Ваня, — делать не будут. А занудливых разговоров хватит до утра».

— Восемь часов, — произнес кто-то.

— Все пришли? — спросил старший вожатый.

— Троих нет. Наверно, испугались.

Полыхнул в небо костер, осветив высоко над головами самодельный портрет Аркадия Петровича Гайдара. И старший вожатый Алексей Алексеевич стал негромко рассказывать: уже глубокой, морозной осенью сорок первого года

Аркадий Гайдар, став партизаном, ходил опасными и незнакомыми дорогами в разведку, или чтобы достать батарейки для отрядного приемника, или — еды для раненых... Слезы закапали из Ваниных глаз, когда услышал, что Гайдар погиб, спасая товарищей. Партизаны замаскировали даже место, где его похоронили. Среди тех, кому доверили важную эту тайну, был и одиннадцатилетний Витя Степанец.

— Свою доброту и заботу о людях, — сказал напоследок Алексей Алексеевич, — Гайдар завещал нам, живым.

Тут же, в лесу, выбрали Тимура, начальника разведки и командира оперативного отряда. Ваня попросился в разведчики. Рождение команды решили держать в тайне.

Днем, после школы, Ваня с другими разведчиками шнырял по селу. А на рассвете, когда солнце только блеснет из-за холмов, или поздно вечером (стояла весна, теплая и бурная, как всегда в Ставропольском крае) ребята забирались в чужой сад или двор, копали грядки, поливали фруктовые деревья, обрезали сухие ветки. Воды на поливку требовалось много, сколько — это Ване каждый раз приходилось высчитывать. Он же решал, откуда воду ближе и удобнее всего носить. Каждая вылазка требовала тщательной подготовки. Стоит ночью загреметь в чужом саду ведром — выскочат перепуганные хозяева. И прости-прощай веселая работа. Бесшумно орудовать лопатой, тяпкой, беззвучно опускать и поднимать из колодца ведро специально учились. Ваня учился тоже. Все это было так интересно, что если б только ему позволили, он бы круглые сутки не уходил домой.

Уже немало садов и огородов было вскопано руками ребят. Хранить в тайне существование команды делалось все труднее. Когда Ваня с беззаботным видом отправлялся теперь в свою разведку-прогулку, то нередко слышал за спиной: «Видать, к деду Серафиму ночью пойдут. Ванька нынче все возле Серафимова двора крутится...»

И штаб вывесил объявление: «Если кому нужна помощь тимуровцев, обращайтесь...». И указали адрес Вани.

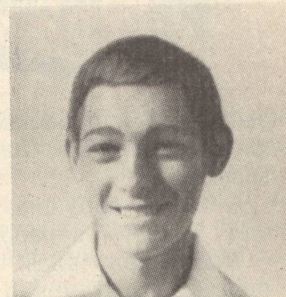
Первой на объявление отозвалась бабка Степанида. Один ее сын погиб на войне. Другой работал на важной стройке в Сибири. Больше у старушки никого не было. Запущенное ее хо-

В Светлограде вас прежде всего поведут к памятнику Герою Советского Союза Р. С. Николаенко. Впередсмотрящие им очень гордятся.

В пятом классе он был вожатым октябрят, в седьмом — вожатым пионеров. Сейчас светлоградские мальчишки говорят, что не представляют себе штаба РВС без Алексея Алексеевича Бондаренко.

Саша Тищенко — главный Тимур.

Нынешним летом Женя Чумаков и Саша Тищенко строили детский дом. И Женя и Саша очень любят строить.

«В штабе я учусь делать жизнь в школе интересной», — говорит Галя Жамойда. Она председатель совета дружины.

зяйство стало для команды «объектом номер один».

Бабка вошла в дом перед самым Ваниным уходом в школу, держа огромный кулек конфет, и принялась плача целовать и благодарить Ваню.

— Я сперва думала: мне все это домовые делают, — причитала она, — хорошо, люди объяснили: не домовые, мол, дети такие, тимурцы. А где вас найти? Я две ночи не спала — караулила. Огород, бог с ним, сама как-нибудь. Мне бы уголь привезти. Председатель намедни говорит: «Где я тебе сейчас машину возьму? Осенью...» А осенью скажет: «Где ты раньше

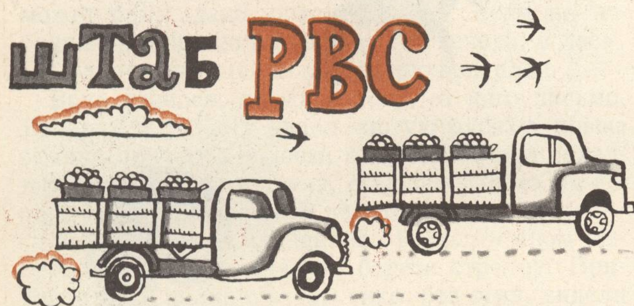
была?» Я в прошлом году из-за него намерзлась... Конфеток, Ванюша-то, тимурцам своим возьми.

— Мы, бабушка Степанида, — твердо ответил Ваня, — за работу свою ничего не берем.

Какой получился у тимуровцев разговор с председателем, точно неизвестно. А, по слухам, ребята ему объяснили: если хоть еще одну бабушку обидит, чтобы на помощь команды в прополке и уборке не рассчитывал...

Через день после встречи с председателем появилась на Степанидиных воротах красная звезда. А еще через день вкатил в ворота со звездой грузовик с углем. Похожие на трубочистов ребята сбросили уголь сперва на землю, а потом через оконце — в погреб.

штаб РВС

Алексей Алексеевич Бондаренко — сын фронтовика-танкиста, умершего от неизлечимых ран уже после войны. Возможно, потому что сиротство пришло в десять лет, что навсегда остались в памяти рассказы отца о танковых сражениях, не было у него в детстве более гордого слова, чем «солдат», более родных книг, чем «РВС», «Школа», «Судьба барабанщика», «Тимур и его команда».

Как многие одаренные люди, Алексей Алексеевич, сам того не подозревая, рано обнаружил свое призвание. В пятом классе он был вожатым октябрят, в седьмом — вожатым пионеров. После десятого остался работать старшим вожатым в школе.

«Секретные» заказные письма «трудным» ребятам разослал он. Костер в лесу и первую в истории села тимуровскую команду создал тоже он. Уже семь лет Алексей Алексеевич руководит пионерским штабом РВС в городе Светлограде. РВС расшифровывается так: «Ребята впередсмотрящие».

...К воротам светлоградского Дома пионеров (здесь помещается штаб), оглушительно треща, подкатил мопед. Мальчишка в красном галстуке соскочил с седла и вбежал в штаб.

— Срочно! — Гонец протянул дежурному большой пакет.

— Посиди, — ответил дежурный, — начальник штаба скоро будет.

— Некогда сидеть, — ответил гонец, — задыхаются там ребята. Пакет передай тут же! — И выбежал.

В то же мгновение треск мопеда заглушил звуки улицы.

Дежурный надрезал пакет с пометкой «Аллюр два креста». Это было донесение разведки из двух пригородных сел. «Гибнут фрукты, — писали разведчики. — Взрослые на уборке зерна. Третьи сутки, почти без роздыху, собираем яблоки и вишню. Все уже без сил. Шлите подмогу».

Дежурный торопливо запер штаб. Вскочил на велосипед и пустился разыскивать Алексея Алексеевича и начальника штаба Юру Дробина. Нашел их в райкоме.

— Ты чего? — встревожился Юра, увидев дежурного.

Мальчишка протянул пакет.

— Вот что, — сказал Юра, прочитав донесение, — немедленно собери всех членов штаба, кого найдешь.

Когда Бондаренко с Юрой Дробиным вернулись в Дом пионеров, в комнате заседаний их ждало человек пятнадцать. Юра занял председательское место. Алексей Алексеевич по обыкновению сел немного в стороне. Юра прочел вслух донесение.

— Просьба одна: узнайте, сколько человек могут выделить оперативные отряды ваших школ. Работы дня на четыре. Встречаемся здесь через два часа. Всем, кто готов и может, сообщите: отъезд завтра в 6.30 утра. Машины будут. Алексей Алексеевич уже созвонился. Кормят колхозы. Ночуем дома.

— Платить будут? — спросил кто-то.

— Конечно, — ответил Юра.

— Порядок, есть одна глубокая мысль.

Тимуровцы собрали 250 центнеров вишни и 370 — яблок. Чтобы вывезти наполненные ребятами корзины и ящики, понадобилось 23 трехтонки. А когда пионерам уплатили за работу, пригодилась «одна глубокая мысль».

Шла операция «Чукотка». И впередсмотрящие подумали: «Чего посылать деньги? Пошлем ребятам лучше яблок». Послали триста с лишним килограммов.

Из дневника «старого штабиста»

Моя средняя школа № 1 носит имя Героя Советского Союза Р. С. Николаенко (он родом из деревни Соленое озеро, погиб в 1944 году). Недавно ребята из совета дружины решили узнать, за что Николаенко присвоили звание Героя. Из Министерства обороны пришла ошеломляющая новость: оказывается, танк Николаенко в одном только бою уничтожил шесть «тигров», четыре орудия и свыше 150 вражеских солдат и офицеров.

На заседании штаба РВС постановили: собираем деньги на памятник герою.

Алексей Алексеевич сказал: ребята района заработали и сдали пять тысяч рублей. Ничего, не ленимся!

Памятник открыт! Я с ребятами помогал расчищать площадку, закладывать фундамент и делать бетонные ступени постамента. Желающих помогать было столько, что рабочие даже сердились.

*

Сегодня четверг. Только что пришел с заседания штаба. По донесению разведки села Гофицкое есть решение о строительстве межколхозного пионерского лагеря. Отпущены деньги и строительные материалы. В правлении колхоза шел разговор: «Если не помогут сами ребята, лагерь вовремя не сдадим». Штаб постановил: «Помочь».

...Радовался, кажется, я рано. Юра Дробин сказал: «Строить лагерь будут гофицкие ребята. Им там ближе. А нас, из города, туда станут «бросать десантом».

Ездил под Гофицкое смотреть, как подвигаются дела. Уже зацементированы основания и настланы деревянные полы будущего палаточного городка. Поставлена кухня. Ребята вместе с рабочими пристраивают к ней веранду-столовую. Я носил доски.

Ура! Ура! Возле лагеря будет громадный пруд. Расчищено русло ручья. Поставлена плотина. Мы («Десант!») сегодня заканчивали цементировать железобетонный водосброс на случай паводка. Будем ездить в лагерь купаться! А то в нашем Калаусе не очень-то искупаешься: вода от глины густая и желтая.

...Гром победы, раздавайся! На открытии объявили: «Отмечая выдающийся вклад тимуровцев» и т. п., назвать лагерь так: «Гайдар»!

*

...Неделю назад позвонила Анна Ивановна (зав. роно). То мы все к ней: «Анна Ивановна, Анна Ивановна...» А тут она: «Впередсмотрящие, выручайте!» Оказывается, строители закончили новое здание детского сада, но оставили столько мусора и хлама, что открывать сад нельзя. Саша Тищенко (он теперь главный Тимур) послал меня посмотреть. Ну, как такое можно было оставить! Здесь не только малыши, динозавр ногу сломает. Направили оперативный отряд из восьмилетней школы № 1. Отряд расчистил двор, посадил кусты, разбил клумбы. Ребята принесли из дому рассаду. Починили поломанные игрушки. И через несколько дней в детском саду уже хозяйничали малыши.

Удивление

Шел торопливо по Светлограду мальчишка. (Кто, сейчас, пожалуй, уже и не установишь.) Опаздывал на заседание штаба. И вдруг в недоумении остановился. В самом начале одной

из улиц с незапамятных времен существует пустырь, не очень заметный за придорожными деревьями. Днем здесь гоняют мяч футболисты, а ночью это место «ночевки» командировочных грузовиков.

— А почему, — подумал мальчишка, — пустырь? — И пришел с этим вопросом в штаб.

— Действительно, почему? — удивились все. И задали тот же вопрос... Большому гайдаровскому сбору, который созывается раз в год в Доме учителя.

Поднялся в зале с места один парнишка.

— Что, — говорит, — тут еще обсуждать? Лагерь под Гофицким соорудили, пруд выкопали, школу свою ремонтируем?! Так неужели на месте этого пустыря мы не сможем сделать площадку для наших пионерских праздников?!

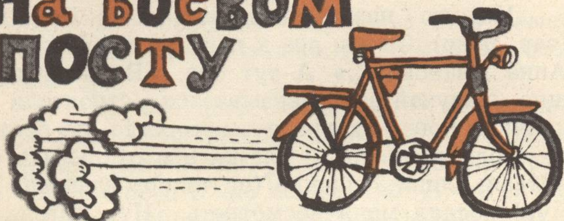
Кругом закричали:

— Сможем!

— И чтоб над площадкой звезда Гайдаровская была с лучами... Пусть светит!

Так в архитектурный отдел города поступил тимуровский проект. Впередсмотрящие думают засадить пустырь деревьями и кустами из тех мест, где Аркадий Петрович работал и жил. Трудностей предстоит немало. Например, береза в Ставропольском крае приживается с трудом, но тимуровцы надеются: у них приживется.

На боевом посту

На заседание штаба пришла сотрудница детской комнаты милиции.

— Ребята, — сказала она, — в городе стали часто пропадать подростковые велосипеды. Мы никак не нападем на след...

Впередсмотрящие и раньше, если встречали малыша, который играет на мостовой, отводили его домой. Дежурили на детских сеансах в кинотеатре «Дружба». Но такого ответственного задания штаб еще не получал никогда.

Немедленно создали два постоянных поста из ребят, у которых есть свои велосипеды (чтоб могли в случае надобности мчать вдогонку или доехать до милиции). И вскоре задержали двоих похитителей. Один, когда Саша Товкань снимал его с чужого седла, лепетал побелевшими губами:

— Это я пошутил. Генка меня знает. Я хотел только попугать.

Проверили. Генка действительно знал «шутника». А второй, как выяснилось, пытался угнать уже пятый велосипед...

Операция «Берегите хлеб!»

Перед самой уборкой хлеба штаб получил задание райкома комсомола: помочь старшим обследовать дороги, которые ведут на элеваторы. Ребята отметили на дорогах рытвины, гнилые мостки, ухабы. И передали самодельные карты дорог в райком. Рытвины и ухабы заровняли, мостки починили. Тимуровцы вышли на дороги с полосатыми жезлами регулировщиков, с красными повязками на рукавах, с мандатами за подписью начальника штаба РВС Володи Толпинского. Они останавливали грузовики и проверяли, нет ли повреждений в бортах: даже через маленькую щель может высыпаться на дорогу от десяти до сорока килограммов зерна.

Работа на таком посту тяжелая.

— Мы на сдельщине, — ругаются водители, — а вы нас задерживаете.

Бывает, не тормозят — прибавляют, рассыпая пшеницу, газ. Ребята записывают номера лихачей, сообщают о нарушителях в райком. Назавтра тот же водитель уже послушно останавливается.

Был день, когда Саше Товканю (это он задержал пятикратного похитителя велосипедов) и Володе Ревегуку сказали:

— Смены не ждите. Сегодня ее не будет. Отстоите свое — отправляйтесь домой.

Саша и Володя не ушли. Простояли на своем посту (жара под сорок градусов в тени) десять часов.

...Саша Товкань:

— Вырасту, я уже решил, пойду работать в милицию.

Кого выбирают в штаб

Прежде всего тех, кто не боится никакой работы, кто одинаково охотно идет мыть пол, копать пруд или читать малышам сказки в детском саду.

Каждый штабист знает важнейшие события жизни Аркадия Петровича Гайдара и может

рассказать о нем много интересного и первоклассникам и сверстникам.

Наконец, у каждого штабиста есть какой-нибудь талант.

Саша Тищенко и Женя Чумаков любят строить. Нынешним летом они поступили чернорабочими на строительство детского дома. Саша — главный Тимур и начальник строительства штаба. Женя — его заместитель. Тому и другому 15 лет.

Володя Моногаров, Петя Затонский, Юра Шматько — отличные спортсмены. Они умеют в любом дворе сколотить футбольную или хоккейную команду и провести матч.

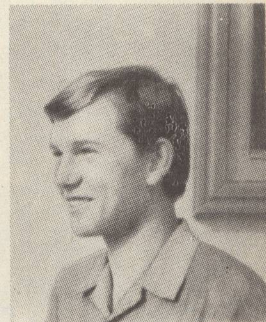
Галя Жамойда (девочек в штабе немного) — председатель совета дружины, юнкор «Пионерской зорьки», редактор и диктор районного детского радиожурнала «Спутник».

Ваня Писаренко славится как отличный барабанщик, а Виктор Таранов — главный знаменосец штаба. Когда впередсмотрящие (которых в городе чаще видят после школы в рабочей одежде) идут по улицам Светлограда, — это красивое и торжественное зрелище.

Всей разнообразной и обширной работой тимуровцев руководит начальник штаба РВС — скромный, умелый и веселый Володя Толпинский.

Ваня Писаренко — барабанщик. Очень жаль, что на страницах «Пионера» нет звуковой дорожки — вы услышали бы дробь Ваниного барабана.

Без Вити Таранова не обходится ни один праздник в Светлограде: он знаменосец.

По общему признанию Тимуров, самый умный, самый веселый, самый скромный из них — Володя Толпинский, начальник штаба РВС.

Если ты хочешь, чтобы тебя выбрали в штаб, то приготовься к вопросу: «А что ты умеешь? А что ты делаешь в своей дружине?»

От автора

Во время войны я тоже был тимуровцем. Мы делали негромкую и трудную работу: пилили и кололи дрова, сбрасывали с крыши снег, чинили заборы и сараи. Но сил было мало (трое из нас провели блокадную зиму в Ленинграде). Мы быстро уставали, присаживались на минутку передохнуть и снова брали в руки пилу или топор, лопату для снега или молоток.

Но мы были счастливы, думая: женщина, которая нас минуту назад так тепло благодарила и предлагала остаться попить чаю, после нашего ухода, быть может, напишет мужу письмо, что приходили к ней пионеры, напилили дров... И мы верили, что мужу ее там, в окопе, от письма такого станет немного спокойней и легче...

Будь мне сегодня 12—13 лет, я бы хотел стать в Светлоградском штабе РВС хотя бы рядовым впередсмотрящим.

г. Светлоград,
Ставропольский край.

Тимуровские отряды получают **первое задание**:
Расскажите о **главном деле** отряда. Напишите, когда и где (в школе, во дворе, в библиотеке) создан ваш отряд. Кто из **старших** помогает вам.

Всесоюзный штаб Тимура
1 ноября 1972 г

А. СНЕГИН

Непохожая сестра Земли

На берегу горячих волн

Низкие свинцовые тучи закрывают небо. По берегам горячих рек колышутся заросли гигантских папоротников и хвощей. Жарко. Не прекращаясь, хлещет теплый тропический ливень. Воздух до предела насыщен влагой, ядовитыми испарениями. В зарослях тяжело движутся огромные, неповоротливые существа...

Узнаешь? Если ты увлекаешься фантастикой, тебе знаком этот пейзаж. Еще совсем недавно писатели-фантасты изображали Венеру именно такой — теплой, обитаемой планетой, похожей чем-то на древнюю Землю. И называли Венеру тогда младшей сестрой Земли.

Сейчас, после полетов наших автоматических станций, каждому ясно, что ничего этого на Венере не увидишь. Сегодня нам ничего не стоит доказать, как ошибочен этот фантастический портрет Венеры. Ты и сам легко это сделаешь. Но если мы с тобой вспомним, что́ знали о Венере всего несколько десятилетий назад, то поймем очень важную вещь. Этот портрет не был целиком выдуман писателями-фантастами.

Больше того, в основе этого портрета — трехсотлетние наблюдения земных телескопов за Венерой. И можно даже сказать, что в главных своих чертах он был нарисован тогда по последнему слову науки.

Младшая сестра Земли?

Первым Венеру в телескоп наблюдал Галилей. Он увидел, что в своем путешествии по звездному небу Венера, подобно Луне, меняется от полного освещенного Солнцем диска до узенького серпика.

Прошло полтора века. В 1761 году Венера — что бывает не так уж часто — проходила перед диском Солнца. Наблюдая ее в это время, Ломоносов обнаружил, что «планета Венера окружена знатною воздушною атмосферою, таковою, (лишь бы не большею), какова обливается вокруг нашего шара земного».

Стало ясно: Венера и Земля — близнецы не только по размерам и массе. Каждую планету окружает толстая воздушная оболочка. Позже установили, что атмосфера Венеры плотнее земной и что планету покрывает сплошная пелена облаков. Около сорока лет назад впервые произвели анализ воздушной оболочки Венеры. Выяснилось, что в ней очень много углекислого газа.

После открытия Ломоносова это было самой важной новостью. Она-то и помогла фантастам создать тот портрет Венеры, с которого начался наш разговор.

Венера ближе к Солнцу, чем Земля, и если ее атмосфера, как раньше считали, подобна земной, то там, вероятно, должно быть теплее,

чем на Земле,— 50—70° тепла. Если же еще вдобавок на Венере много воды, значит, есть все необходимое для пышной растительности. Вспомни, что углекислый газ — пища растений.

Сотни миллионов лет назад похожие условия были и на Земле: много света, углекислоты, воды. Тогда мощная растительность, покрывавшая нашу планету, активно поглощала углекислоту и выделяла в атмосферу кислород. Без этого кислорода невозможно было бы дальнейшее развитие жизни на нашей планете и появление животного мира.

Вот почему ученые предполагали тогда, что, быть может, и на Венере есть или вот-вот должна возникнуть жизнь. Тогда же и появились в фантастических романах венерианские пейзажи, похожие на наш первый рисунок, и Венеру стали называть младшей сестрой Земли.

«Радиоглаз» заглядывает под облака

Что можно увидеть в телескоп? Облачную пелену вокруг планеты и ту часть атмосферы, которая выше облаков. Заглянуть же под облака астрономы не могли даже в самый мощный телескоп. Более трех с половиной веков поверхность планеты была скрыта от ученых, и им оставалось только создавать гипотезы о подоблачном мире Венеры.

Совсем недавно, в середине нашего века, возникла новая наука — радиоастрономия. Исследователи Венеры получили в свои руки приборы, для которых облачное покрывало планеты уже не было преградой.

Земная атмосфера прозрачна для радиоволн. Вот почему на Земле радиоприемники принимают сигналы очень далеких станций. Почти прозрачной для радиосигналов оказалась и облачная атмосфера Венеры.

А сама планета, как и все небесные тела, постоянно излучает радиоволны. Это излучение и стали принимать земные радиотелескопы. Первые же вести из-под облаков поразили ученых. Никто не ожидал ничего подобного. Температура под облаками оказалась не +50°, как предполагали, а выше +300°С!

Значит, нет на Венере ни морей, ни океанов, ни зарослей, ни влажного воздуха! Выжженная, раскаленная пустыня — вот что скрывалось от землян под облачным покрывалом.

При такой жаре тяжелые тучи уже не могли низко нависать над поверхностью. Выяснилось, что они находятся довольно высоко над планетой — на высоте пятидесяти километров. Так радиоволны начали рисовать новый, современный портрет Венеры.

А новости продолжали поступать одна удивительнее другой.

Сколько дней в году?

— Триста шестьдесят пять,— скажешь ты.— Если год не високосный.

Это на Земле. А на Венере?

Десять лет назад радиоволны принесли ответ и на этот вопрос.

Никто и подумать не мог, что Венера вращается вокруг своей оси не так, как все планеты, медленнее и... в обратную сторону! Один оборот она делает за 243 земных дня! А год там продолжается всего 225 наших дней.

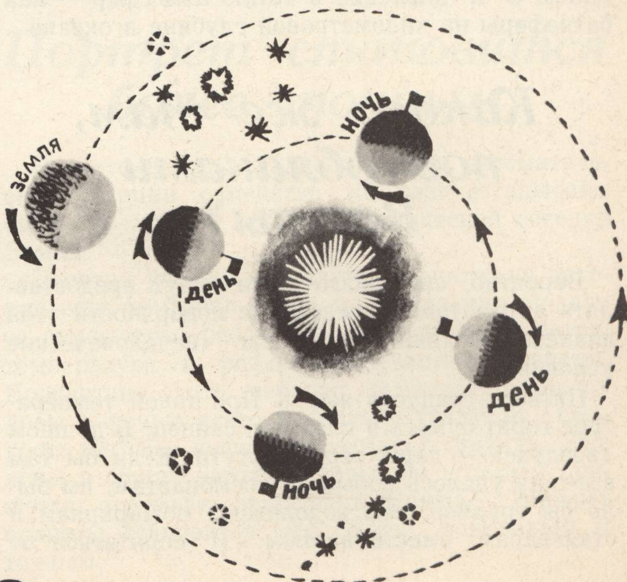
Так что же, сутки на Венере длиннее года? Не торопись отвечать, посмотри сначала на наш рисунок. Как, по-твоему, сколько раз в году бывает темно и сколько раз светло на Венере,— там, где стоит флажок? Не забудь, что вокруг своей оси она вращается в сторону, противоположную той, в какую бежит вокруг Солнца.

Что у тебя вышло? Два раза день и два раза ночь? Правильно! Венерианские сутки в 117 раз длиннее земных.

Как же это удалось установить? Пришлось задать Венере «радиовопрос». На планету направили радиолуч. Он отразился от ее поверхности и вернулся на Землю. По изменению длины радиоволны ученые вычислили скорость вращения планеты. Примерно так же радиолокаторы определяют скорость летящего самолета или ракеты.

На планете— космические батисферы

В октябре 1967 года в атмосферу Венеры проник первый посланец Земли — спускаемый аппарат автоматической межпланетной станции «Венера-4». Рядом с Венерой в это же время пролетела американская станция «Маринер-5». Последнее сообщение «Венеры-4» было таким:

Солнце восходит на Венере всего дважды в год, и сутки там равны четырем земным месяцам...

Рисунки А. БОРИСОВА.

Посмотри, как похожи издали Земля и Венера — эти непохожие на самом-то деле планеты. Правда, земные материки и океаны можно увидеть из космоса в просветы меж облаками.

температура за бортом +280 °С, давление — 15 атмосфер.

Но спускаемый аппарат прекратил работу высоко над поверхностью планеты. Этот крепкий, стальной орешек не был еще рассчитан на те колоссальные температуры и давления, которые ждали его внизу. До полета «Венеры-4» ученые могли лишь строить догадки о давлении венерианской атмосферы.

«Венеру-5» и «Венеру-6» сделали еще крепче, и им удалось выдержать давление побольше — они спустились еще на десять километров ближе к поверхности. А «Венеру-7» и «Венеру-8» построили из особо жаропрочных сплавов, и они достигли поверхности планеты!

«Венера-8», вернее, капсула с приборами, не только опустилась на поверхность, но и работала там целых 50 минут, выдерживая жару в +500°С и давление в сотню атмосфер — как батисферы на километровой глубине в океане...

Каково же там, под облаками Венеры?

Вероятно, еще долго люди будут предоставлять автоматам исследование поверхности этой планеты — слишком уж там «нечеловеческие условия».

Пятьсот градусов жары! При такой температуре горит бумага и плавится свинец. В душном «воздухе» — пары серы и ртути. Если бы там все-таки удалось побывать космонавтам, им было бы труднее, чем водолазам, пожарникам и сталеварам, вместе взятым. И спрятаться от невыносимой жары на Венере им было бы негде. На полюсах планеты ненамного «холоднее», чем в тропиках, а ночью почти так же жарко, как и днем. Не приносит облегчения и зима. На планете нет смены времен года (ось вращения Венеры перпендикулярна солнечным лучам), а если бы там и были сезоны, то довольно необычные. Например, день — весна, ночь — лето, день — осень, ночь — зима...

Почему нет мела на Венере?

Если когда-нибудь, в далеком будущем на Венере будут жить люди, им придется везти с Земли множество вещей. Даже... мел. Тот самый, каким ты пишешь на доске. На Венере мела нет и не было никогда. Давай разберемся, почему. Ведь для образования мела нужен углекислый газ. А его на Венере как раз много. В чем же дело?

На Земле углекислый газ целиком растворялся в воде или его поглощали растения. Как ты знаешь, из древних растений со временем образовался каменный уголь. А часть углекислоты, растворившаяся когда-то в воде, вместе с остатками древних водорослей превращалась в известняк и оседала на дно морей и океанов. Мел — одна из разновидностей осадочных пород.

На Венере же вся углекислота оставалась в атмосфере. Поскольку на этой планете нет и, возможно, никогда не было ни морей, ни океанов, ни растений, в ее недрах нет угля и не могли образоваться залежи известняка.

Взгляни на портрет Венеры(внизу на стр. 16). На планете, видимо, движение сверхплотной атмосферы давным-давно сгладило раскаленную поверхность. При температуре в пятьсот градусов некоторые камни светятся, а в ложбины стекает расплавленный металл. Маленькое озерцо на нашем рисунке — не прохладная вода, а жидкий свинец или ртуть...

А вот «увидеть» поверхность Венеры удалось только нашей автоматической станции «Венера-8», опустившейся на дневную, освещенную сторону планеты.

Никогда не бывает дождей

И никогда дождь не остужает раскаленную поверхность планеты. Если он и возникает где-то высоко в облаках, то испарится, не долетев донизу.

На Венере очень мало воды — в тысячи раз меньше, чем в земных океанах и атмосфере.

Венера ближе к Солнцу, и, возможно, она возникла из более сухих частиц, чем Земля. А может быть, воды когда-то на Венере было вдосталь, но из-за той же близости к Солнцу молекулы воды разрушились под его мощным ультрафиолетовым излучением.

Во всяком случае, отсутствие воды на Венере — одна из главных причин ее непохожести на Землю. И если бы на нашей планете исчезла почти вся вода, то жизнь на ней была бы так же невозможна. Правда, не исключено, что простейшие белковые соединения могут существовать в облаках Венеры, где есть водяные пары и достаточно солнечного света.

Сумерки в полдень

В облаках довольно светло, а вот доходит ли солнечный свет до поверхности планеты, стало известно только после полета «Венеры-8». Ее спускаемый аппарат впервые опустился на освещенную Солнцем сторону Венеры.

Ночи на Венере, конечно, темные, сквозь пелену облаков никогда не видны звезды. И даже в полдень вряд ли светлее, чем на Земле в сумерки.

Почему так важно узнать, светло или темно на Венере? Потому что, ответив на этот вопрос, мы узнаем, что является причиной страшной венерианской жары.

Если там круглые сутки царит мрак,— значит, атмосфера планеты совсем не пропускает солнечные лучи и поверхность разогревается за счет вулканической деятельности планеты.

Если же рассеянные солнечные лучи все-таки доходят до поверхности Венеры, жару создает так называемый «парниковый эффект».

Знаешь ли ты, почему даже среди зимы в парниках созревают огурцы? Потому, что стекло парника свободно пропускает солнечные лучи. Они нагревают почву, а вот нагретый воздух то же стекло обратно не выпускает.

Атмосферы планет точно так же более прозрачны для света, чем для тепла. Если бы на Земле не было атмосферы, у нас стало бы в среднем градусов на 30 холоднее, а на Венере — примерно так, как сейчас на Земле.

Но атмосфера есть, и под ее мощным покровом поверхность Венеры разогревается до чудовищных температур. В таком гигантском парнике, как ты понимаешь, огурцы не вырастишь, но вполне можно плавить некоторые металлы.

Портрет становится более точным

Радиотелескопы, радиолокаторы, автоматические станции семейства «Венер» отгадывают одну за другой загадки космической соседки Земли.

Десятки ученых исследуют планету, на которой еще не бывал человек. Создаются модели ее атмосферы, рассчитываются скорости ветра, температура в различных участках планеты. Подсчитано, что перепад температур между днем и ночью всего несколько градусов. Скорость ветра — несколько метров в секунду. Уже ясны в общих чертах законы, по которым движется огромная атмосфера Венеры. Портрет планеты становится все более подробным и точным.

ПАРОЛЬ — НАДЁЖДА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Начало пути

Похоронили Константина Игнатьевича на Воскресенском кладбище Новодевичьего монастыря, что у Московской заставы. Так он хотел. Так шепнул однажды Елизавете Васильевне, когда они все втроем ходили на могилу Некрасова.

Вдове Крупской выдали бумагу о том, что «24 февраля 1883 года отставной коллежский асессор К. И. Крупский, 41 года, волею божиею умер от чахотки легких». Елизавета Васильевна обратила внимание, что возраст вместо 43 лет был проставлен 41. Но не все ли равно теперь?

Вскоре после похорон явился пристав, чтобы описать имущество покойного и поделить

его между наследниками. Он походил по комнатам, открыл шкаф, заглянул в буфет, потоптался на кухне. Он был поражен: у коллежского асессора никакого имущества не оказалось. И капиталов тоже не оставлено — ни в банковских билетах, ни в драгоценных камнях и металлах. Отсутствие имущества и капиталов пристав записал в протокол и, учинив подпись, с недоумением посмотрел на вдову, перевел взгляд на дочь.

— М-да,— произнес он.— Жить-то на что будете?

Елизавета Васильевна промолчала.

Она, как и раньше, будет давать уроки, может быть, станет готовить дешевые обеды для курсисток и студентов, чтобы заработать на бесплатный обед для себя и Нади. Будущее Нади беспокоило мать. Кажется, Елизавета Васильевна заразилась туберкулезом. Борис Модестович заставлял ее пить те же лекарства, что пил Константин Игнатьевич. Говорит: это для предупреждения болезни, но Елизавета Васильевна хорошо знает симптомы страшного недуга. Однако она будет бороться с ним, как только умеет это делать мать. Нельзя позволить болезни одолеть себя.

Доктор тщательно обследовал Надю. У нее никаких признаков чахотки не было. Обыкновенная петербургская девочка — не из крепышей, но и не болезненная, не слабая. Про-

Чем крепче становилась дружба, тем горячее и ожесточеннее были споры.

писал и матери и дочери длительные прогулки в любую погоду.

Надя видела, как тяжело переживает мать потерю друга и любимого мужа, как выбивается из сил, зарабатывая на жизнь!..

По воскресеньям они ходили на кладбище. Надя, по примеру матери, дотрагивалась пальцами до могильного холма, мысленно произносила: «Здравствуй, папочка»,— и отряхивала снег с восковых фиалок. Постояв, Елизавета Васильевна вынимала из муфты крохотную просвирку и, разломив ее, давала одну половину дочери, другую брала себе. Просвирка застревала в горле.

На обратном пути Надя чуть задерживалась у могилы Некрасова. Первый раз она была на этом кладбище с отцом. Разве могла она думать, как часто придется ей приходить сюда — уже на могилу своего отца. Тогда Константин Игнатьевич глуховатым своим голосом прочитал:

«Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его прозревшему и просветленному народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья».

Это почитатели Некрасова начертали на памятнике слова признательности.

А чуть ниже, на мраморе, духовное завещание Некрасова молодежи:

Сейте разумное, доброе. Вечное
Сейте.
Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ».

«Нет большего счастья для человека, чем заслужить от народа сердечное спасибо»,— сказал тогда отец.

Надя больше всего на свете боялась опоздать «сеять разумное, доброе»... Ей хотелось найти в жизни своего Андрея Потебню. И Надя часто заходила в гимназическую библиотеку, поглядывая на девочек. Подруг у Нади было много, но все же не было одной-единственной, главной. Пожалуй, ближе всех Надя сдружилась с Сашей Григорьевой. Чем-то она напоминала Тимофейку. Саша много читала и приносила Наде книги. Надя увлекалась Жюлем Верном, Дефо, Свифтом. Из русских писателей раньше всего познакомилась она с Некрасовым, Пушкиным, Лермонтовым. В пятом классе Саша приохотила ее к Толстому, Тургеневу, приносила книги Герцена, Чернышевского.

Чем крепче становилась дружба, тем горячее и ожесточеннее были споры. Извечный вопрос — какой путь избрать в жизни — волновал гимназисток старших классов. У Нади стали часто собираться девочки. Тоня Герд— дочь директора гимназии — увлекалась естественными науками и историей. Кем стать? Она считала для себя этот вопрос решенным. Как и отец, педагогом. Двоюродная сестра Нади Леля тоже вполне определилась — ее занимала сцена. Надя мечтала стать учительницей, но, кроме обучения грамоте детей, ей хотелось сделать что-то большее, а что, она не знала. Люба Плещеева, медлительная, задумчивая, погруженная в свой внутренний мир, мечтала писать стихи, как и ее отец. И только Саша поставила себе целью в жизни — умереть героической, красивой смертью. Это всегда было причиной жарких споров между подругами. Надя жаждала действия, стремилась жить с пользой для людей, но так, чтобы люди даже не догадывались о том, что она, Надя, приносит им пользу. Самым строгим Надиным судьей была ее собственная совесть, которая не давала ей покоя ни днем, ни ночью.

Как-то она поделилась с Сашей своими мыслями.

— Ты только представь,— говорила Надя,— сколько людей работает на меня. Когда я думаю об этом, то сгораю от стыда и презрения к себе. Вот дорога, по которой мы идем, она сделана людьми для меня, чтобы мне было удобно ходить; дом, в котором я живу, построен кем-то для меня; утром я пью молоко от коровы, за которой ухаживает какая-то женщина и приносит это молоко в город; платье на мне сшито портнихой, башмаки — сапожником, кровать сделал столяр, я укрываюсь одеялом, сотканным ткачами. До чего бы ни прикоснулись мои руки, все сделано кем-то для меня. Иногда мне снятся страшные сны. Все эти люди приходят ко мне и спрашивают: а что ты сделала для нас? Их много — тысячи, десятки тысяч, и я перед ними в ответе.

— Не беспокойся об этом,— успокаивала подруга.— Вырастешь, будешь работать, как все, будешь учить детей, встанешь в один ряд с другими людьми... Нет, я завидую Жанне д'Арк, сгоревшей на костре, завидую Софье Перовской, погибшей на виселице вместе с любимым.— Саша придвинулась поближе к Наде,— знаешь, мне рассказывали, что она и Желябов поклялись друг другу отдать свои жизни за народную свободу. Красивая любовь, красивая смерть! — жарко сказала Саша.

— Я на подвиг, наверно, не способна,— вздохнула Надя.— Если буду бросать бомбу, обязательно промахнусь, я так плохо играю в лапту. Сгореть на костре, наверно, тоже не смогу. Я однажды поднесла палец к свечке, и было мучительно больно, а всего-то вздулся небольшой пузырь. Я в долгу перед всеми, и прежде всего перед мамой, но с мамой у меня как-то не получается дружбы. Она, наверно, «слишком мама», а я «слишком дочь».

— Я этого не понимаю,— призналась Саша.— У нас с мамой отношения, как с подругой. Она предоставила нам с сестрой полную свободу. Я знаю, она ходит в какой-то кружок. Что это за кружок, я не понимаю, но это не хоровод, не круг, а какое-то тайное общество, и там читают какие-то запрещенные книги, и спорят так, что мама приходит до-

мой охрипшая и пьет теплое молоко с содой, чтобы вернулся голос.

Надя и Саша бродили по городу, выбирая пустынные улицы, чтобы свободнее было разговаривать, а потом, выйдя вдруг на Невский, к часовому магазину «Павел Буре», обе спохватывались. Большие часы перед магазином показывали четыре. А Надя обедала с мамой в три!..

Елизаветы Васильевны уже не было дома: она ушла на урок. На столе Надя нашла записку: суп на плите, каша завернута в байковое одеяло, а молоко в кладовке...

Надя прошла в комнату отца. Потрогала его вещи: чернильницу, книгу стихов Мицкевича на польском языке. Подошла к карте Европы, висевшей над кроватью. По этой карте они с увлечением путешествовали! Надя вгляделась в крохотную синюю полоску, соединявшую Италию и Швейцарию. То было заветное озеро Лаго-Маджоре...

Надя съела несколько ложек супа, выпила стакан молока, пожевала бублик. Чтобы только маму не огорчать. Села за уроки. Надо было заполнить немую карту Европы. И снова Лаго-Маджоре... Надя расплакалась. Но тут зазвенел дверной колокольчик. Надя быстро смахнула слезы и побежала открывать. На пороге стоял господин Утин. Надя не сразу узнала его. За два года, что он у них не был, Утин сильно изменился — похудел и ссутулился.

Гость снял шляпу.

— Мадемуазель Надя?

— Да.— Надя сделала книксен и пригласила гостя войти.

— Родители дома? — осведомился он.

Надя опустила голову.

Утин заметил траурную повязку на руке и помрачнел.

— Неужели Константин Игнатьевич?..— Он не договорил.

— Да.— Еще ниже опустила голову Надя.

— Прошу простить меня! Я ничего не знал. Только что приехал из Екатеринослава. Когда же это случилось?

— В феврале.

— Боже мой, боже мой! Я вам очень сочувствую. Как же вы живете? Я хотел спросить — на какие средства?

— Мама получает пенсию, девять рублей, дает уроки. («А я вот ничего не делаю, пользуюсь чужими трудами»,— пронеслось в голове.)

Утин сел, долго молчал, тяжело вздыхая, угнетенный и печальной новостью и явными признаками отчаянной нищеты.

— Как вы учитесь? — спросил он, о чем-то раздумывая.

— Отметки у меня хорошие,— ответила Надя.— Только по французскому пять с минусом.

— Остальные пятерки?

— Да.

— Отлично! — оживился Утин.— Хотите давать уроки? Я знаю одну славную семью, они ищут репетитора для дочки. Урок будет хорошо оплачен. С девочкой надо будет заниматься по программе третьего класса.

Надя сжала пальцы до хруста.

— Но сумею ли я? Это очень страшно! Я учусь только в пятом классе. Нет, нет, я не сумею быть репетитором.

— У страха глаза велики. А вам страшиться не пристало. У бесстрашного отца должна быть бесстрашная дочь. Спросите разрешения у мамы и берите урок.

Надя вспыхнула:

— Уроки буду давать я! А мама, мама возражать не станет.

— Тогда отлично. Вот вам адрес и записка к Людмиле Петровне. Девочку зовут не то Долли, не то Бьюти. А может, так зовут ее кукол. Я всегда путаю. Вы можете смело туда идти. По моей рекомендации вы будете там хорошо приняты.— Утин встал.— Передайте вашей матушке мой сердечный привет и самые искренние соболезнования.

Пёрвый урок

Придя из гимназии, Надя сменила форменное платье на черное (теперь, после смерти отца, она и Елизавета Васильевна целый год будут носить траур), надела пальто, шапочку, и вот уже каблуки ее башмаков быстро застучали по каменной лестнице.

С чем сравнить волнение первого в жизни трудового дня? Если человеку лет еще немного, он с этого дня становится уже самостоятельным, а если он великовозрастный, то только с этого дня он может считаться равноправным членом общества, равноправным членом семьи.

В четырнадцать лет стать самостоятельной, самой зарабатывать на жизнь—вот что привлекало Надю. Помочь маме, разделить с ней ее трудную судьбу. Купить на заработанные деньги подарок маме, купить себе башмаки. Однако Надю волновало: поверят ли ей, справится ли она? А как преодолеть смущение? Как набраться храбрости, как не сробеть перед учеником, поверить в собственные силы?

Надя сначала бежала, затем вскочила в конку и с пылающими щеками, идя поближе к выходу, всматривалась в дощечки с названиями остановок. Ей казалось, что она безбожно опаздывает. Когда конка проезжала мимо часового магазина, Надя выглянула в окно. Что за напасть?! Все часы показывали разное время!

Но вот и конечная станция. Надя побежала, перескакивая через весенние лужи, остановилась у подъезда богатого дома. Еще раз взглянула на конверт, надписанный рукою Утина. Да, именно это дом № 31. Теперь нужно под-

няться на второй этаж. На тяжелой и высокой двери была бронзовая голова льва, из пасти свешивалось кольцо. Надя потрогала кольцо, чуть повернула его, и за дверью что-то тихо звякнуло, Надя повернула еще раз — зазвонил колокольчик. Это было забавно. Но в следующую минуту молодая девушка в белом переднике и белой кружевной наколке открыла дверь. Наде показалось, что она насмешливым взглядом встретила гостью.

— Вам чего, барышня? — спросила она низким грубоватым голосом, который так не шел к ее тонкой фигуре и красивому личику.

Надя протянула конверт.

Горничная рассмеялась.

— Я ж не понимаю грамоте. Вы, наверное, к нашей барышне? Я сейчас доложу барыне.— И не дожидаясь ответа, горничная побежала в комнаты и вернулась вместе с миловидной дамой, одетой в красивое платье, серое с черным.

Надя сделала книксен и протянула конверт. Дама улыбнулась, распечатала письмо, поднесла к глазам лорнет и затем перевела взгляд с визитной карточки на гостью. Губы у нее дрожали от смеха. Лицо Нади горело. Ей не верят! Ее всерьез не принимают!

— Ну, что ж, будем знакомы,— совсем просто и весело сказала молодая женщина.— Меня зовут Людмила Петровна. Раздевайтесь и пойдем знакомиться с вашей ученицей, но предупреждаю, моя Долли ленивая и учиться ей не нравится. Единственно, что ее увлекает,— это куклы. Уже несколько репетиторов отказалось заниматься с ней.

У Нади заныло под ложечкой. «Несколько репетиторов». А она? Ведь это просто дерзость назвать себя репетитором, учительницей!

В детской комнате все было розовое: и одеяло на кровати, и пушистый ковер, и занавески на окнах, и обитые атласом стулья. Долли предстала перед ними в клетчатом пестром платье, вымазанная акварельными красками. Девочка рисовала портреты кукол, которые чинно сидели на столе, валялись на полу, на кровати, на софе. Казалось, целый игрушечный магазин перетащили сюда. Огромный плюшевый мишка, у которого черный стеклянный глаз висел на ниточке, сидел в углу, забытый и, видно, нелюбимый. Куклы были одна краше другой: блондинки и брюнетки, большие и маленькие, младенцы и маркизы с белыми буклями. Но портреты у Долли получались все на одно лицо.

— Долли, познакомься. Это твоя учительница — Надежда Константиновна. Ты должна ее слушаться во всем. Понимаешь?

— Понимаю,— с готовностью ответила Долли и внимательно посмотрела на Надю, удивленно округлив глаза.

Людмила Петровна ушла и за дверью рассмеялась — очень умилила ее эта юная учительница с толстой косой и такими открытыми, ясными детскими глазами.

Долли и Надя рассматривали друг друга.

Долли была упитанная, веселая, со счастливым смехом и беззаботным видом, должно быть, добрая и покладистая.

— Можно я буду называть вас просто Надя?

Надя решительно отвергла такую дерзость:

— Меня зовут Надежда Константиновна.

— А меня Долли... А это мои куклы...— И, перехватив восторженный взгляд своей учительницы, Долли как воспитанная хозяйка стала знакомить: — Вот это Бьюти, моя самая любимая, это Нелли, это Ксана, это... Я хочу всех их нарисовать, но у меня не получается. А вы умеете рисовать?

— Я люблю рисовать и, пожалуй, умею,— ответила неуверенно учительница.— А ты рисуешь, наверно, так.— Надя взяла цветной карандаш.— Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая, ручки, ножки, огуречик, вот и вышел человечек.

Долли рассмеялась и попросила повторить. Потом она стала рисовать на листах рожицы и отбрасывать прочь, приговаривая:

— Точка, точка...

— Не надо зря портить бумагу. Ее очень трудно делать.

— А вы знаете, как делают бумагу? — удивилась Долли.

— Да, и когда-нибудь расскажу тебе об этом.

Надя брала кукол, поправляла им волосы, платья, любовалась ими. В эту минуту она из учительницы превратилась в девочку. Она почувствовала неутолимое желание поиграть. Кукол у нее всегда было не так уж много. А на дорогих, на красивых она могла только любоваться через витринное стекло.

— Давайте, Надя, поиграем в куклы,— заговорщически прошептала Долли.

Надю осенило.

— Давай! — согласилась она.— Мы с тобой будем учительницы, а они наши ученицы. Что тебе задали в гимназии?

Долли нехотя извлекла из ранца тетрадки, перемазанные чернилами.

Надя нарезала бумагу маленькими квадратиками, усадила на краю стола кукол и перед каждой положила листок с написанной задачей или примером.

— Теперь пусть твои ученики решают задачи, а я займусь со своими.— Надя отошла к дивану, где тоже сидело несколько кукол.— Подумай только.

— Надя, моя Бьюти не может сообразить, сколько будет семью восемь,— развела руками Долли.

— А ты ей подскажи.

— Я сама не знаю. Учу, учу таблицу умножения, но никогда в жизни не буду знать, сколько будет семью восемь.

— Напиши восемь раз цифру семь и сложи.

Долли так и сделала.

— У меня получилось пятьдесят пять.

— Неверно. Сложи еще раз.

Долли, сморщив лоб, шептала, загибала пальцы и потом, стукнув кончиком карандаша свою Бьюти по лбу, нравоучительно произнесла:

— Ты глупенькая. Запомни, что семью восемь всегда будет пятьдесят шесть!

— Теперь будем решать задачу.— Надя заглянула в тетрадку Долли.— Пусть твои ученицы решат задачу 389.

— Про яблоки? Я не могу ее решить! У меня делается кисло за ушами от яблок, давайте лучше про груши. Груши я люблю.

— А мне кисло за ушами от твоей лени. Признайся, тебе просто не хочется подумать? Ну, ладно, давай думать вместе. Яблоко разделили на восемь частей...

Долли, подперев голову руками — такая она стала тяжелая,— внимательно слушала и шевелила губами.

— Бьюти досталось три восьмых, Нелли тоже три восьмых, а Мишке — две восьмых, четвертинка! — торжествующе заключила ученица.

Надя порадовалась так, словно она сама изобрела паровую машину.

— Сейчас ты выучишь стихотворение Пушкина «Вурдалак» и прочитаешь его нашим ученицам. Я буду читать, а ты повторяй за мной.

«Трусоват был Ваня бедный,
Раз он позднею порой
Весь в поту, от страха бледный
Чрез кладбище шел домой...»—

читала наизусть Надя и рассаживала кукол-слушательниц на диване.

«...Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак».

— Не надо. – Долли забралась в кресло с ногами.— Мне страшно.

— Да не страшись, не страшись,— смеялась Надя.— Сейчас Ваня увидит, что

«В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость».

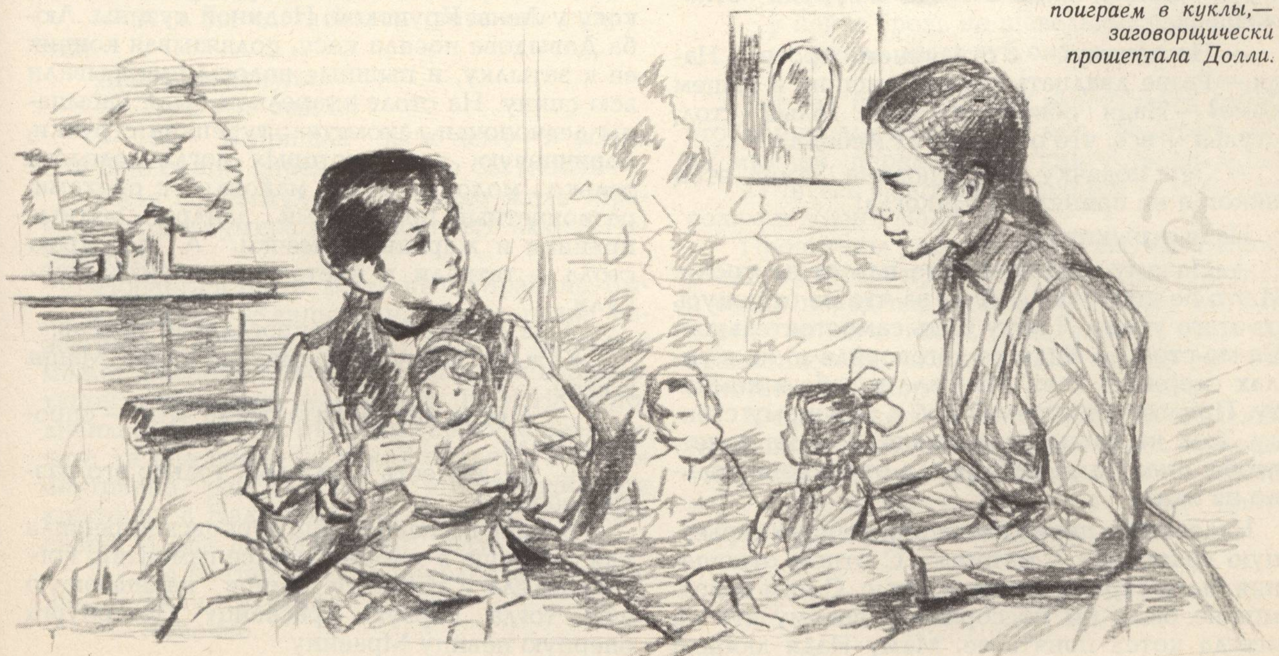
— Все равно мне страшно! На могиле... собака. Бррр...

— И все-таки мы с тобой выучим это стихотворение,— сказала Надя,— и не будем бояться собак. У меня в детстве,— продолжала она, напирая на слово «детство»,— была чудная собака Карсончик. Мне подарили ее мальчики. Собака была рыжеватая, с пушистым хвостом, только на боку у нее не было шерсти: кто-то обварил ее кипятком. Она всюду ходила за мной, и, когда мы уезжали, она долго бежала за нашей коляской, и мне было так жалко ее, просто ужас!.. Ну, а теперь начнем:

«Трусоват был Ваня бедный...».

Людмила Петровна стояла у дверей и наблюдала, как юная учительница превратила скучное учение в интересную игру и как ее Долли вот уже третий час послушно решает задачи, учит стихи. Вот читает и волнуется, а учительница стоит перед ней и, как дирижер, в такт размахивает палочкой и стучит ею по столу, если Долли ошибается. Долли краснеет, поправляется и старается изо всех сил.

— Я вам, Надя, очень благодарна! — сказала после урока Людмила Петровна.— Если и дальше у вас так пойдет... Словом, у вас талант педагога. Не зарывайте его в землю. Еще раз большое спасибо,— пожала на прощание руку Людмила Петровна...

—Давайте, Надя, поиграем в куклы,— заговорщически прошептала Долли.

— Мамочка, у меня сегодня был первый урок! — раздеваясь в передней, кричала восторженно Надя.— Прошел отлично. Я буду получать двадцать рублей в месяц. Поздравь меня! — Надя, перекинув косу через плечо, вбежала в столовую и... осеклась. Поняла: мама сердита. Конечно, надо было сказать, спросить разрешения, посоветоваться. Почему она этого не сделала? Надя не умеет объяснить. Может быть, опасалась, что мама не разрешит, она привыкла все бремя тягот нести на себе, она и Надю носила бы до сих пор на руках. Каждый день с тревогой осматривает ее: не похудела ли? Удивительные мамы! Они ценят своих детей по весу и росту. Растет дочка, полнеет — значит, все хорошо!

— Почему, почему ты скрыла это от меня? Что у нас будет за семья? Кто тебя рекомендовал? — раздраженно выговаривала Наде Елизавета Васильевна.

Надя стояла ошеломленная. Такой резкий переход от радости, от благодарности, которую она получила от незнакомой женщины, к укорам матери, горьким и, наверное, справедливым.

— Несколько дней назад к нам заходил господин Утин. Он сам предложил мне урок. Я его ни о чем не просила... Я не знаю, что это за семья. Богатые люди. Милая хозяйка, Людмила Петровна. У нее дочка Долли. Я с ней занималась. Людмила Петровна меня похвалила.

Надя быстро заплетала и расплетала кончик косы. Она видела, что лицо матери все более становилось мрачным и огорченным. Но что она сделала плохого?

Елизавета Васильевна встала и холодным, чужим голосом произнесла:

— Завтра я поеду к этой Людмиле Петровне, извинюсь, и ты от этого урока откажешься.

— Но почему? — с отчаянием спросила Надя.— Разве двадцать рублей лишние в нашем доме? — Надя обвела глазами голый стол, стулья — все, что осталось от мебели.

— Эту подачку от господина Утина отец никогда не принял бы. Никогда!

Надя вспыхнула:

— Почему подачку? Мне платят за уроки. И это не понарошке. Я ни за что не откажусь от этого урока. Я хочу быть самостоятельной. Са-мо-стоя...— Надя не договорила и, не в силах сдержать слез, убежала к себе в комнату. Приложила горячий лоб к оконному стеклу. Там, на улице, шла жизнь. А мама хочет, чтобы она, Надя, наблюдала эту жизнь только из окна.

Надя остро переживала эту первую серьезную размолвку с матерью. С отцом отношения были гармоничные, добрые. С ним невозможно было бы поссориться, потому что он всегда хотел понять ее. Маму Надя любила самозабвенно, но ей хотелось быть с ней равноправной во всех горестях, трудностях, а мама отгораживала ее от трудностей, даже скрывала, когда в доме не было денег. Все это глубоко задевало и ранило девочку.

Как добиться равноправия? Как подружиться с мамой? Эти вопросы очень мучили Надю.

«Учитёсь властвовать собою!»

— И все же я считаю, что выход есть: надо идти в актрисы,— прозвенел в тишине голос Маши Юрковской. Она отодвинула от себя тетрадь с ненавистными геометрическими фигурами, в которые она уже успела зарисовать любимую актрису Пелагею Стрепетову в разных ролях.

Девочки разом сунули ручки в непроливашки, и вопрос всех вопросов — что же дальше? — заслонил все. Подруги забыли, что скоро будут выпускные экзамены и надо к ним готовиться.

Над столом слегка покачивалась лампа-молния под белым абажуром, освещала девичьи головки и косы — черные и блестящие у Саши Григорьевой, медные у Маши Юрковской, золотистую длинную пушистую косу — зависть всех гимназисток — у Нади Крупской, тоненькие косички Любы Плещеевой, замысловато в восемь прядей заплетенную косу у Лены Крупской, Надиной кузины. Люба Давыдова носила косу, подвязывая кончик ее к затылку, и пышные волосы прикрывали всю спину. На столе в тарелках были насыпаны девчоночьи лакомства: турецкие стручки, коричневую кожу которых могли одолеть только молодые зубы, маковки с орехами, разноцветный прозрачный ландрин, мятные пряники и жареные семечки. А по краю стола — тетради в клеточку, линейки, циркули.

А за окном была непроглядная темень.

Каждая девочка примеряла слова Маши к себе.

— А если нет таланта, тогда что? — спросила Надя.

— Талант есть у каждой, только его развивать надо.

Вопрос о сцене Маша Юрковская решила для себя еще в третьем классе гимназии, когда увидела в гостях у матери начинающую еще тогда первую красавицу Петербурга оперную певицу Мравину.

Живая фантазерка Леля Крупская вскочила со стула и, зажмурив глаза, раскинув руки, мечтала вслух:

— Девочки, это же самая чудесная профессия: аплодисменты, умопомрачительные костюмы, бриллианты, дождь цветов. Ты выходишь из театра, и за тобой бегут твои поклонники и поклонницы, хватают снег из-под твоих каблуков и глотают его или выпрягают лошадей и везут тебя домой.

— Если все девочки станут актрисами, то и театров не хватит, ни бриллиантов, ни цветов, ни лошадей.

В доме директора консерватории собирался цвет театрального и музыкального Петербурга, и Люба Давыдова наслышалась дома всяких историй об актрисах.

Ее младшая сестренка, Маруся, сказала, выглянув из-за кресла:

— Самой хорошей артисткой будет Надя, у нее коса длиннее ваших.

Девочки рассмеялись.

— Мышка, если не хочешь, чтобы я тебя отправила домой, сиди и не слушай, о чем мы тут разговариваем,— строго предупредила сестра.

Она сделала знак девочкам, чтобы они сдвинулись ближе. Девочки забрались с ногами на стулья и соединили головы над столом.

— Вы не знаете, девочки,— шептала Люба Давыдова,— какая страшная жизнь у актрис! Сейчас весь Петербург говорит о том, что царь предложил Мравиной быть «подругой» его сына, наследника Николая. А Николай только на портретах красивый. Я его видела из папиной ложи, совсем близко, он прыщеватый, с водянистыми глазами, бр-р-р!.. И Мравина отказалась стать его подругой, и теперь, говорят, ее артистическая карьера кончилась.

Саша Григорьева тряхнула кудрями:

— А я бы согласилась стать его подругой!

Девочки ахнули:

— Ты с ума сошла!

— Нет. Я пришла бы к нему и убила его. Еще одним царенком стало бы меньше.

Надя содрогнулась. Ей стало жаль Мравину, этого кумира всех молодых людей Петербурга.

Попасть в театр, когда пела Мравина, было непросто... Женщина не имеет права даже быть красивой, потому что ее красотой может распорядиться этот слоноподобный, тупой и жестокий Александр III. И Надя подивилась Сашиной отваге и спросила себя, готова ли она пойти на такой подвиг, а потом внутренне рассмеялась — это страшно для красавиц, а Надя вовсе не считала себя красивой. И она высказала это вслух.

— Ты считаешь себя некрасивой?— удивилась Леля Крупская.

— Конечно.

Девочки наперебой и бесцеремонно стали оценивать достоинства Нади.

— У тебя большие настоящие петербургские глаза, у тебя цвет лица, как у Мравиной. Такой косы чистого золота нет ни у кого. У тебя красивая фигура...

— Оставьте,— слабо защищалась Надя.

Елизавета Васильевна, заглянув в комнату к девочкам, видела, что они взъерошены, встревожены, и очень опасалась, что Надя не подготовится к экзаменам, не получит золотой медали, и тогда ее могут не оставить на дополнительный учительский класс. Но не в ее правилах было мешать девочкам, когда они собирались у Нади. Девчоночьи мечты, маленькие секреты — лучше матери не вмешиваться в это.

Девочки стали распределять роли.

Маша Юрковская мечтала сыграть Марию Стюарт, Леля Крупская — Катерину в «Грозе» Островского, а Надя... Надя пожала плечами. Ей нравится образ Татьяны из «Евгения Онегина», но эта поэма была воплощена не в драме, а в опере, а голосок у Нади был слабый и вокальных данных у нее не обнаруживалось. Но образ Татьяны всегда преследовал ее.

Она целые часы проводила перед зеркалом, то разыгрывая сцену гадания, то, распустив волосы и надев мамин капот, писала Онегину письмо.

Но больше всего, глядя в зеркало, твердила себе: «Учитесь властвовать собою...», «Учитесь властвовать собою...»

...«Как сильно ни была она
удивлена, поражена,
но ей ничто не изменило:
в ней сохранился тот же тон,
был так же тих ее поклон.

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась
иль стала вдруг бледна, красна...
у ней и бровь не шевельнулась,
не сжала даже губ она...»

Вот так бы научиться властвовать собой, чтобы никогда и никто не мог прочитать твоих мыслей, перелистать книгу твоей души.

«Учитесь властвовать собою» — стало паролем в жизни Нади.

Прочитаны десятки пьес, выучено много ролей, которые произнесены перед зеркалом и редко перед подругами. Но хватит ли смелости пойти в театр, предложить себя как драматическую актрису? Научилась ли она властвовать собою?

И при встрече с Лелей, Сашей и Машей Надя понимала, что этим девочкам суждено стать актрисами (они о другом и не мечтали), а она не знает, в чем же и где найти себя, найти применение своим силам.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Слово о друге

Ким ИВАНЦОВ

Невысокий подвижный паренек в заломленной на затылок кепке, из-под которой выбиваются светлые волосы. На плечах видавший виды пиджак, под ним майка-безрукавка. На брючном ремне самодельная медная бляха в виде орла — предмет особой гордости владельца и источник постоянной зависти его сверстников...

Таким я впервые увидел Сергея Тюленина. Было это летом 1938 года. Мы в тот год оба перешли в пятый класс.

Как большинство наших ребят, Тюленин любил купаться в реке, прыгал с обрыва «ласточкой», отчаянно нырял. У него водились всех видов рогатки, пистолеты, стреляющие горохом, и деревянные сабли. Мы вместе гоняли по пыльным улицам тряпичный мяч и, чего греха таить, не один раз совершали набеги на сады пригородного колхоза. А когда начался учебный год, пошли в одну и ту же школу.

*

Детство Тюленина было далеко не безоблачным. Семья большая — девять детей. Старый, больной отец, Гавриил Петрович, с трудом мог ее содержать, и Сергей всегда старался хоть чем-нибудь ему помочь. В седьмом классе Тюленин решил поступить в училище трудовых резервов.

— Одним ртом в семье будет меньше, — объяснил он мне.

Некоторые ребята, в том числе и я, присоединились к Тюленину. Нам хотелось поскорее стать взрослыми.

9 октября 1940 года на большой перемене мы отправились в горсовет, чтобы записаться в ремесленное. Хотели в железнодорожное, но, оказалось, из нашей Ворошиловградской области в эти училища не берут.

Человек, с которым мы разговаривали, спросил, учимся ли мы. Получив утвердительный ответ, он расправил пышные, как у Буденного, усы и скомандовал:

— Кру-гом! Учиться ша-агом марш!

Сергей разочарованно сжал тонкие губы и первым уныло побрел к выходу.

*

В шестом классе мы с Сергеем были на районной олимпиаде детского творчества. Она проходила в клубе имени Ленина.

На сцену вышел крепкий, коренастый юноша. Русые волосы старательно приглажены. Большие с длинными ресницами глаза добродушно смотрят на публику. Отутюженный костюм, белоснежная рубашка. Все сидит на нем ладно, аккуратно, празднично.

Юноша широко улыбнулся и стал читать свои стихи:

И рыбу я люблю ловить
Со школьными друзьями,
На берегу уху варить
С картошкой, с карасями.
Люблю я шелест камыша
И взлет днепровской чайки...

Зал дружно аплодировал поэту.

— Е-ще, е-ще! — требовали слушатели.

Решительно вскинув голову, юный поэт сказал:

— Добре, — и прочитал еще одно стихотворение, на украинском языке.

— Здорово, а? — сказал Сергей. — Надо с ним познакомиться.

Знакомство состоялось очень скоро — на следующий день.

Мы шли куда-то по аллее парка, и Сергей, оживленно разговаривая, сломал подвернувшуюся под руку ветку. На него коршуном налетел невесть откуда взявшийся парень.

— Зачем л-ломаешь? Ч-человек посадил дерево, а ты его п-портишь! — выпалил он, слегка заикаясь.

Сергей резко повернулся, сжав кулаки. Однако, узнав вчерашнего поэта, опустил руки и сконфуженно произнес:

— Да я так, нечаянно...

Глава из книги Кима Иванцова «О друзьях-товарищах». Книга вышла на украинском языке в издательстве «Веселка».

На фотографии — Сергей Тюленин. Таким он был в седьмом классе.

Парень миролюбиво улыбнулся:

— Ну, если нечаянно, прощаю, — и протянул руку: — Олег Кошевой.

*

Тюленин много читал. Особенно о героях гражданской войны и об авиации. Нравилась ему поэзия Маяковского. Помню, он с увлечением декламировал «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Прозаседавшиеся», «Подлиза», «Хорошее отношение к людям», «Даешь изячную жизнь».

Раздобыв интересную книгу, Сергей забывал обо всем на свете. Читал и дома, отложив в сторону учебники, читал и на уроках. И тогда в дневнике его появлялись неважные отметки. Как-то библиотекарь Елена Ивановна сказала Сергею:

— Есть, Тюленин, книга о Котовском, которую ты спрашивал. Да только не знаю, давать ли ее тебе...

Сергей удивленно посмотрел на нее.

— Говорят, ты читаешь на уроках, — продолжала она. — Хорошо то, что в меру...

Сергей смущенно опустил голову и, помолчав, сказал:

— Этого больше не будет.

А уж если Тюленин давал слово, то держал его крепко...

*

Мы не раз слышали о будущей войне. И готовились к ней. На уроках военного дела изучали винтовку, с завязанными глазами умели разобрать и собрать затвор, стреляли из малокалиберки, учились бросать гранаты. В кружках ПВХО готовились к противовоздушной и противохимической обороне, тренировались в надевании противогазов. Сдавали нормы на значок «Готов к ПВХО» и с гордостью носили на лацканах пиджаков новенькие блестящие значки.

В марте 1940 года, когда Сергея принимали в ОСОАВИАХИМ, моего друга спросили:

— Как у тебя с дисциплиной?

— Дисциплина, — неуверенно начал Тюленин, глядя в сторону, — ...дисциплина посредственная...

— Надо, чтобы была отличная, — заметил сидящий за столом президиума военрук Небытов. — В нашем деле без крепкой дисциплины никак нельзя. Так ведь?

Сергей утвердительно кивнул.

С каким благоговением смотрели мы на военных, время от времени появлявшихся в нашем шахтерском городке! И с нетерпением ждали, когда и нас призовут в армию, хотя до этого было еще далеко...

А пока что увлекались физкультурой, воспитывали в себе силу воли. Особенно мы любили гимнастику. Тренировались на кольцах, турнике, брусьях, прыгали в высоту и длину, лазили по пожарным лестницам.

Во время каникул устраивали ближние и дальние походы. Однажды, возвращаясь с ре-

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

ки Каменки, попали под сильный ливень с градом. Сергей предложил снять рубашки и принять этот не совсем обычный душ. Подгоняемые ветром крупные капли дождя и увесистые зерна града больно хлестали тело. Сжав зубы, мы терпели, старались не проявить малодушия. Домой пришли в синяках.

Или, бывало, лезем по крутому обрыву, и Сергей говорит:

— Представь себе, что это на войне, там ведь не станешь выбирать дорогу.

И мы взбирались на кручу. Срывались, летели вниз кубарем и снова карабкались вверх, до крови обдирая руки и ноги.

В те годы весь мир восхищался полетами Чкалова, Громова, Гризодубовой, Коккинаки, Ляпидевского, Мазурука. И мы все мечтали стать пилотами. А Тюленин прямо-таки грезил авиацией. В последний предвоенный год он даже китель носил, как у летчиков, с настоящими «летчицкими» пуговицами.

Во время войны с белофиннами в 1939—1940 годах Сергей тщательно следил за сводками о действиях нашей военной авиации. В школе мы слушали его рассказы о воздушных боях. Сергей хорошо знал типы самолетов, помнил фамилии отличившихся в боях пилотов.

Как-то приехал в Краснодон Герой Советского Союза летчик Александр Иванович Белогуров, о подвиге которого мы читали в газетах. 1 марта 1940 года в клубе имени Ленина была назначена встреча с ним. Мы с Сергеем пришли за час, однако в клуб пускали только по пригласительным билетам. Милиционеры едва сдерживали натиск желающих послушать героя — их оказалось гораздо больше, чем мог вместить клуб. Под напором толпы мы все же втиснулись в зал и с восхищением слушали Александра Белогурова. Он рассказывал о том, как был подбит его бомбардировщик, как он вынужден был приземлиться на вражеской территории и, раненный, пробирался к своим.

Помню, как горели глаза Тюленина в тот вечер.

Через несколько дней в этом же клубе мы смотрели кинофильм «Истребители». Песенку летчика, главного героя, роль которого исполнял Марк Бернес, — кстати, его тоже звали Сергеем — «В далекий край товарищ улетает...» мой друг потом часто напевал. Сестра моя Нина рассказывала, что Сергей пел ее и во время оккупации, когда был в «Молодой гвардии».

В седьмом классе осенью Тюленин записался в авиамодельный кружок. Он помещался в небольшой комнатке под лестницей. Я не раз бывал там и до сих пор помню, с каким старанием натягивал Сергей марлю на скрепленные клеем и нитками палочки — будущие крылья модели.

Той же осенью случилось событие, особенно взволновавшее нас. Вот что я писал о нем в дневнике:

«18 ноября 1940 года. Сегодня в школе появился старший лейтенант. Он записывал желающих учиться в Ворошиловградской специальной школе Военно-Воздушных Сил. Записывал он только десятиклассников. Жаль!»

«22 декабря. После уроков завуч Григорий Абрамович Резников объявил, что прием в Ворошиловградскую спецшколу ВВС продолжается. Принимают учеников седьмых — десятых классов. В ответ мы дружно грянули «ура». «Кто хочет перейти в спецшколу, — сказал завуч, — послезавтра в военкомат. Там все расскажут подробнее».

«23 декабря. Когда же, наконец, наступит завтрашний день?»

«24 декабря. Утром Тюленин, я и другие ребята ходили в военкомат. Полное разочарование: семиклассников не берут. Из восьмых — десятых классов — пожалуйста. Тюленин сказал, что, может быть, в военкомате напутали и нам стоит съездить в Ворошиловград».

«25 декабря. Ворошиловград. Трехэтажное с колоннами здание на окраине города. Над дубовой дверью золотом написано: «Ворошиловградская специальная средняя школа Военно-Воздушных Сил». Долго топчемся в нерешительности, не осмеливаясь войти. Наконец, тщательно вытерев ноги, открываем дверь. Дежурный посылает нас на второй этаж, и мы предстаем перед высоким молодцеватым капитаном. С завистью смотрим на его форму, петлицы, выправку. Нам бы все это! Капитан, взглянув на наши документы, отрицательно качает головой: «Вам еще рано. Заканчивайте семь классов и, пожалуйста, приезжайте».

К 10 июня 1941 года мы сдали экзамены и получили свидетельство об окончании семи классов. Впереди были каникулы, свобода. Однако Сергея занимало другое. Он решил поступить на работу, чтобы помогать отцу.

После непродолжительного и не очень торжественного собрания мы с Тюлениным долго сидели в классе, строя планы на будущее.

— Работа работой, а учиться все равно надо, пойду в вечернюю школу, — тихо сказал Сергей.

Неровным почерком он написал на доске: «Последний день — учиться лень».

— Сколько раз мы, Кимаша, писали эту фразу! — сказал он задумчиво. — А вот только сейчас понятна вся ее нелепость...

По непривычно тихому коридору мы вышли в школьный двор, где недавно с ребятами посадили деревья. После дождя молодые тополя и акации сверкали на солнце свежей зеленью.

Сергей положил мне руку на плечо:

— Помнишь, как Чехов говорил: «Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша...» Вот и наш след на земле... Пройдет несколько лет, вырастут посаженные нами тополя, и новые ученики скажут нам спасибо...

На минуту он задумался, а потом с тревогой спросил:

— А вдруг не скажут?

Насупил брови, но тут же рассмеялся:

— Придет же в голову такое...

❇

И вот грянула война, сразу перечеркнув все наши мальчишеские надежды. Да и только ли мальчишеские?

Первое, о чем мы думали, услышав о войне, — как можно быстрее попасть на фронт. Мы были уверены, что война продлится недолго, два-три месяца, и страшно боялись опоздать.

Уже 23 июня мы с Сергеем были в военкомате. Райвоенком, старший политрук Войтанник, усталый, осунувшийся, даже не стал с нами разговаривать. Буркнув: «Не мешайте работать», — он скрылся за дверью своего кабинета.

Целыми днями мы бесцельно бродили по городу. Тут и там висели листки, извещавшие, что Краснодон находится на военном положении. Работники милиции и военкомата ходили с противогазами. Это еще больше усиливало тревогу и желание поскорее попасть на фронт.

Так прошел месяц. 3 августа Сергей прибежал ко мне на рассвете с новостью:

— В больницу раненых привезли.

Мы выскочили на улицу. Второпях нарвали в палисаднике цветов и что было мочи понеслись к больнице, в противоположный конец города.

Неподалеку от больницы стоял санитарный эшелон. Народу, несмотря на ранний час, собралось много. У всех были цветы, фрукты, узелки с домашней снедью. Врач, приехавший с эшелоном, взобрался на кабину автомашины, поблагодарил краснодонцев за сердечную встречу и попросил освободить дорогу для разгрузки раненых. Толпа попятилась. Многие стали тут же помогать санитарам. Тяжелораненых осторожно укладывали на носилки, легкораненых наперебой приглашали к себе домой.

Позднее мы с Сергеем часто бывали в госпитале. Помогали медсестрам, писали раненым письма, читали газеты и книги, сводки Совинформбюро, бегали на базар за самосадом. Общительный характер Тюленина, его доброе сердце радовали измученных людей, и на какое-то время они забывали о своих страданиях, горестях первых утрат.

❇

На шоссе день и ночь, поднимая облака пыли, скрипят подводы беженцев, нервно сигналят автомашины, нагруженные имуществом эвакуируемых учреждений, устало и нехотя бредут стада коров и овец. Иногда в этот поток вливаются машины с ранеными. Все торопятся на восток...

Мы с Тюлениным каждый день ходим в райком комсомола. Мы еще не комсомольцы, но в райкоме нас хорошо знают, особенно первый секретарь Прокофий Иванович Приходько (или попросту Проня) и заведующая сектором учета Валя Герман. Они нам часто дают поручения.

Большую часть времени мы проводим на шоссе, чем можем, помогаем беженцам: выносим в ведрах воду, объясняем, как проехать, рассказываем, о чем сообщалось в последних сводках Совинформбюро. Сводки весьма неутешительны: фронт быстро приближается к Краснодону.

Однажды у клуба имени Горького рядом с водоразборной колонкой остановились машины с детьми. Дети с жадностью набросились на воду. Сергей вдруг предложил:

— Здесь же недалеко сад, у того деда, знаешь, его куркулем зовут. Натрусим яблок ребятишкам — куркуль от этого не обеднеет.

Я согласился. Мы бежим к саду, но у калитки натыкаемся на хозяина. Останавливаемся, не зная, что делать. Эх, будь что будет — подходим к «куркулю» и рассказываем ему, в чем дело. Взгляд «куркуля» постепенно добреет. Он спрашивает:

— А не врете?

— Нет, дедушка, честное слово.

«Куркуль» идет в сад и вскоре возвращается с полным ведром отборных яблок.

— Ведро не забудьте принести, — строго наказывает он.

*

В Краснодоне полным ходом идет эвакуация. Распахнутые окна и двери покинутых домов, взорванные шахты. Из труб валит сизый дымок — сжигают архивы. Из госпиталей вывозят раненых.

Воинские части наводнили город, и нам казалось, что теперь будет легче попасть на фронт. Но эти надежды оказались напрасными. Трудно перечислить всех, к кому мы обращались в те дни. Просили, умоляли, требовали, доказывали... Наконец, пустили в ход обычную хитрость: прибавили себе по нескольку лет. Глядя на меня, некоторые командиры нет-нет да и задумывались, но небольшому и худенькому Тюленину никто не верил.

Однажды моя сестра Нина передала нам просьбу Вали Герман зайти в райком комсомола. Не мешкая, мчимся с Сергеем к знакомому серому зданию.

— Вас ждут, — Валя указала рукой на угловую комнату.

За столом, заваленным какими-то бумагами, сидели двое военных. Как я узнал позже, это были работники штаба восемнадцатой армии, старшие политруки Коробов и Попов. Один из военных оторвался от бумаг:

— Вы к кому, ребята?

— Валя сказала, чтобы мы зашли.

— А, Валя... — неопределенно произнес политрук. — Садитесь.

Мы робко присели на краешек дивана.

— Ваши фамилии Тюленин и Иванцов?

Мы согласно закивали.

— Так-так, — задумчиво протянул политрук и спросил: — Сколько же вам лет?

— Мне шестнадцать, — поторопился Сергей.

— Н-да. Не густо... Ну, а тебе?

Я был на год моложе Сергея, однако выпалил:

— Через месяц будет восемнадцать.

— А если точнее, без вранья?

«Была не была» — проносится в голове, и, подняв голову, смотрю прямо в глаза старшего политрука и повторяю:

— В самом деле восемнадцать.

Небольшая пауза, раздумье, а потом — как обухом по голове:

— Что ж, можете идти. Вышла ошибка.

Так и не поняли мы в тот день, кто эти военные и что им было надо от нас.

Утром меня снова вызвали в райком. Я надеялся встретиться там с Сергеем, но его не было. Со мной долго беседовали политруки, рядом с ними сидели первый секретарь Краснодонского райкома партии Василий Кондратьевич Нудьга и заведующий военным отделом райкома Алексей Григорьевич Берестенко. Мне предложили работать в подполье, если Краснодон будет оккупирован. Я охотно дал согласие и попросил взять и Сергея Тюленина.

— Возьмем, обязательно возьмем, — сказали мне. — А пока своему другу ничего не говори. Никому ни слова.

*

Осенью 1941 года в жестоких боях частям Красной Армии удалось задержать фашистов на реке Миус. По-видимому, отсутствие необходимых резервов побудило наше командование бросить на фронт и партизанские отряды, сформированные на не оккупированной еще территории Донбасса. Так зимой 1941 года попал на фронт и Краснодонский партизанский отряд, бойцом которого я стал. На фронте мы вели разведку, прерывали связь противника, уничтожали его огневые точки. Нередко вместе с воинскими частями наш отряд удерживал участки обороны, отбивая атаки гитлеровцев.

Весной 1942 года партизанские отряды, в том числе и наш, были отозваны с фронта и направлены на восстановление угольных шахт. Я перешел в Краснодонский истребительный батальон. Вскоре в Краснодон со строительства оборонительных сооружений под Ворошиловградом в родной город возвратился и Сергей Тюленин.

Как-то в середине июля, в свободный от службы жаркий день, мы долго бродили с моим другом по пыльным улицам. Вспоминали школу, учителей, товарищей. Около райкома комсомола остановились.

— Помнишь, — сказал я Сергею, — у Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз...»

— И мы проживем ее так, — перебил меня Сергей, — что не будет стыдно ни нам, ни нашим отцам. Никто не скажет, что в дни, когда над Родиной нависла опасность, мы забились в нору.

Я пристально посмотрел на друга и спросил:

— Так что же ты все-таки решил?

— Остаюсь в городе, — ответил он. — Не таращи глаза. В армию, сам знаешь, мне не попасть. А в эвакуации, в Ташкенте, делать нечего... Кое с кем из ребят уже договорился. Они тоже не собираются сидеть сложа руки. Мы будем бороться.

«Будем бороться!» — это прозвучало как клятва.

Мы распрощались. Навсегда. 19 июля 1942 года со своей воинской частью я ушел из Краснодона. На следующий день в город ворвались фашисты.

Невысокий, худенький, плохо одетый, но цепкий, сильный и волевой — таким остался в моей памяти Сергей Тюленин. Эти качества его характера и сильно развитое чувство товарищества в полной мере проявились, когда Сергей работал в «Молодой гвардии». Моя сестра Нина, да и другие оставшиеся в живых молодогвардейцы не раз рассказывали об этом мне. Когда Сергей узнал об арестах, то первое, что он сделал, — поспешил предупредить товарищей, не думая о собственном спасении.

Вот таким он был. ★

Наталия ЮРКОВА

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Сорок три солнца

Живу я в горном аиле.
А школа моя в долине.
С утра я еду учиться,
Мой конь быстроногий мчится!
Гэй-гэй!
Земля под ногами дрожит —
Едет по горной тропинке джигит!

Эй! Горы в белых папахах,
В зеленых и желтых рубахах,
Поехали в школу со мной!
Но горы молчат за спиной —
Не едут, не едут со мной.

Эй! Пенистый горный поток,
Поехали в школу—скоро звонок!
Но горный поток с тропинки
свернул —
Вдали голубою лентой сверкнул.

Эй! Солнце над пиками встало!
За мною оно побежало,
В пути от коня не отстало!
Гэй-гэй! Земля под копытом
дрожит,
С солнцем до школы домчался
джигит!

В цветущей долине школа в саду...
Привязан в тени мой конь
за узду.
С ним—двадцать коней,
Двадцать два ишака
У школы товарищей ждут до
звонка.
У школы над рощей арчей
И солнце
На привязи тысячи ярких лучей!

Но вот прозвенел напоследок
звонок —
Закончился в школе последний
урок.
В аилы бегут ишаки и кони.
И сорок три солнца
Мчатся в погоню!
Гэй-гэй! Земля под копытом
дрожит —
С солнцем из школы едет джигит!

Мастер

Мастер у берега моря
живет,—
Легкие белые крылья
Он шьет.
Парус из белой
Тугой парусины
Легким крылом
Пролетает по сини,
Чертит по морю
Крутой полукруг,
Словно свободную
Чайку из рук
Выпустил мастер
В безбрежные
дали —
Парус над волнами
Ветры умчали.
Мастер
У синего моря
живет —
Быстрые, смелые
крылья
Он шьет.
Я подмастерьем
Хотел бы к нему,
Чтобы,
Откинувшись
чуть
На корму,
С парусом
трепетным
Броситься в шторм,
Ветер поймать
Белоснежным
крылом.
Мастер
У бурного моря
живет,
Крепкие, сильные
крылья
Он шьет.

Журнал в журнале печатает

Поздней осенью наш «Кораблик» плавал по Волге и ее притокам. Он вернулся груженный стихами ребят из Татарии и Башкирии.

Габдельнур САЛИМОВ живет в Татарии, а М. БАЙДАВЛЕТОВА — в Башкирии. Они написали стихи о родных аулах.

Вечерний аул

Над аулом струйкой ломкой
След озябшего дымка.
В небе снежною поземкой
Ветер гонит облака.
Лед на речке серебрится,
И с небесной вышины
В лед, как в зеркало, глядится
Плоское лицо луны.
Легкой белою поземкой
Снег струится по земле.
И узор морозный тонкий
Застывает на стекле.

Атлас САГЕТДИНОВ из Верхне-Стярлинской средней школы свое стихотворение назвал

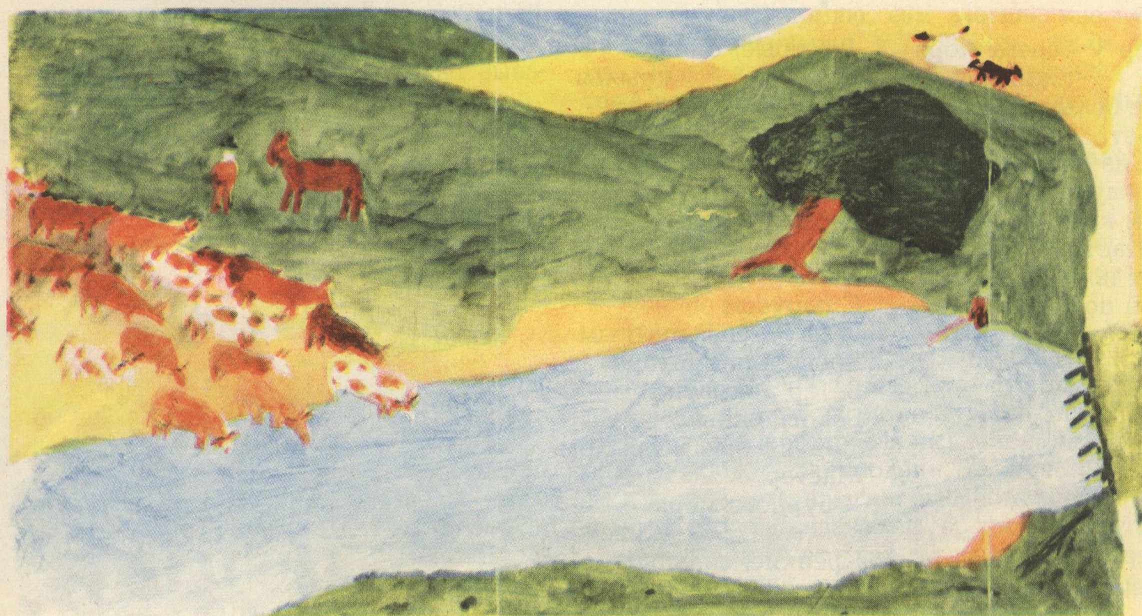
Мечта

Мне гору,
Да повыше,
Чтоб забраться выше всех,
Чтоб на санках вниз скатиться,
Разогнаться и свалиться
Прямо в снег,
Прямо в смех!
А братишка мой хохочет —
Он забраться выше хочет,
На санях с луны скатиться
Дальше всех,
Разогнаться и свалиться
Прямо в снег,
Прямо в смех!

М. БАЙДАВЛЕТОВА

Белые гуси

Уснул мой аул,
И цепочкой огней
Звезды в небе высоком мерцают,
Словно стаи гусей,
Стаи белых гусей
Над аулом моим пролетают.

Ильдар ГИМАЗЕТДИНОВ. «ВКУСНАЯ ВОДА».

Рафаэль **КАСИМОВ.**
«ВЕРТОЛЕТ ПРИЛЕТЕЛ».

Люся ВАЛЕЕВА учится в Ямадинской средней школе, в Башкирии. В школу ходит с удовольствием, но, как мы догадались, прочитав ее стихотворение, любит и выходные дни!

Утро

В это утро, как всегда,
Солнце рано встало,
Алой ленточкой зари
Небо повязало.
Заглянуло к нам в окно:
— В школу опоздаешь!
— Солнце, нынче выходной,
Разве ты не знаешь?

Стихи Рафиса ГИЗАТУЛЛИНА, ученика Старо-Каширской средней школы.

Прощание с летом

Луг, вышитый цветами,
Все лето был со мной.
И жаворонок в небе
Все лето был со мной.
И день, работой полный,
Все лето был со мной.
И выросла пшеница,
Посеянная мной.

Стихотворение башкирской школьницы Фильхары АРДАШИРОВОЙ.

Счастье

Яблоня моя цветет.
Мне вопросы задают:
— Отчего она так пышно,
Эта яблоня цветет?
На родной земле растет!
Как же люди не поймут?
Все лицо мое в веснушках.
Мне вопросы задают:
— Почему лицо твое
От веснушек золотистое?
Солнце я люблю лучистое!
Как же люди не поймут?

Песни звонкие пою я.
Мне вопросы задают:
— Где взяла ты эти песни?
Мы не слышали чудесней.
Это жаворонка песни!
Как же люди не поймут?
Радостно глаза цветут.
Мне вопросы задают:
— Отчего глаза твои
Счастьем, радостью лучатся?
Жить в стране любимой — счастье!
Все меня поймут.

*Мы почти все здесь —
наш 6 «б».
Если будешь читать
про нас, узнаешь
и Лену Голубеву —
она слева, и Бутину
с Квартальновой.
Из-за них
смотрит Толян.
А руку поднял наш
отличник Игорь
Комаренко.
В середине Ежик
в кепочке,
а между ним
и Леной
Мишка Касьянов.
И мы тут тоже:
Антон чуточку
выше Валентина.
Кое-кто есть,
а кое-кто
не поместился.
Но художник обещал
потом других
тоже нарисовать.*

Слышать голос трубы

Авторы этого дневника — два пионера, два друга-шестиклассника. Они учатся в одной из городских школ-новостроек.

Класс новый, ребята все незнакомые. Много разных трудностей, неурядиц. Да и с учением не очень... Однако отряд интересный, и люди есть интересные, и уже начинается у них кое-что настоящее, пионерское. Мы верим, что ребята из шестого «Б» сумеют сдружиться, сумеют найти для себя важные и серьезные дела. Мы верим, что и они добьются на Марше звания правофланговых. Впрочем, не стоит забегать вперед. Поживем — увидим...

А к тебе вот какая просьба. Прочитай дневник Антона и Вальки, подумай: что можно им посоветовать, как ты сам (или сама) поступаешь в сходных ситуациях?

Помни: твои советы действительно необходимы нашим друзьям. Пиши, не медли. Письмами с пометкой «Слышать голос трубы» редакция занимается в первую очередь.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

12 сентября, вторник. Пишет Валентин Осокин.

25 августа, можно сказать, был самый грустный день в моей жизни. Все оставались в лагере еще на два дня. А я должен был уезжать завтра чуть не с первым поездом. Нам дали новую квартиру, нашей семье. Значит, надо вещи свои собрать. Да и вообще: мама с бабушкой разве одни справятся? Отец как раз в отъезде. Он шофер первого класса в автобазе дальних перевозок.

Сперва мне дали готовить басню для прощального отрядного костра. А потом (когда узнали) — какой толк от моего номера, если я уеду и никто ничего не увидит. Басню от меня забрали. И остался я как будто бы в своем родном отряде, но один-одинешенек. Даже Антошка от меня откололся. А что поделаешь, он в двух номерах (стих и пантомима «Рыболов»), зашивается по горло! В общем, весь отряд шумит, галдит. А я в стороне сижу, как старый камень. И обидно и зло берет.

Но все-таки как хорошо, что в отряде вожатых двое. Конечно, Гена тоже неплохой. С ним в футбол просто преотличнейше сыграть. Но без Иры у нас, может, вообще бы отряда не получилось. У Гены всегда: «Ура! Вперед! А ну-ка всем отрядом дружно двинули!» А Ира каждого человека замечает. Когда у Антона зуб заболел, никто этого не заметил, даже я! А она первая заметила.

В общем, сидел я такой мрачный. Делать ну совершенно нечего. Даже вещички уже собрал. А в отряде репетиция идет полным ходом. Гена грохочет на аккордеоне. А Ира, видно, меня заметила и кричит: «Тихо! Валя Осокин и я идем привести в порядок костровое место. Нужен еще один человек». Несколько голосов: «Я! Я!». Ира знает, с кем я дружу! «Ну тогда,— говорит,— Антон Багров пойдет. У тебя с номерами порядок?» Антон: «Порядок!» И Гена кивнул.

Сразу после обеда мы отправились в лес — Ира, Антошка и я. А лагерь в это время укладывался на мертвый час. Из открытых окон было слышно, как вожатые подгоняют ребят поскорее лечь и заснуть... В лес можно было идти по лестнице через овраг. Дежурные бы, конечно, пропустили, у нас разрешение было от Олега Васильевича. Но мы придумали: тайно, по тропинке, которая ползет над самым обрывом, а потом резко скатывается вниз к ручью.

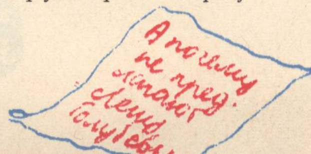
Мы крались по тропе, словно настоящие разведчики. И ни один камень не загремел, ни один куст не шелохнулся. Для верности мы еще перешли вброд ручей, чтоб запутать следы. Настроение было отличное! А сверху, с крыши оврага, над нами нависали ветки и лохматая трава. По ручью мы выбрались к нашей главной купальной речке Серебрянке. Прошли немного вниз по течению до Сваленной березы, перебежали на ту сторону и углубились в чащу ельника. Мы шли на заветное наше место. Отряд нашел его случайно. Как-то раз тащились за Ирой, ругались на ветки, которые так и метились в глаз. Даже Гена — он шел в конце — начал рокотать на Иру. И вдруг... елки разбежались разом. Смотрим — поляна, на ней холм. Вернее, пригорочек небольшой. Мы на него взбежали — череп лошадиный лежит. Белый-белый... Ира говорит: «Но примешь ты смерть от коня своего. Помните?» Ясно, мы все помним... Но неужели же это правда холм Вещего Олега?.. Странное было на сердце чувство: как бы знаешь, что нет, конечно, не тот! И в то же время как бы этого и не знаешь... С тех пор «Вещий Олег» стал нашим костровым холмом.

Мы стали втроем собирать «будущий огонь», как Ира сказала. Не так-то быстро у нас работа шла. Сушняка кругом много, но сквозь елки не особенно натаскаешься! И все же мы не упали в грязь лицом: и толстых сучьев набрали, и тонкого хворосту, и бересты с упавших стволов надрали. Получилась добротная куча разных сортов будущего огня. Сели мы на свой холм, вокруг старого кострища. Ира достала из рюкзачка сухой паек нам троим за полдник, военную флягу с водой. Пожевали мы свои печенья, запили их серебряночной водичкой. Ира говорит: «Пусть сейчас как будто костер горит. Для Вали... И звезды пускай сейчас светят... Чего вы улыбаетесь? Наше солнце тоже ведь звезда. Только она ближе других». Одну минутку мы помолчали. Я сказал: «Антон, подбрось дровишек. Чтоб костер не погас». И сидим. А солнышко круглое лежит на зубцах дальнего леса. Будто парень очень рыжий дотянулся— подглядывает из-за высокого забора. А внизу речка тихо блестит. Хорошо!

Вдруг Антон: «Поговорить надо, Ира».— И берет в руки большую еловую шишку. Антон, ты извини, что я подробно пишу. Но об этом так и хочется писать и писать! А потом еще и вот что: через много лет, когда мы снова будем вспоминать про наш лагерь, мы кое-что могли бы и забыть. А теперь уже нет — прочитаем и вспомним все...

Ну и вот. Антон сказал эти слова и взял в руки шишку. Разговорную. У нас в отряде так было, на кострах. Если тебе передают в руки разговорную шишку, ты обязательно

должен ответить, что думаешь. А разговоры у нас бывали серьезные... Этим летом для нас, бывших пятиклассников, многое вдруг стало по-другому. Раньше жили, как трава растет... А теперь уж нет! Как-то замечаешь все вокруг. И себя и других. Я один раз — это еще в июльскую смену было — вбегаю в нашу палату — пусто. Только Игорь Марютин сидит на кровати и в зеркало на себя смотрится. Как девчонка! Я удивился страшно. Говорю: «Ты чего?!» Он отвечает: «Интересно!»

Но это не в том дело. Я буду писать о разговоре. Антон сразу начал о самом главном: «Ира, мы что, больше уже никогда не увидимся?» И отдал ей шишку. Мы знали, что Ира уходит судовым врачом к берегам Антарктиды, вернется, будет жить в другом городе (Одессе), в лагерь больше не приедет. Нам Иру было очень жалко: жалко с ней расставаться навсегда. И мы очень надеялись с Антоном, что она скажет нам: «Нет, увидимся еще сто раз!» Но Ира вдруг сказала: «Боюсь, что никогда». Мы сидели насупленные, чуть ли не обиженные. Солнце почти потонуло... Только совсем маленькая его полоска виднелась из черных елок. Не было ни звезд, ни солнца, и костер наш придуманный погас...

Вдруг Ира сказала: «Ну и что же, что не увидимся? Неужели же мы из-за этого перестанем дружить?! В чем дело-то?»

«А как же можно дружить, если не видишься?» — спросил я.

«Помнить, вот как!» — выпалил Антон.

«А вы думаете, я вас когда-нибудь забуду? — словно даже удивленно спросила Ира.— Ребята вы дорогие мои!»

Мы хотели ей сразу что-то сказать, что-то сказать такое... А Ира: «Нет, вы погодите! Простите, что я вам сейчас одну вещь скажу. Но ведь это, наверное, правда. Вы думаете, что без Иры и жизнь скукота и вообще ничего не охота, так? Ну, а мне, думаете, легко расставаться? С тобой, Антон, звоночек ты неугомонный. Чуть чего — за всех горою. А с тобой, Валя? Да знаешь, как мне скучно было бы без твоих детективов, без твоих тайных разведок. Как вообще без вас скучно мне будет на свете! А я все-таки держусь. И не реву. Да, Антон?.. Но я про другое еще хочу сказать. Вы думаете, что без Иры и шагу ступить не сумеете? Чепуха! Вы сами все можете. Вы двое друзей. Да еще из одной школы. Старайтесь в один класс попасть. И дела заворачивайте. Чтобы отряд был лучше нашего!..» Вдруг она что-то придумала. Это сразу видно, когда она что-то придумает. «А знаете что... Давайте-ка для верности дневники друг для друга писать. Я для вас — что в своей жизни вижу, а вы для меня — что увидите в своей».

«А когда же мы их прочитаем?» — спросил Антон.

«А может, когда-нибудь и прочитаем!» — сказал я.

Вдали, за соснами неподвижными, за белым вечерним туманом, в лагере, запела труба.

«Вот так прямо и назовите свой дневник,— сказала Ира,— «Слышать голос трубы».

Сердце билось громко и гордо. И слезы подкрались к самым глазам.

Среда, 13 сентября 1972 года. Пишет Антон Багров.

Прямо не знаю, с чего начать...

Во-первых, когда я вернулся из лагеря и уже подходил к своему дому, встретился мне Валерка Ежов. Ежик кинулся ко мне как к родному: «Антошка! Наша школа горит!» Я чуть чемодан не выронил: «Как горит?»

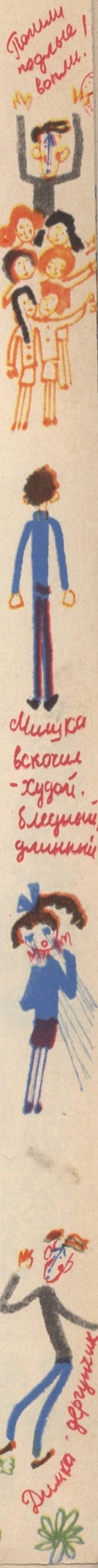
«Точно горит! Пожарные приехали! — вопил Ежик.— Только не тушат, а смотрят, как сгорает, потому что новую уже построили, а наша — фьюить!»

И мы побежали с ним вместе. Ежик мой чемодан тащит, пыхтит от усердия. Прибежали, и правда: пылает родная. Из окон язычищи огня вырываются! Три машины красные рядом стоят, и пожарники никого близко не подпускают, а два из брандспойтов по крыше бьют, пламя подправляют, чтобы не перекинулось куда не надо.

В толпе и наши ребята из класса: Каблук (Каблуков), Комар (Комаренко), Степа (Оля Степанян).

Стоим, смотрим. И как-то жалко нам нашу школу. Хоть и старая, хоть и деревянная она, и всего в два этажа, а все равно. Ведь пять лет в ней проучились, с самого первого класса! Сколько всего хорошего и плохого здесь с нами было! А теперь вот, пожалуйста, не будет нашей школы. И класса нашего не будет. Сгорает наш класс... Тут, на пожаре, я узнал, что учимся мы теперь в новой школе, которую только-только построили. Отличное зданьице, сплошное стекло. Понятное дело, решили назавтра туда нагрянуть.

Первого сентября 1972 года началась история нашего класса. Шестого «Б». «Старичков» осталось семеро из тридцати девяти:

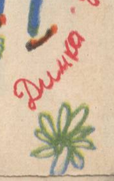

Еж, Каблук, Лена Голубева, Степа, Бутина с Квартальновой и Комаренко. И я еще. Ага, значит, всего восемь!

Но самое главное, самое-рассамое прекрасное, что в нашем классе учится Валька Осокин! Он сначала попал в шестой «А», но — вот человек! — пошел в учительскую к завучу и попросил, чтобы перевели. Его спросили: «Это чем же тебе твой класс не нравится?» А он в ответ: «У меня там мой самый главный друг». Все, кто был в учительской, рассмеялись и сказали: «Пусть».

Из новых я сразу заприметил одного. На последнюю парту уселся тип — здоровый и старше всех года на два. Ему бы по крайней мере в классе восьмом-девятом учиться.

Типом я называю его недаром. На первой же перемене началось. Каблук взялся за старое. Отнял у Ежика авторучку шариковую в виде сигареты. Она, говорит, мне нравится. А ты, Еж, моей попишешь. И сует ему какой-то огрызок за 35 коп. Ежик: «Ну чё ты, Каблук, ну кончи». А Каблук ручечкой играет, между пальцами ее крутит. И тут вдруг этот парень, Толян, лапу протягивает — хоп, и ручка у него. Каблук только голос подымать, а Толян ему как врежет. «Ты,— говорит, — тебя как зовут? Ежов, что ли? Он тебя больше не тронет. Если чего, ко мне обращайся, понял?» Ежик, дурак, кивает. Заступника нашел. А заступничек и говорит: «Даришь?» «Чего даришь?» — растерялся Ежик. «Ну, значит, даришь!» — говорит Толян, и ручки Ежик больше не видал. А Каблук сильный-сильный да хитрый! Понял, что ему теперь не властвовать. К Толяну примазался. И сейчас Ежик слуга двух господ.

4 сентября на первом уроке, на русском, Анна Ивановна вызывает к доске Степу: «Проспрягай нам, Степанян, глагол «строить». Степка мелом по доске стучит, скребет, а он не пишет, только скользит. Начали разбираться, кто да что; оказалось, доска натерта воском. Приволокли ведро с горячей водой, стали доску мыть. А урок-то, конечно, сорван оказался — ЧП. После уроков экзекуция, классный час. Ангелина Андреевна: «Будете сидеть до той поры, пока не выяснится, кто это сделал»,— а сама раскрыла «Литературку» и почитывает себе. На нас даже не смотрит. Сидим. Уже, наверно, полчаса просидели. Толян кричит со своей Камчатки: «Ну, вы, сознавайтесь по-быстрому. И по домам!» А Каблук тут же: «Правда, ребята, а то один весь класс подводит». Еще минут пять прошло, Каблук снова: «Ну, Еж, давай сознавайся, чего молчишь. Я думал, у тебя совесть есть». Весь класс на Ежика обернулся. Ангелина Андреевна глаза от газеты отвела и тоже на него. А Еж растерялся, покраснел, озирается. На Толяна оглянулся, встал и заплакал. «Ежов,— говорит Ангелина,— ты это один сделал?» Ежик молчит. «Ну дак один или не один? — кричит Каблук со своего места.— Может, еще кто с тобой был? Говори, не стесняйся!» Тогда Ангелина спрашивает:

«Женя Каблуков, а ты откуда все знаешь?»

«А я видел».

«Почему ж ты не остановил Ежова?»

«Поздно было».

«А что же ты молчал?»

«Я товарищей не выдаю!»

Ангелина головой покачала: «Все-таки странно» — и молчит. И мы молчим, не знаем, что делать дальше. Минут пять так просидели. Она: «Что ж вы? Ведь сказать больше вам нечего — ступайте по домам». В первые дни то ли уроков задают мало, то ли делаешь их с удовольствием. В общем, в четыре я был на школьной площадке. А площадочки в этой школе — как для мастеров! На футбольном поле травочка специальная выращена. Мячик летает, как живой!

Правда, сыграть нам не пришлось. Девятиклассники поле занимали. Мы сидим за воротами. Каблуков, Ежов и я. Тут подходит Валька. Подсел ко мне и говорит громко: «Антон, ты думаешь, это Еж сам доску испортил? Он же Каблукова выгораживал. Правильно, Ежик?» Ежик тыр-мыр, глазами своими ежиными хлопает. Каблук чуть на локте приподнялся: «Это кто там тявкнул? Ты, чего, Осока, схлопотать хочешь?» А Валька свое гнет: «Ты у нас не Ежик, ты у нас Зайчик. Серенький ты!» А Ежик: «Кого,— кричит,— я выгораживаю? Я тоже делал... Мне-то все равно, а Каблук-то староста. Точно, Каблучок?»

«Что ты ему объясняешь, дурак? — говорит Каблук.— Ему сейчас в морду дать надо. А ты ему объясняешь».

Валька вскочил, кулаки сжал, стоит над Каблуком. А Каблуков вдруг мячом двумя руками Вальке как в лицо швырнет! Валька ладонями закрылся, а из-под пальцев на тенниску кровь капает. Я растерялся (а может быть, испугался?). А Каблук воспользовался этим, дал Ежику пинка, они взяли мячик и ушли. Мне было стыдно за себя. Валька понял это и сказал: «Да уже не больно».

Во вторник 7 сентября у нас был первый сбор. Сначала Сережа Александров из 8 «Б» рассказывал про слет пионеров, который проходил в Артеке. Сережа был там делега-

том. Он раньше тоже в нашей школе учился. Значит, это мы его на слет послали. И правильно, что его послали! Он восьмиклассник уже, а галстук носить не только не стесняется, наоборот, он не зазнавала! Он так рассказывал про слет, как будто хотел, чтобы мы все своими глазами увидели. И никто ни на минуточку ему не позавидовал, что вот, мол, он был на слете, а мы не были. Жалко, что Саши этого Александрова в нашем лагере не было. А он ведь тоже любит, чтобы жизнь была хорошая и веселая. И еще жалко, что он уже восьмиклассник, а не в нашем классе. С ним бы мы такие дела делали!

Вот почему так бывает? Когда в «Пионерке» читаешь про другие отряды или вот Саша рассказывал, то думаешь: где-то живут люди и делают настоящие дела. Им интересно, а у нас, что ли, ребята какие-то безынициативные? Как будто встретились здесь на пять минут, и сейчас разойдемся, и никогда больше не увидимся. А ведь мы же на целый год! А может быть, еще дольше, до самого десятого класса!!!

Я не просто так говорю. Начали выбирать актив, и пошла кутерьма. Выкликали кого попало, лишь бы посмешней было. Кто-то завопил: «Бутину с Квартальновой» (как будто они один человек), и все грохнули. И Ежик старался: «Каблукова». А Каблуков: «Пусть Толян Ступин будет». А Таня Петрова, наш прошлогодний и позапрошлогодний председатель, все аккуратно записывала на доске. Тут Ангелина Андреевна говорит: «Давайте посерьезнее, ребята». И тогда назвали Игоря Комаренко, Таню Картавцеву, Олю Степанян, Таню Петрову. Я лично против этих ребят ничего не имею, они хорошо учатся. Но, по-моему, этого мало все-таки. Надо, чтобы их уважали. Вот почему, например, никогда у нас не предлагают Лену Голубеву? Она не боится общения с мальчишками. Она умная. Не то что эта Картавцева, сразу видно, ни рыба ни мясо.

Председателем выбрали Петрову по привычке. А старостой — Кублука. Чуть ли не единогласно. Против были только мы с Валькой и Лена Голубева. Мы с Валькой попали в одно звено, к Ольке-Степе. Все-таки лучше, чем у Картавцевой.

Так появился на свет наш отряд. Ну что ж, поживем — увидим. А пока ничего интересного у нас не происходит.

18 сентября, понедельник. Пишет Валентин.

Накликал Антон беду: ничего, мол, у нас не происходит. Вот и произошло! Пропал ученик нашего класса Касьянов Михаил. Сегодня даже приходил милиционер. Да только никто ничего про это знать не может. Этот Касьянов совсем новенький, здесь раньше не жил. И вообще он незаметный совсем был. Уроки кончатся, он сразу встанет и уйдет. Как привидение!

В воскресенье рано утром он сказал матери, что на старую квартиру едет, аквариум доделывать с другом. И с тех пор как сквозь землю провалился. Хоть с собаками его ищи, хоть с чем. Нет человека — и все!..

19 сентября, вторник. Пишет Антон.

Нашелся субчик! В детприемнике сидел, чуть вообще в колонию не загремел! Он-то, собственно, ни про какую колонию не говорил. Но Бутина с Квартальновой (есть у нас такие личности, и причем Бутина мать с Касьяновой матерью в одной сберкассе работают) распустили слух про детприемник и что Касьянов за городом где-то был, а дальше начинают хихикать и намекать. И делают это все, чтоб без Касьянова. Эх, Валька, чую, добром эта история не кончится!

20 сентября, среда. Пишет Валентин.

Перед пятым уроком Танька сообщила: «Никто не расходится». Сигнал бедствия в нашем классе. Все завыли на разные голоса. «У меня музыка сегодня».— Это Лабухова голос подает. Всем уши прожужжала своей музыкой. Но все-таки, когда пришла Ангелина Андреевна, мы как миленькие остались.

Я даже сперва не заметил, что за ней вошел какой-то парень. Ангелина говорит: «Познакомьтесь. К вам пришел вожатый вашего отряда Дима». — И отправилась на последнюю парту. Но тут ее вдруг раз — к телефону вызывают. И остался Дима один. Сразу же заскрипели парты, замяукала кошка, на Ежика чих напал. И вдруг Толян с Камчатки: «Дикий!» Дима удивленно: «Толька, Ступа, а ты чего тут делаешь?» От растерянности, наверно, ничего не понял. «Учусь»,— придурочным голосом говорит Толян. И перебирается поближе: «А ну-ка, Захарова, подвинься. Это ж Дикий, кореш мой!» Захарова хихикнула. А мне как-то неловко стало: глу-

пое положение. Когда-то, наверное, вместе учились, а теперь один уже взрослый, вожатый, а другой все еще дитя. Ничего себе ребеночек!

В общем, неизвестно, чем бы все это кончилось.

Бедный Дима листочки свои в трубочку крутит, что делать, не знает. Хорошо, Ангелина вошла: «Ну, как тут у вас? Познакомились? Может, над планом подумаем?» Дима про листок свой вспомнил, раскрутил его кое-как и говорит:

«Ребята, вы, конечно, знаете, что слет в Артеке предложил продолжать пионерский Марш».

Мы это, конечно, знали. И тогда Дима стал говорить о направлениях Марша, о том, что мы должны принять в нем самое активное участие. Потом он стал предлагать нам дела: 1) создать разведку трудовых дел; 2) изучение истории нашего района; 3) провести смотр строя и песни; 4) учиться на совесть, без двоек. «Это, конечно, прежде всего»,— сказал Дима. Он все правильно говорил, но как-то скучно. Как-то неуверенно, как будто чьи-то чужие слова. Я вспомнил про Сашу Александрова. Вот он бы сумел расшевелить наш 6 «Б». Уж он бы да! А Дима... Может, он еще не умеет быть вожатым? Или не хочет? Вожатый, по-моему, должен быть решительный, веселый и чтобы умел придумывать интересное, тогда и все начинают придумывать, и получается, как у нас в лагерном отряде: все волнуются, все болеют за дело и никого не надо упрашивать. Но вдруг взорвался гром среди ясного дня. Дима сказал:

«А давайте-ка, ребята, еще поставим своими силами драму Вильяма Шекспира «Гамлет».

«Что?!» — на весь класс удивился Петька Огаров.

«Давай! — пробасил Толян, будто он о Гамлете хоть что-то слышал.— Во, у нас Гамлет законный».— Он трахнул Ежика по шее.

«Ну, вопрос с Гамлетом мы еще решим»,— скромно улыбнулся Дима. По-моему, он сам хотел Гамлетом быть.

После этого Ангелина быстро собрание наше прикрыла и сказала, что над планом еще надо подумать.

23 сентября, суббота.
Пишет Антон.

Сегодня я слышал, как Ангелина Андреевна говорила Нине, старшей вожатой, что-то насчет «Гамлета». А Нина отвечала: «Пусть попробует. Вы же знаете, Дима Карамышев буквально бредит театром!» Ангелина говорит: «Но почему именно с моим классом?» А после уроков вдруг она же нам объявляет: «Кто хочет участвовать в спектакле, приходит сегодня к пяти часам в актовый зал». Мы с Валькой решили пойти.

Воскресенье, 24 сентября.
Пишет Антон.

Захарова где-то прослышала, что в пьесе действует красивая девушка по имени Офелия. И явилась раньше всех. Когда мы пришли, она уже была на сцене с нашим Гамлетом — Димой.

«Вот ты понимаешь,— воодушевленно размахивал Дима руками,— Шекспир, и в частности его «Гамлет», входит в золотой фонд мировой человеческой культуры. Ну, как бы тебе сказать... Кстати, тебя как зовут?

Офелия опустила глазки:

«Захарова Тоня».

«Так вот, понимаешь, на свете было много разных писателей, но Шекспир среди них...» — Дима задумался.

«Как Лев Яшин!» — помог ему Валька.

Дима на него уставился, будто муху проглотил. А Захарова Валькиного юмора, конечно, не поняла, но сообразила, что надо торопиться: «Дима, а вот кто у нас будет Офэлию играть?» Честное слово, она так и сказала: Офэлию.

«Я еще не решил!» — твердо сказал Гамлет.

И мы с Валькой переглянулись... Кто из нашего класса мог бы сыграть Офелию? Мы так подумали и решили, что, конечно, никто бы не мог. Нашим девчонкам и думать-то обо всем этом рано! Хотя пришло этих Офелий штук пять. А Лена Голубева не пришла. А вообще-то она только одна и подходила на эту роль! Из мальчишек были еще Касьян и Кисель.

Когда девчонок много, они сразу же берут власть в свои руки. Только Дима завелся насчет того, что «эта пьеса еще и драма о большой любви», как Офелия — Бутина всунулась: «Дима, как вы относитесь, если мальчик из шестого класса полюбит девочку?» Квартальнова полубасом: «Ну, ты даешь, Ирка!» Лабухова завертелась: «А чё такое, чё такое?» И пошел жуткий шепот. И разные подлые вопли. И несколько раз раздавалась фамилия Касьяна. Мишка вскочил, бледный, худой, губы дрожат: «Замолчите сейчас же!» А этот дурак Димка к нему: «Как тебе не стыдно?»

«А мне нечего стыдиться!» — кричит Касьян.

«Нечего стыдиться, что с девочкой гуляешь? — запела Захарова.— Три ночи дома не ночевал!»

И тут с Касьяном произошло. Пока он подходил к Захаровой, разворачивался и бил ее по лицу, мы все сидели, как загипнотизированные. Хлясь — пощечина брякнула. Захарова шумно вдохнула в себя воздух: «Ха-а-а-ах!» — и разрыдалась. Потом уж даже и жалко ее стало!

А Димка-дергунчик — какой он, к черту, Гамлет! — кидается по сцене: «Да я, знаешь, что с тобой сделаю?» А сойти вроде боится. «Трус ты! — кричит Касьян.— Трус. Иди сюда!»

«Я сейчас за директором пойду! За нянечкой!» — И нет Димочки, исчез через маленькую дверку на сцене. А Касьян нас не видит: повернулся и выбежал из зала.

27 сентября, среда.
Пишет Валентин.

Антонище! Скажи честно, ты и в понедельник ждал, и во вторник, и сегодня, что будут трепаться про Касьянова Мишку. Я, например, ждал. Но Кисель — ни звука. А главное, что и девчонки ни звука! Я даже вчера не выдержал, к Нельке Лабуховой незаметно подхожу. Я на нее меньше всего надеялся. Ты про это дело, говорю, с Касьяновым не говори никому, Нель. А она мне: «Ладно тебе. Как будто вы с Багровым одни на свете такие чуткие!» А я говорю: «Да нет, я просто тебя прошу, чтоб ты среди девчонок это сказала, чтоб не трепались». Я-то вообще от фонаря сказал, что прошу. Я не хотел ее просить, но растерялся немного. И вдруг Нелька покраснела и спрашивает: «Валя, это лично ты меня просишь?» И смотрит на меня. Я говорю: «Ну да, я». И тогда она тихим-тихим голосом говорит: «Хорошо»,— взяла свою нотную папку и пошла из класса. А около двери повернулась и посмотрела на меня таким странным взглядом. Мне как-то стало не по себе, но не плохо, а хорошо не по себе. И я подумал, что теперь у тебя, у Киселя, у меня и у Нельки, и у всех других девчонок, которые были там, есть общая тайна. Как будто мы заговорщики, все заодно. Все свои. А сегодня утром посмотрел на Бутину с Квартальновой: ну, какие они мне свои? Да и Захарова тоже!

29 сентября, пятница.
Пишет Валентин.

Я пишу второй день подряд. Антон, не сердись! Я после того, как письменные сдал (в 16 час. 30 мин.), взял дневник и хотел бежать к тебе. Вышел из подъезда, вдруг гляжу: на лавочке сидит Касьян. Он кого-то вроде ждал (я потом понял, кого: меня). Я спрашиваю: «Ты чего здесь сидишь, Медведь?» Он ведь не в нашем подъезде живет, а на другом совсем краю, где Лабухова. «Да так,— говорит,— отдыхаю». Ну, я тоже присел на минутку. Болтаем о том, о другом. «Русский сделал?» «Сделал». «Алгебру решил?» «Решил».

«Ты,— спрашивает он,— куда идешь?» Я ему хотел сказать, что за кудыкину гору, чтоб он не кудыкал. Но не стал. И вообще ничего не успел ответить, он опять спрашивает: «К Багрову, небось». Я отвечаю, что да, к Багрову. А Мишка продолжает, будто меня и не спрашивал ни о чем:

«Какой-то класс у вас недружный. Какая-то скукота у вас. Какие-то группочки, как междоусобная война. Ты с Багровым, Бутина с Квартальновой».

Я так удивился, что он про нас, как про Бутину с Квартальновой. Ты чего, говорю, бредишь или на козе едешь? Ваш класс, ваш класс... Он такой же и твой, как и мой.

«Нет,— говорит,— у меня другой класс был».

«Ну и что? Очень золотой был класс?»

«Нет,— отвечает вдруг Касьян,— тоже дрянь. Мне на классы не везет».

«А чего же ты тогда?»

Но Мишка меня как будто снова не слышит. Говорит, как сам с собой.

«Мне на лагери везет. Я в лагере барабанщиком был». И знаешь, что я подумал, Антон, Касьян-то — наш союзник! А он посмотрел на меня и говорит:

«Хочешь, я тебе скажу, где я был тогда? Только чтоб никому. Я у девчонки одной был. Из лагеря».

«Три дня у девчонки?»

«Какие тебе три дня?! — заорал Мишка.— Я и полчаса там не был. Я ей письмо написал, что приеду, а она в кино, видите ли, ушла. Значит, все ясно!.. Но я ей назло на память подарок купил. Трешник был, я и купил за трешку орла с такими, знаешь, распростертыми крыльями. А сбоку ножиком надпись сделал «Наде от Миши К.» и у ее матери оставил. Домой поехал без билета, попался. Зачем-то наврал, что я не отсюда. Меня сразу обратно отвезли! Опять сел и опять, собака, попался. Сутки меня в Кли-

ну продержали. А потом в Москву в детприемник отвезли, и тут уж я признался, кто я есть. Ты понял, Осокин? Ты понял, что я остался теперь один. А ты мне толкуешь про свой класс!»

Ты понял, Антон? Мы-то думали, что вроде бы какое одолжение ему великое оказали, что не дразнили его. А он, оказывается, вон какой человек!

Вторник, 3 октября. Пишет Антон.

На вчерашней радиолинейке мы с тобой, Валька, стояли далеко друг от друга. Со мной рядом стояла Лена Голубева. Вообще-то я должен за Киселевым стоять, а на этот раз взял и встал впереди. Он даже этого и не заметил. Когда затрубили фанфары, на душе стало так торжественно, что даже плакать захотелось. Спросили бы меня сейчас: «Ты чего-нибудь боишься?» Я бы ответил: «Только оказаться трусом или подлецом!» Вот почему только мы не всегда так чувствуем? И так не живем. Иногда такие мелкие мыслишки в голову лезут. Иногда трусишь в жизни и сдаешься. Помнишь, как я тогда, помнишь — с Каблуком? А вообще я думаю, все люди лучше, чем кажутся. Лучше, чем мы думаем. Я, наверно, очень бестолково все это пишу. Но главное вот в чем: вчера я подумал, что наш отряд может горы свернуть, если все захотят и все будут вместе. Помнишь Иру? Только бы слышали мы все и всегда голос трубы. Жаль, не всегда слышим. Есть такая песня: «Как мне жаль, что ты не слышишь, как веселый барабанщик вдоль по улице проносит барабан». По-моему, это про то же.

Среда, 4 октября. Пишет Антон.

Сегодня в школьном вестибюле появился плакат: «Здравствуй, милая картошка-тошка-тошка-тошка, пионеров идеал! Тот не знает наслажденья, кто картошку не копал!» В воскресенье, 8 октября,— пионерский трудовой десант в колхоз «Заря». Ты придешь? Ну, тогда сбор на школьной спортплощадке в 8.00. Если прохладно — здесь в вестибюле. На вокзал уезжаем в 8.30. Совет дружины». Просто приятно читать такие объявления! Эх, жаль только, вожатый у нас хилый. Не в смысле что слабый, а какой-то не вожатый. Он, по-моему, просто скрывается от нас. Боится, что ли?

У нас среди ребят даже смеются: «Пойдем Гамлета пугать!» Между прочим, Ангелина Андреевна про тот случай на репетиции, оказывается, знает. Может быть, поэтому и девчонки помалкивают, только шушукаются между собой.

Воскресенье, 8 октября. Часть первая. Пишет Антон.

Когда я подошел к школе, было уже семь минут девятого, а наших собралось всего с гулькин нос — семь или восемь человек. Вальки нет. Зато явился Толян. Он сидел верхом на гимнастическом бревне и позвякивал металлическим рублем. У всех узелки, авоськи, сумки с едой, у Толяна — ничего. «Ашников» в школьном дворе было гораздо больше, наверно, полкласса. Около них коршуном вилась Галина Ануфриевна. Все классы были со своими классными. Только мы одни. У Ангелины Андреевны сын приехал на побывку из армии. За нами обещала присматривать Нина, наша старшая вожатая. «Ашников» все прибывает, а у нас пришел... Каблуков. Что они сговорились с Толяном, что ли? Явилась Бутина с Квартальновой, Лабухова. Пришла Лена Голубева. А тебя, Валька, все не было. И я на тебя рассердился. Разве так поступают в конце-то концов. Ведь сам же говорил, что мы должны все видеть, чтобы обо всем писать правдиво. (Больше не буду, Валентин.)

Валька объявился перед самой отправкой на вокзал.

Часть вторая. Пишет Валентин.

Нас собралось на вокзале человек шестнадцать. Вернее, от нашего отряда шестнадцать. А вообще было много народу! Все старшие отряды: восьмой, три седьмых, два шестых и пятый «А» увязался. (Между прочим, сколько у нас в дружине народу? Раз мы дневник пишем — надо знать!)

На поезд мы опоздали. Спешили-летели, людей рюкзаками, как Ильи Муромцы, распихивали. И опоздали! Свели с раннего на позднее, как бабушка моя говорит. Нина на нас сердится: «Из-за вас вся дружина затормозилась!» Сама взялась над нами шефствовать и сама же теперь клокочет!

До следующего поезда было 35 минут. Наши занимались кто чем. Петрова извивалась около Нины. Бутина с Квартальновой (они всегда все одинаковое делают) грызли семечки. Как сиамские близнецы! Захарова разглядывала разных дам в темных очках. Только Лена Голубева спокойно сидела на своем рюкзаке. А солнышко лежало у нее на коленях (зачеркнуто).

Ежик — верный пес — таранил за Каблучищем сумку. Потом Толян подходит: «Ежов, равняйсь, улыбайсь!» Ежик стоит навытяжку. С глупейшей физиономией. Как будто шутит. А на самом деле-то серьезно. Попробуй он не подчинись. Вот струсил вначале, а теперь попался в эту мясорубку! Потом Толян похлопал Каблучищу по карману: «Есть?» Тот говорит: «А как же!» И ссыпал Толяну в горсть мелочь. Где Каблук мелочь эту берет? Толян стал считать. А Ежик все стоит по своей идиотской стойке «смирно». Толян подсчитал, Ежику в карман в ковбойку сунул: «Как всегда. А что останется, тебе на чай!» И Ежик завинтился в толпу. Наши, конечно, ничего не замечают. Им-то что? И только смотрю: режет Каблука с Толяном взгляд. Ты знаешь чей, Антон? Ты заметил? Это был Огаров Петька! И тут прибегает Ежик, собачка несчастная! Каблуку с Толяном — за 28 коп., а себе «эскимо» — свой собачий паек.

Больше ничего интересного на вокзале и в поезде не было. Хотя я мог бы еще написать, как наш поезд шарахался по стрелкам, пока ему не дали зеленую улицу. И как потом в окнах становилось все золотистее и просторней. Это когда мы выезжали из города и пригорода в настоящую осеннюю природу. Но я молчу. Антон вечно хмыкает, когда начинает читать про такое.

Часть третья.
Пишем вместе.

Нас провели на большое картофельное поле. С правого края там был лес. Вчера отец мне (Валентину) сказал: «Нет, еще не осыпалось. Еще стоит лес». Верно. Он еще стоял. Некоторые деревья все были в красных листьях. А другие совсем голые. Листья все время падали и падали. Их выметал на поле легкий ветерок. Было очень красиво.

Приехал на велосипеде бригадир.

«Вот вам,— говорит,— поле. Дело простое: выбирай картошку из земли и в корзину. По трое человек на корзину».

И тут учителя стали выкрикивать: «Седьмой «Б», за мной!», «Шестой «А», сюда!» А мы стояли, как первоклассники. Без Ангелины все-таки плохо. Вдруг бригадир вспомнил. У него еще за овражком какая-то полянка есть.

«Туда бы ребятишек десяточка полтора».

«Пошли! Ура!»—кричит Толян. Мы и пошли. Еще обрадовались сдуру. Полянка была продолговатая.

«Пятый день,— говорит бригадир,— картошка лежит. Зазеленилась. Ну ничего. Вы ребята шустрые. Часа за три-четыре управитесь?»

«Управимся!» — кричим.

«Ну, действуйте!»—сказал бригадир и пошел.

А дальше пошла ерунда. Из-за кого это вышло? Из-за Петровой. По идее из-за нее. Она ведь председатель! Понимать должна. А она мямлит: «Ну, ребята. Ну, давайте. Может быть, начнем все-таки? Киселев Коля, сбегай за корзинками».

Да разве так с нашими надо? Киселев орет: «А чего я-то, пускай Ежик идет!». Ежик сразу же: «Что я, рыжий? Пусть рыжая тащится». Ельчина в краску. Тут в Вальку — бах! — картошка меж лопаток. А он, конечно, не удержался. И в Каблука. Тот полез. Однако драки не было. Не потому, что мы испугались (зачеркнуто), не потому, что он испугался, и не потому, что мы испугались. А просто Толян сказал:

«Кончай, Каблук... Слышь, орлы. Работа не волк, в лес не уйдет. Я лично в лес».

И двинул себе Толян. Только Ежику через плечо: «Каблукова сумка, за мной!» А Каблук тоже в атаманы: «Ежик, мяч!»

Хорошо бы, втроем пошли. Черт с ними. А тут и Киселев потянулся. А тут и Захарова заволновалась. Антон так смешно ей вслед крикнул. «Офелия,— говорит,— о нимфа! Вернись...» Но Захарова пилит себе к лесу. За ней и еще кое-кто потянулся.

Так интересно (зачеркнуто). Так противно было смотреть, как один за другим ребята отваливали. А Татьяна, председательша наша, суетилась, как наседка: «Ну что же вы? Ну куда же вы?» Привыкла при Ангелине Андреевне: «Ребята, начнем сбор. Ребята, кто выскажется...»

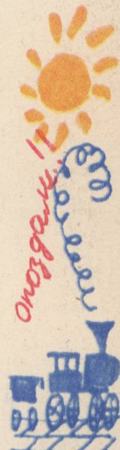
И остались мы всемером: конечно, Таня, Антон, Валентин, Лена Голубева, Касьян, Лабухова Нелька. И еще, как ни странно, Огаров остался. Ему ведь даже крикнули: «Огарок, Питер, давай сюда!»

А Петька вдруг: «Сам иди!» — И остался с нами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ.

Сколько у нас в дружине народу?

сиамские близнецы

Только Лена Галубева спокойно сидела на своём рюкзаке...

В центре Белфаста возвышается массивное здание с внушительным шестидесятиметровым куполом, видное почти отовсюду. Это «Сити-холл», в котором разместились городские власти. Здание построено в типично английском колониальном стиле.

ОЛЬСТЕР В ОГНЕ

Ю. ЯСНЕВ **Фотографии автора.**

Легенда о кровавой руке

Ее можно видеть всюду — на вывесках магазинов и гостиниц, на бумажных салфетках в кафе и даже на галстуках.

Красная кисть руки... Эта странная эмблема удивляет каждого, кто впервые приезжает в Ольстер.

Легенда рассказывает, что в давние-давние времена у северо-восточного берега острова Ирландия появились вражеские корабли. На флагманском корабле в окружении пышной свиты находились король и два его сына. Увидев с палубы прекрасный, покрытый изумрудной зеленью остров, король воскликнул, обращаясь к сыновьям:

— Чудесная земля! Я дарю ее во владение тому из вас, кто первым коснется ее берега.

Не снимая боевых доспехов, сыновья бросились в холодную воду Ирландского моря. Они плыли рядом, голова к голове. Но вот старший вырвался вперед. Он был почти у самого берега, и король уже собирался покинуть палубу — конец поединка казался очевидным,— как вдруг младший сын выхватил из-за пояса кинжал, отсек им кисть своей правой руки и бросил ее на берег. Земля Ольстера была отдана ему...

Такова легенда.

Сегодня обагренная кровью рука стала символом английского империализма, террора, насилия, расстрелов мирных демонстраций — всего того, что принесли британские войска в Северную Ирландию.

Ольстер называют английским Вьетнамом. С тех пор, как в августе 1969 года из Англии на самолетах и военных кораблях были спешно переброшены войска для «борьбы с беспорядками», сообщения из Северной Ирландии напоминают фронтовые сводки. Горят дома. Взрываются бомбы. Стелется ядовитый газ «си-эс». Трещат автоматные и пулеметные очереди. Растет число убитых и раненых. Тянутся к границам Ирландской республики колонны беженцев.

«Что нам теперь делать?»

Корреспондент лондонской газеты «Обсервер» Джон Хейлперн побывал в городе Дерри (английское название этого города — Лондондерри, но ирландцы его не употребляют) и беседовал там с детьми.

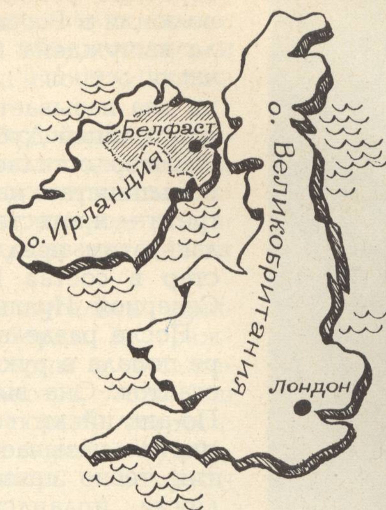
Тринадцатилетняя школьница заявила Хейлперну:

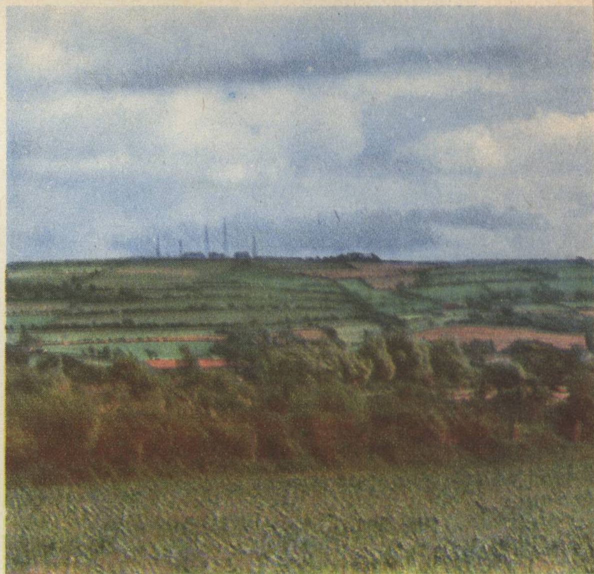
— Я больше не могу выносить весь этот кошмар.

Семнадцатилетний сын электросварщика рассказал:

— В полночь мать увидела, что идут солдаты. Она выбежала в сад. У забора стоял старый мотоцикл, и она влезла на него, чтобы поднять тревогу. Солдаты пустили в ход газ и два раза выстрелили. В это время я был на улице. Только через час я вернулся домой. Во дворе собралось много народу.

Ирландия разделена на две части. Северная часть провинции Ольстер осталась британской колонией. Благодаря теплому океанскому течению Гольфстрим на острове круглый год зеленеет трава.

Кто-то сказал, что в мою мать стреляли. Я хотел погнаться за солдатами, но меня втащили назад в дом. Я увидел, что моя мать мертва. Отец плакал. Он стоял на коленях, молился и плакал. Когда он увидел меня, он притянул меня к себе и обнял... Он то и дело повторял: «Она умерла. Они ее застрелили. Что нам теперь делать?»

Подросток пятнадцати лет сказал:

— По ночам в нашем районе не горят фонари. По дороге из школы мне приходится проходить мимо английских часовых. Я много раз кидался на землю, боясь, что меня убьют во время перестрелки. Я не могу спать. Все время стреляют автоматы и рвутся бомбы.

И, наконец, еще одно свидетельство. Шестнадцатилетняя девочка вспоминает:

— Я гостила у брата и его жены. На рассвете сквозь сон услышала возле дома голоса. Говорили по-английски. Это были солдаты. Они разбили стекло парадной двери, ворвались в комнату, где я спала, выкрикивая имя моего брата. Я оцепенела от страха. Солдаты распахнули дверь в соседнюю комнату, где спали брат и его жена, стащили брата с кровати, выволокли в прихожую и стали избивать... Потом затолкали его в «лендровер» (небольшая военная машина.— Ю. Я.), колотя дубинками по голове и плечам. Больше я его не видела.

Что же происходит в Ольстере?

Обугленные остовы бывших домов и фабрик. Вот что осталось после погромов, учиненных юнионистами в пролетарском районе Белфаста.

Белые рабы

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется заглянуть в историю Ирландии.

Легенда, о которой я вам рассказал, умалчивает, откуда пожаловали к берегам Ирландии король и его сыновья. Впрочем, это не так уж важно. Захватчиков, покушавшихся на этот остров, где мирный и трудолюбивый народ испокон веков возделывал землю, разводил скот и ловил рыбу, было немало. Одни из них получали отпор, другие, обосновавшись в прибрежных районах, постепенно смешивались с коренным населением.

Трагедия Ирландии началась в XII веке, когда на остров вторглись рыцари английского короля Генриха II. В течение нескольких столетий Ирландия упорно сопротивлялась и все-таки была покорена. Ирландцы первыми испытали то, что потом пришлось испытать народам Индии, Бирмы, Египта, Кении, Кипра и других стран бывшей Британской империи. Белый цвет кожи не избавил ирландцев от продажи в рабство. Десятки тысяч их были перевезены, как скот, в трюмах английских судов на табачные плантации Вест-Индии.

Этот солдат специально обучен для борьбы с партизанами. Больше двадцати одной тысячи таких английских солдат и офицеров топчут землю Северной Ирландии. 30 января 1972 года английские десантники расстреляли в Дерри мирную демонстрацию, устроенную Ассоциацией борьбы за гражданские права. Тринадцать человек были убиты сразу, трое через несколько дней скончались от ран.

Английские колонизаторы отняли у ирландцев не только землю, но и право говорить на родном гэльском языке. Даже религия местного населения (католичество) подверглась гонениям. Зато протестанты — переселенцы из Шотландии и Англии, обосновавшиеся на севере, в провинции Ольстер,— стали привилегированной частью населения.

Так, еще много веков назад разделение на угнетенных и угнетателей в Ирландии совпало с религиозным разделением на католиков и протестантов.

Однако настоящая борьба в Ольстере не имеет ничего общего с религией. Она ведется за самые простые человеческие права — право иметь работу, жилье, выбирать своих представителей в правительство.

Как был разделен остров

Ирландский народ никогда не мирился с английским господством. То и дело возникали на острове тайные общества, вспыхивали вооруженные восстания, жестоко подавлявшиеся Англией.

Борьба ирландцев за свое освобождение особенно усилилась после Октябрьской революции в России. И в 1921 году Англия была вынуждена пойти на уступки. Основная часть острова получила независимость. Ныне она называется Ирландской республикой со столицей Дублин. А почти вся провинция Ольстер осталась, как и прежде, колонией. Большинство населения ее — примерно две трети — протестанты. Англия воспользовалась этим предлогом, чтобы включить Ольстер в состав Великобритании, назвав его Северной Ирландией со столицей Белфаст.

После раздела Ирландии власть в Ольстере попала в руки буржуазной партии протестантов. Она выступает за союз с Англией. По-английски «союз» — «юнион», поэтому и партия называется юнионистской. Эта партия тесно связана с английскими монополиями, ирландскими промышленниками и землевладельцами. Чтобы привлечь на свою сторону и часть протестантских трудящихся, юнионисты разжигают религиозную рознь между протестантами и католиками. И в этом еще одна сложность обстановки в Ольстере.

Борьба до победы

В Северной Ирландии установлен полицейский режим. Католики лишены всех прав, их сажают в тюрьму без суда и следствия. Католиков меньшинство. Среди них больше бедноты. Как им противостоять угнетению? Выход подсказала Коммунистическая партия Ирландии: договориться с протестантскими рабочими и вместе бороться против юнионистов.

Обычная сцена в Северной Ирландии: английский патруль обыскивает машины местных жителей.

И вот в 1967 году в Белфасте была создана Ассоциация борьбы за гражданские права. В ней вместе с католиками объединились и наиболее сознательные рабочие-протестанты.

Генеральный секретарь Ассоциации учительница Эдвина Стюарт рассказывала мне, как Ассоциация начала распространять листовки против правительства, проводить митинги и демонстрации, собирать деньги семьям безработных.

Юнионистские власти испугались единства трудящихся. Многие борцы за гражданские права были арестованы и посажены в концентрационный лагерь Лонг-Кеш около Белфаста и плавучую тюрьму, устроенную на английском военном корабле «Мейдстоун», который бросил якорь в белфастской гавани.

Вооруженные банды юнионистов пользуются полной безнаказанностью. Они врываются в кварталы, где живет католическая беднота, учиняют погромы, убивают людей, сжигают дома.

У католиков не оставалось ничего иного, как воздвигнуть баррикады, перекрыть все подступы к кварталам, где они живут. На помощь восставшим пришла Ирландская республиканская армия (ИРА). Состоящая из тайных отрядов рабочих и крестьян, вооружившихся чем только можно, ИРА взяла на себя охрану католических кварталов.

Несмотря на поддержку английских солдат, юнионисты не смогли справиться с освободительной борьбой в Ольстере. Тогда Англия в марте 1972 года распустила в провинции местный парламент и правительство и назначила своего министра управлять Северной Ирландией. Однако и это не помогло навести «порядок».

Баррикады — это ответ католической бедноты на зверства банд юнионистов. В августе 1972 года английские войска тяжелыми танками уничтожили баррикады и оккупировали католические районы.

Эту группу детей я сфотографировал за баррикадами в католическом районе Белфаста. Им не раз приходилось слышать свист пуль и взрывы бомб.

Прошло еще пять месяцев, и в августе английские войска предприняли большое наступление против католических районов Белфаста, Дерри и других североирландских городов.

Наступление велось по всем правилам войны. Впереди боевых подразделений шли 50-тонные танки «Центурион». Английские солдаты уничтожили баррикады, захватили католические кварталы, установили круглосуточное патрулирование. Снова сотни людей подверглись арестам. И, несмотря на это, через несколько дней опять начались перестрелки между бойцами ИРА и английскими солдатами.

...Рвутся бомбы, бушует огонь пожаров в Ольстере.

Восставший народ не сдается. Его справедливую борьбу поддерживают миллионы честных людей на Земле. Миллионы людей возмущены кровавыми злодеяниями английских колонизаторов. И мы знаем: рано или поздно Северная Ирландия сбросит цепи рабства так же, как сбросили их Индия, Бирма, Египет и другие страны некогда могущественной Британской империи.

Наступит день, и, соединившись с братьями на юге, ирландцы поднимут над своим зеленым островом знамя свободы.

Белфаст — Москва.

Как открыли сто пятый элемент

В прошлом выпуске «Научный телеграф» сообщил о выдающемся открытии — получен и исследован новый химический элемент, сто пятый по счету. Физики получили его искусственным путем на специальных установках — ускорителях в городе Дубне. Вот как это было.

Еще пять лет назад ученые рассчитали, что сто пятый должен быть неустойчивым, его атомы будут распадаться за сотые доли секунды. Вот почему надо было искать не сами атомы, а их осколки. Ученые стали обстреливать атомами неона мишень, покрытую химическим элементом америцием. В результате обстрела по расчетам должен был появляться 105-й элемент. Но первые годы не принесли успеха.

Тогда физики стали искать другую разновидность сто пятого. Ее атомы живут не сотые доли, а целые секунды. За это время точнейшие приборы могут не только опознать незнакомца, но и исследовать его. К тому времени были созданы еще более мощные ускорители. И тогда пришел успех. Стали получать по нескольку десятков ядер нового элемента в день. После нескольких секунд жизни они распадались на два осколка. Химический анализ показал, что это ядра нового элемента. Свойства его подобны свойствам давно открытого элемента тантала.

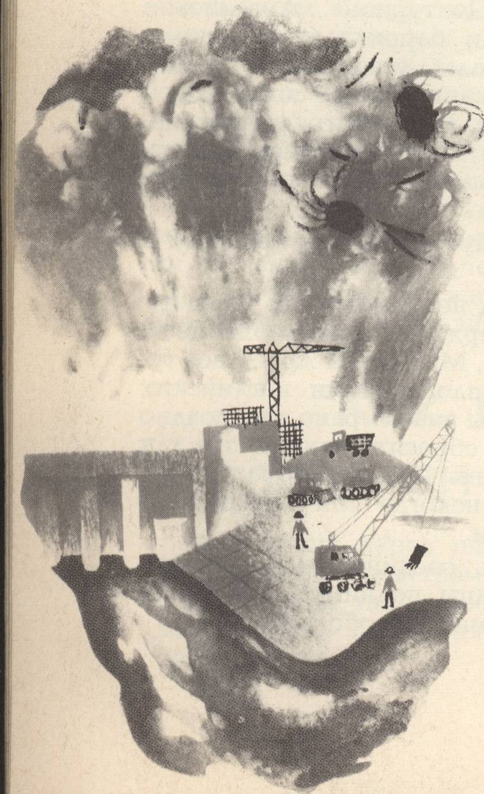
В мае этого года ученые получили диплом об открытии. А вот имени сто пятый еще не имеет. Это тоже дело серьезное: название дается на века.

Где бы ни аукнулось, откликнется в Ташкенте

Центральная сейсмическая станция «Ташкент» отмечает самое слабое землетрясение в любой точке нашей планеты. Точные приборы фиксируют, как, с какой скоростью распространяются колебания в земной коре. Вычислительные машины точно рассчитывают, где расположены центры подземных катастроф. На снимке ты видишь коридор, расположенный на тридцатиметровой глубине, где установлены приборы. Недавно они отметили слабое землетрясение на острове Новая Гвинея, от которого до Ташкента много тысяч километров.

Рисунки Ю. КОРНЕЕВА.

Деликатные взрывы

В Киргизии, в Институте физики и механики горных пород, ученые придумали «безопасные взрывы». Предположим, надо взорвать гигантскую скалу, но так, чтобы не пострадал соседний поселок. Или проложить взрывом русло канала возле готовой уже плотины... Для каждого такого случая электронные машины решают задачу со множеством неизвестных, выясняют, как будет распространяться взрыв в грунте и в воздухе, не вызовет ли он горных обвалов и лавин... Но этого мало. Из пластмассы строят модели местности, где будет взрыв. Берут особую пластмассу, которая в зависимости от нагрузки меняет свою прозрачность. И выясняют, какие части модели достаточно прочны, а какие не выдержат будущего взрыва.

Теперь о самом взрыве. Взрывают не один большой заряд сразу, а много маленьких, с короткими интервалами — в десятые доли секунды. И взрывная волна, опасная для близлежащих построек, уменьшается в десятки раз. Так взрывали скалы во время строительства плотины Вахшского гидроузла.

Рисунки древних астрономов

Археологи Армении нашли в горах наскальные рисунки. Им более двух тысяч лет. На рисунках—созвездия, Млечный Путь, Луна, Земля. Зарисовки древних астрономов говорят об их незаурядных познаниях. Предполагают, что на этом рисунке обозначена наша планета. Круг с четырьмя человеческими фигурками служил тогда как бы символом Земли. Выходит, и тогда знали, что Земля круглая.

Застывшие пески

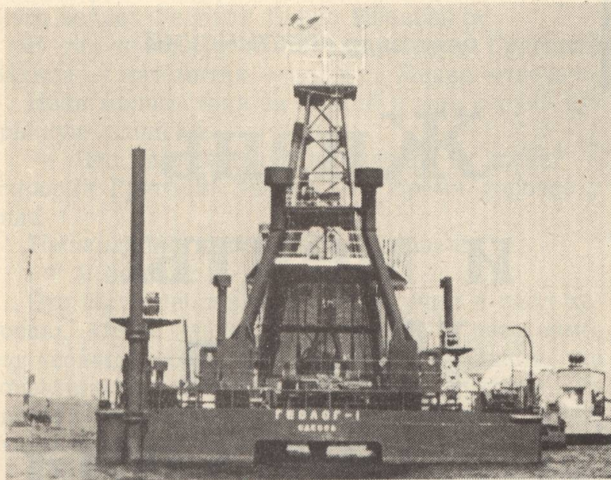
В пустынях Средней Азии под палящим солнцем строят шоссейные дороги и линии электропередач, прокладывают газопроводы и нефтепроводы, ищут полезные ископаемые.

Больше всего хлопот геологам, строителям, буровикам доставляют подвижные пески. Они вплотную подходят к поселкам, могут засыпать дороги, сдвинуть трубопровод и опрокинуть мачты электропередачи. Пески нужно укреплять.

Из сланцев, которыми богата Эстония, ученые получили нерозин — вещество, которое, подобно клею, связывает песчинки. И песчаная пустыня покрывается плотной коркой, которая выдерживает автомашины, по ней спокойно проходит отара овец. Нерозин останавливает барханы и в то же время не мешает прорастать семенам саксаула и других растений.

Плывет по морю лаборатория

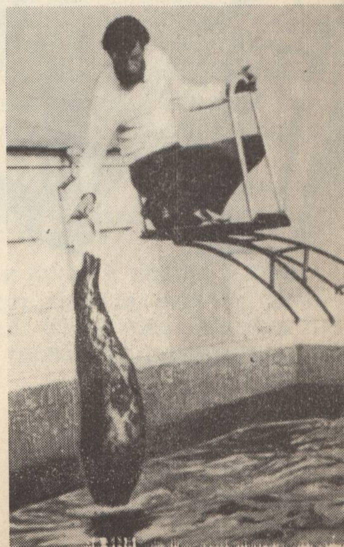
Необычное судно прибыло недавно в порт Ильичевск, под Одессой,— широкое, немного неуклюжее с виду. Это катамаран. Основа его — два широко расставленных и соединенных друг с другом поплавка. Но ведь такое судно не может быть быстроходным, оно не маневренно! Совершенно верно. Зато оно устойчиво. Это судно-лаборатория, оно будет исследовать морское дно.

Украинские ученые уже приступили к первым исследованиям. Они прощупывают дно приборами, берут пробы грунта. Это очень важно при проектировании и строительстве новых портов, волнорезов, пляжей. Ученые будут искать на морском дне полезные ископаемые. Поэтому и называется новое исследовательское судно «Геолог».

Дельфинье новоселье

В Батуми строится крупный дельфинарий. В нем грузинские ученые займутся исследованием этих замечательных животных. В двух бассейнах будут проводиться научные исследования, в третьем дельфины будут выступать перед публикой. А пока дельфинарий строится, ученые работают с другими обитателями моря.

Посмотри, как дрессировщик работает с каспийским тюленем.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Александр КРЕСТИНСКИЙ

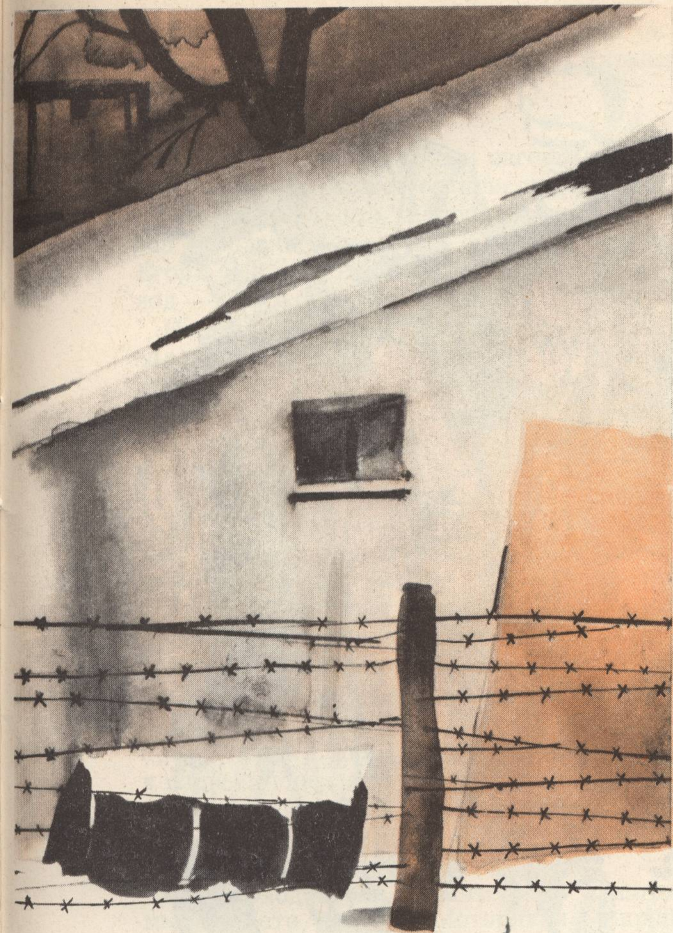
Жизнь и мечты Ивана Моторихина

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Останавливать Федорова — все равно что на ходу останавливать рукой поезд.

На уроке математики Иван получил записку. Развернул и прочел: «Директору всего мира Моторихину. Докладная. Прошу выключить меня из агитбригады по причине вашего безобразия. Вы ездите, а мы ходим? Фиг! Включусь обратно, если товарищ директор прокатит меня

на закорушках от школы до сельпо. С подлинным верно: Федоров Борис Иванович».

И так совпало, что в эту минуту Григорий Ильич — математик — вызвал Ивана отвечать.

Иван молча стоял за партой и мял в руке дурацкую записку.

— Что, Моторихин, не идешь к доске? — спросил Григорий Ильич. — Время дорогое у нас.

Неожиданно для себя Иван сказал:

— Я не знаю.

Это была неправда. Урок он учил и знал хорошо. «Я не знаю», — вырвалось у него само, от неожиданного и спокойного безразличия, что охватило его в эту минуту. Идти к доске, отвечать — зачем? Ему ничего не хотелось. «А-а, вались оно все...»

— Придется двойку ставить, — с вопросительной интонацией сказал Григорий Ильич.

«А мне-то что, ставьте», — равнодушно подумал Иван и сел на место.

Он долго искал способа, как сопротивляться прозвищу. Опять драться — бесполезно. Просить — смешно и стыдно. Не замечать? Попробуйте!..

И вот злость, которая появилась в нем здесь, в Ступине, стала копиться и, накопившись, привела его к неожиданному решению.

После того урока Иван Моторихин стал плохо учиться.

Вы скажете: ну и что? Что тут особенного, плохо учиться!..

Может быть, для вас это легко, не знаю, но для Ивана Моторихина это было не просто. Он привык хорошо учиться, а главное, память у него такая: сама схватывает и держит!

И вот теперь, когда Иван Моторихин принял свое жестокое и гордое решение — никогда не учить уроков, память его золотая постоянно ставила ему подножки. Он не хотел запоминать — она запоминала. Он выкидывал из головы — она держала...

И тут в конце концов Иван выход нашел: стал другим подсказывать, чем вызвал примерно такую реакцию учителей: «Безобразие! Сам не учится, другим подсказывает!..» Любопытно, что ни у кого из взрослых долго не возникал простой вопрос: почему это вечно отказывающийся отвечать Моторихин так точно другим подсказывает?.. Без ошибок!..

Наконец математик Григорий Ильич первым заметил это вопиющее противоречие. Как-то в конце учебного дня Григорий Ильич поймал Ивана за лацкан пиджака, завел в пустой класс и, приперев к доске, стал вести дознание.

При этом Григорий Ильич сильно переживал и так размахивал указкой перед лицом Ивана, что тот испуганно моргал и отворачивался.

— Нет, ты мне скажи! Думаешь, не вижу? «Не знаю, не учил», а Куликову подсказываешь? Я все вижу! Ты что затеял? Три двойки! Единица!..

Вдруг он перестал махать указкой, устало согнул плечи и сказал:

— Ваня, у тебя же голова. Понимаешь, голова! Куликову ты подсказываешь, а у него нет головы, вот в чем разница. Я твое личное дело смотрел, по математике четверки... Что с тобой, Ваня?

Это «что с тобой, Ваня?» было таким растерянным, беззащитным, что Иван даже заколебался, но тут же ожесточился еще сильней: «Не уступлю!»

Зато Григорий Ильич не выдержал, закричал:

— Чего молчишь?! — Он ударил указкой по столу, указка треснула. Григорий Ильич бормотнул что-то и выскочил из класса, оставив Ивана одного.

*

Стал Иван притчей во языцех. То на совет отряда вызовут. То на совет дружины. То на родительский комитет. И всюду спрашивают одно и то же: почему? Почему раньше хорошо учился, а теперь худо? Почему?

И всюду Иван молчит. Только об одном жалеет: зачем вначале хорошо учился! Скорей бы выгнали! Почему не выгоняют?.. Почему?

Не выгоняли. Воспитывали. Мать вызывали. Не раз.

Возвращаясь домой, мать реагировала поразному. То за веник хваталась, то кричала, то плакала.

Все Иван терпел: и боль, и крики, и плач, и причитания. Он и тут молчал, как в школе. Стиснув зубы, молчал. Вспоминал Гильома Каля и от внутреннего торжества своего над всем

этим треклятым Ступином даже холодел. «Мучайте, — думал, — мучайте, все равно не поддамся!..»

Бабушку тоже один раз вызвали. На педсовет. Она там прикинулась дурочкой: сидит носок вяжет, всем кивает, всем улыбается и твердит: да-да, мол, улучшим, исправим, добьемся... Это про Ванино учение, значит.

Не рады были учителя, что и вызвали ее.

Бабушка собралась было уходить, как ее остановил Григорий Ильич:

- Постой-ка, Прасковья Васильевна!

Бабушка повернулась к нему. Он улыбнулся ей.

— Партизанщину-то помнишь?

— Как не помнить, Гриша, — приветливо сказала бабушка. — Из памяти не выкинешь.

— Эх, времена были! — Григорий Ильич молодо крутанул головой, сквозь суховатые его черты проступило вдруг свежее, юное... — А ведь ученики наши ни черта не знают про те времена! Книжки про героев читают, а своих не знают!.. Прасковья Васильевна, расскажи ребятам!

— Что ты, что ты, Гриша, где мне, я двух слов связать не умею! — отмахивалась бабушка.

— Умеешь, Прасковья Васильевна! Умеешь! — закричал на весь педсовет Григорий Ильич. — Помню, как ты мне рану-то заговаривала. От ласковых слов сразу полегчало!

— Да ну, — сказала бабушка, — чего уж там, дело прошлое...

Григорий Ильич не отставал. Обращаясь к учителям, он взволнованно говорил:

— И как мне, дураку, раньше в голову не пришло! Прасковья Васильевна — замечательный человек! Конечно, перед всей школой ей тяжело будет выступать, а с одним классом она вполне справится. Правда, Прасковья Васильевна? Ну, хотя бы с вашим, Полина Савельевна! У вас и внук ее учится. Прасковья Васильевна, уважь старого партизана!..

— Разве ты старый, Гриша. Я вот старая. И не проси. Сказала, нет — все. Пойду. Корова у меня не доена...

— Прасковья Васильевна! — жалобно крикнул ей вслед Григорий Ильич. Да рукой махнул: — Ну, что ты скажешь...

Испробовав все пути и подходы вплоть до обещания купить велосипед, если исправится, мать в отчаянии всплеснула руками:

— Чего тебе надо-то?

И тут Иван, не выдержав, открылся:

— В Фалалеево хочу. Домой.

— Души в тебе нет! — заголосила мать. — Жалости нет! Вылитый отец!..

«И чего они все про жалость, — тоскливо думал Иван, — как чуть что, так про жалость... Даже Андрей Григорьич, и тот: «Пожалей мать...» А меня пожалел кто? Только про свои дела и думают!..»

И все же пришли за мной полицаи.

И с прежним холодным торжеством он ощутил на голове обжигающую корону Гильома Каля...

*

Петр Иваныч Моторихин загостился в городе не зря. К ноябрьским он прислал письмо, в котором сообщал, что устроился на курсы шоферов городского автобуса, а живет пока у дяди Егора. День в день с письмом пришел перевод — полсотни рублей.

Надежда Егоровна сильно ругалась и плакала над этим письмом, называла Петра Иваныча «предательским человеком». Но денежный перевод все же сыграл свою роль амортизатора, и она вскоре успокоилась, потому что если человек прислал перевод, значит, он твердо стоит на ногах и семья продолжается.

В следующем письме Петр Иваныч написал, что надеяться на городское жилье в скором времени трудно, зато в пригороде — куда из центра ходит трамвай — задешево продаются частные домишки, и денег, вырученных от продажи фалалеевского дома, вполне на покупку хватит. Дело это, по словам Петра Иваныча, сулило большую выгоду: в перспективе пригород превратится в город, а значит, всем частникам в первый черед дадут городские квартиры.

Кроме того, Петр Иваныч сообщал, что в городе строится новый ресторан, так что работа для Надежды Егоровны обеспечена.

Так, доходчиво и убедительно, излагал свои мысли Петр Иваныч Моторихин, сопровождая их новым переводом. На этот раз меньшим — тридцать прислал. По письмам его было видно, что роль городского жителя ему нравится и он уже привык считать себя таковым.

«Надежда, — писал он, — начнем жить по-новому. Хватит навоз месить!»

Наблюдая за матерью, Иван заметил, что второе письмо она встретила более мягко. Она тихо вздыхала, качала головой и говорила про отца: «Ох, дурная головушка ногам спокою не дает...» Иван понимал, что вздохи эти больше от страха перед новой, незнаемой жизнью, а не от боли за то, что придется оставить.

Под Новый год Петр Иваныч приехал сам. Стриженный под польку, непривычно пахнущий одеколоном из городской парикмахерской, в новом пиджаке с блеском.

Он был настроен бодро, говорил нажимисто, никаких сомнений в правоте своей не допускал, ни о чем, кроме города и городских своих дел, говорить не мог, а когда мать стала жаловаться на Ивана — мол, учится плохо, — Петр Иваныч махнул рукой:

— Ничего, скоро в городскую пойдет. Там выучат! — И тут же опять сворачивал на свое, на городское.

Обиды отца, его внезапные решения, его неунывающий бойкий нрав — все это граничило с детством, вытекало из него и в него же возвращалось.

Но при всем при этом одно было безусловно: отец гнул свою линию с завидной настойчивостью и упрямством, не знающим никаких препон. Не успели привыкнуть к Ступину — его в город несет. Бабушка была права. Ой, права!

Перед отъездом отец вызвал к сельсоветскому телефону дружка своего фалалеевского — Гусева, по прозвищу Дутый Гусь, и приказал ему как можно скорее расплатиться за дом, на что тот отвечал невнятно и уклончиво.

Беседа с Гусевым несколько омрачила настроение Петра Иваныча, да и Надежда Егоровна, терпевшая все праздники, под конец расплакалась, так что уезжал Петр Иваныч обратно в город с досадой в душе. Вдобавок пятно на новом пиджаке. Пятно не сводилось. В его появлении Петр Иваныч обвинил бабушку, у которой, дескать, в доме грязища непролазная. Это была заведомая неправда, но бабушка — умница! — промолчала и ушла по своим делам, подальше от греха, так что заключительный концерт в избе давали отец с матерью, потому что Иван в знак своего несогласия с проектами отца заранее ускользнул из дому и отсиделся в школьной библиотеке, пока не прогудел три раза рейсовый автобус, отбывая в город.

То, что не простился он с отцом, угнетало Ивана и в то же время укрепляло его решимость вести себя по-прежнему: чем хуже, тем лучше!

— Ну, дочка, — спросила бабушка вечером, после отъезда отца, — значит, в город?

— Куда иголка, туда и нитка, — сказала Надежда Егоровна.

— Э-хе-хе, — вздохнула бабушка, — птицы вы перелетные...

Эти бабушкины слова окончательно освободили Ивана. Его ожесточенное безразличие к Ступину и ступинской школе обрело теперь оправдание: «Что нам! Мы птицы перелетные...»

*

Иван Моторихин получил из Фалалеева письмо. От Таньки Лапиной.

«Ваня, здравствуй! Мне на совете отряда поручили написать тебе письмо, потому что мы с тобой сидели на одной парте. А теперь я сижу с Екимовым. Он ничего, только толкается. Ваня, ты извини, что я тебе долго не писала. Я была ответственная за бал-карнавал третьих классов, а на каникулах ездила с мамой в город. Я была на концерте польской эстрады. Про это опишу в другой раз.

Ваня, что у нас на елке было! Химика нарядили Дедом Морозом, он хоровод водил и пел «В лесу родилась елочка». А потом все как закричат: «Медведь! Медведь!» Смотрим, медведь в зал ввалился и ревет! Схватил мешок с подарками — и на улицу. Мы за ним! Он от нас по сугробам! Мы его снежками! Все Фалалеево подняли! А медведь, знаешь, кто был? Андрей Григорьич...

Ваня, опиши, как ты учишься и какую ведешь общественную работу. Я веду работу вожатой в третьих классах, ребята меня слушаются.

С пионерским приветом. Таня.

Жду ответа, как соловей лета.

А мы думали, ты на Новый год приедешь».

Иван перечитал письмо еще раз, и обида, поднявшаяся в нем еще при первом чтении, стала больнее и так сильно сжала грудь, что он нарочно сердито закашлял, чтобы прогнать эту обиду.

Видишь, «поручили» ей... А если б не поручили?..

Он сложил письмо вчетверо, убрал в портфель, но какое-то беспокойство, какая-то неясность заставили его еще раз внимательно прочесть Танькино послание.

Ага, вот что: «А мы думали, что ты на Новый год приедешь».

Эта последняя фраза своей недоговоренностью и туманным смыслом так растравила Ивана, что он в тот день впервые подумал как о чем-то реальном: «Съездить бы...»

...Снег чернел, тончал, дымился на солнце. Прозрачная, будто слюдяная, пластиночка льда на глазах становилась водой, стоило ее положить на ладонь. А Ивану казалось, что и снег в Ступине тает медленней, чем надо. То ли дело в Фалалееве! Сидишь в классе, например. Идет контрольная, и вдруг за окном — грохот, скрежет, обвал, а потом звонкая россыпь или мягкий выхлоп, смотря куда упадет с крыши подтаявшая глыба — в сугроб или на ледяную корку... И все вскидывают головы от парт, и у всех задание вышибло из головы, а Андрей Григорьич смотрит не сердито, ласково: это весна шумит!.. Нет, в Ступине так не бывает.

*

После злополучного концерта Галя-беленькая сторонилась Ивана Моторихина. Иногда, во время урока, он ловил на себе ее странный, растерянный, даже боязливый взгляд и долго раздумывал над его значением: «Чего она так смотрит?.. Боится?.. Почему?..»

Весной на совете отряда Гале поручили взять над Иваном шефство. «Смотри, чтоб уроки учил». «Не буду», — отказалась Галя. «Как не буду? — удивилась Полина Савельевна. — Коллектив поручает, а ты — не буду?» «Не буду, — уже сердито повторила Галя, — он... дикий». «Дикий? — удивленно переспросила учительница. — Как это — дикий?..» Галя молчала, глядя в пол, молчанием своим подтверждая: «Дикий! Дикий!..» «Странно...» — проговорила Полина Савельевна и внимательно поглядела на Моторихина. Он стоял тут же, перед всеми, в позе Гильома Каля, посреди яркой солнечной полосы, разделившей класс на две неравные части. Было ему душно в суконной форме, за шиворот стекала едкая капля. Хотелось прикрыть от солнца глаза, хотелось на улицу, на речку, на Чагу, которая далеко-далеко...

Иван тоскливо глядел в окно, залитое нестерпимым синим солнцем. Он гадал: что теперь в Фалалееве — большой разлив или малый?.. И до каких пор расплескалась рыжая пенистая Чага, до картофельного поля или до самых огородов? А может, как в позапрошлом году, погреба подмочила у зареченских?..

Без него идет нынче на реке переправа — в разлив зареченских перевозят в школу на лодках, понтонный мост под водой... Лодок мало, очередь стоит. Перевозят, конечно, старшие, но Ивановы одногодки всегда на берегу стоят, пока переправа...

А может, разлив достиг полной силы и начались уже в Фалалееве каникулы?..

— Ваня, ты слышал, что Галя про тебя сказала? — Учительница взяла его за локоть. — Слышал? Она говорит, дикий ты...

— Значит, дикий, — грубо ответил Иван. — Сажайте в клетку, раз дикий.

Галя вскинула на него глаза, и он увидел: чуть не плачет.

— Дикий! — повторила она с каким-то отчаянием. — Никого не видит! Себя только! — Она всхлипнула и выбежала из класса.

«Себя, да? — ядовито подумал Иван. — Ну и пусть!»

Чем хуже, тем лучше. Нам что, мы птицы перелетные.

*

— Ну вот, Ванек, — сказала бабушка, когда он вернулся домой, — мать уехала отца проведать, будем мы с тобой хозяевать. Садись обедать...

Иван лениво похлебывал щи, а бабушка шаркала по комнате валенцами взад-вперед, взад-вперед и — слава богу! — ничего про школу не спрашивала. По правде говоря, у нее вообще не было такой привычки. Она считала: это дело родительское.

— Да, бабушка, — вспомнил Иван, — Григорий Ильич просил тебя в школу зайти. Не из-за меня, не бойся! Он сказал, дело к тебе...

— Знаю я его дела, — сказала бабушка и села за стол напротив Ивана. — Просит, чтоб я вам про войну рассказывала. Партизанщину вспомнить просит. А я не хочу.

— Почему? — спросил Иван.

— Чего душу-то бередить, — строго сказала бабушка и поглядела в окно.

Весь остальной день она провела в беспокойстве, вздыхала, разговаривала сама с собой, топталась вокруг Ивана. Вечером сказала:

— Ну, садись рядышком.

Он послушно сел.

— Ты меня спрашивал, зачем дубок на пути посажен. Помнишь?

Иван кивнул.

— Он на том месте посажен, где Володю убило...

Это Иван знал — что Володю, маминого брата, убило миной во время войны, а больше ничего не знал.

— Помню, зима ранняя была, — рассказывала бабушка, — в октябре снег пошел, ветер страшенный такой, колючий, не выйти — глаза слепит, щеки обжигает... Ночью пришли ко мне партизаны. Гриша вот, Григорий Ильич ваш, а с ним еще двое. Одного не помню, а другой — Федоров Никифор, отчаянный мужик был, его внучок с тобой учится... Гриша у них за началь-

ника. Я впустила и обмерла: а ну как узнает кто! У меня ребята малые! Володе-то уж восемь исполнилось, а Надя, мама твоя, только еще за стеночку держалась, ходить училась...

Гриша говорит: «Ты, Васильевна, не серчай, что мы к тебе пришли. Твой дом крайний, а дело важное, не терпит...» А тогда, и верно, наш дом крайний был, это теперь он в середке. Улица длинная стала. «Мы, — говорит, — Васильевна, насчет теплой одежи. В отряде больные, раненые есть, зима на носу. Поговори с бабами. Пускай принесут чего не жаль. А мы через три дня придем опять. Только ты смотри, говорит. В случае чего скажи: на бедность, мол, собираю...»

Что делать, пошла я. Знала, к кому идти. К самым надежным толкнулась. И все же у кого-то от языка отклеилось — пришли за мной полицаи. «Кому, Васильевна, зимнее собираешь?» «Да что вы, — говорю, — на бедность я! Муж на войне, дети малые!..» «Ладно, — говорит Сарычев, — знаем, какая ты гнида красная, пойдем, там разберутся...» Их было два брата Сарычевых — оба полицаи.

Привели меня на старую конюшню, теперь ее нету — на кирпич разобрали, а тогда в ней тюрьма была, в стойлах арестованных держали. У ворот солдат немецкий, а я одна в конюшне этой... Ну, думаю, устроят засаду, партизан перебьют, а там и меня кончат и ребят не пожалеют... Плакала я, плакала, слезы кончились — стала думать, а что под замком придумаешь? Вдруг слышу, разговор у часового с кем-то и голос знакомый вроде. Прислушалась — Володин голосок! Боже мой, думаю, куда ж ты пришел, миленький мой, уходи скорей, забьют ведь!.. А крикнуть боюсь — как бы не сделать ему хуже. Замерла, слушаю... Володя говорит часовому: «Дяденька, у меня мама там, муттер, понимаете? Она голодная, я ей картошки принес, пустите меня на минуточку...» Солдат, слышу, смеется: «Гут, гут, карашо! Карош малшик! Шнель, киндер, шнель!» — и пустил Володю. Володя вцепился в меня, одно твердит: «Мама, мама, мама...» Я его еле оторвала, встряхнула, чтоб он в себя пришел, и говорю: «Володенька, найди дядю Гришу. Скорей найди. Скажи, чтоб не приходили партизаны, засада будет, поубивают всех и нас с тобой тоже...» Он как прижмется ко мне: «Нет, нет, не поубивают!..» — и кинулся к воротам. Потом вернулся: вспомнил про картошку. Поцеловала я его, и побежал. Слышу, кричит часовому: «Данке, дяденька, данке!» Наслушался немецких слов, запомнил. Способный был.

Ночь прошла, новый день идет, меня не трогают. Ну, думаю, так и есть: партизан ждут. К вечеру сменился часовой. Опять заступил тот, давешний, и тотчас Володя появился. Слышу, веселый, смеется. А немец: «Киндер, гут!..» Потом вдруг Володя запел «Катюшу». Я даже испугалась: что это он?!. Слышу, часовой тоже подпевает, вернее, мычит. Кончили петь, часовой говорит: «Гут, карашо», — и, слышу, замок гремит...

Володя кинулся ко мне: «Не придут, мама, не придут партизаны, я нашел, сказал...» Тут уж я волю дала слезам. А он давай меня успокаивать: «Не бойся, мама, я еще к тебе приду, я Ганса обману, он думает, я ему друг, а я его ненавижу! Ты не сердись, что я с Гансом «Катюшу» пел, а то бы он меня к тебе не пустил. Я хитрый» — и смеется. Мальчик ты мой дорогой, думаю, хитрый он!..

Бабушка смахнула слезу и продолжала:

— На следующий день привели меня в комендатуру. С переводчиком пошел разговор. «Зачем тебе три полушубка?» Я говорю: «Дети у меня, господин офицер. Два продам, один себе оставлю...» «Побираться больше не смей, — говорит, — еще с чем-нибудь попадешься, будет другой разговор». «Спасибо, — говорю, — господин офицер!» А у самой от радости сердце выскакивает. Немец покосился на старшего Сарычева, на Степана, — тот у двери стоял — и сердито что-то по-своему сказал. Переводчик говорит: «Вы, господин Сарычев, обещались живого партизана показать, где он? Мы его не видим что-то...» Сарычев каблуками щелкнул, на меня окрысился: «Не верьте бабе, господин офицер!» Тут я озлилась. Ах, так, думаю, ну, ладно! Покажу я тебе сейчас «гниду красную»! Говорю переводчику: «Хочу, мол, господину офицеру наедине пару слов сказать...» Офицер махнул Сарычеву — иди, мол. Тот неохотно уходил. Налево кругом, а на меня глазом. Глаз кровью налит!

Остались мы с офицером и переводчик. Офицер какой-то хлипкий был, желтый весь, больной, наверно. Морщился все и висок тер.

Я говорю, вы, господин офицер, соринку заметили, а бревна в глазу не видите. У вас, говорю, скоро все имущество растащат. Вижу, нахмурился. Знаете, говорю, что у Сарычева Степана полон дом вашего немецкого добра? К вам, говорю, две машины шли? Шли. Партизаны на них напали? Напали. Охрану перебили, а тут Сарычев со своими подоспел. Отогнал партизан. А куда имущество ваше с машин девалось, знаете? Продукты где? Думаете, партизаны захватили? Нет, говорю. Сарычев обманул вас, ночью все к себе перетащил...

Офицер прищурился, нехорошо так. Ты, говорит, фрау, за свои слова отвечаешь? Да вы не сомневайтесь, говорю, господин офицер, это вся деревня знает, да сказать боится. Только вам и невдомек. И еще, говорю, если все так, как я сказала, вы меня Сарычеву не выдавайте. У него брат, он мне мстить будет... Офицер кивнул — ладно, мол.

Увели меня.

Сижу опять в своей конюшне, думаю: господи, не дай Сарычеву вывернуться!.. Немцы сами грабители хоть куда, а у себя воровства не терпят. У нас парнишечку расстреляли за ящик галет, а тут две машины добра всякого. Шутка ли!

Скоро слышу, Володя прибежал. Часовой его без всяких разговоров ко мне пропустил. Мама, говорит, что делается! У Сарычева обыск, шине-

ли нашли, белье, сапоги, на огороде ящики выкопали с консервами... А я его по голове глажу: «Ладно, сынок, ладно...»

Тут часовой заглянул: «Володья, шнель!» И показывает: убегай, мол.

Только Володя выскочил — приводят Сарычева. Избитый, руки связаны. Бросили его на солому, а он увидел меня, кровавой слюной харкнул и хрипит: «Гнида, берегись!..» А меня к выходу толкают — иди, иди... Я бегом домой.

И такой страх меня взял, Ваня, передать не могу. До тех пор храбрая была, как дура какая, а тут все жилочки трясутся. Собрала я ребят, кое-что в мешок похватала, их на санки, сама впряглась — и в лес. Думаешь, знала, где партизаны? Знала, что в лесу,— и все. Едем, мама плачет твоя. Володя ее успокаивает, я молчу, от страха извелась вся: а вдруг погоня?..

Все же нашла партизан. До самого освобождения с отрядом кочевала. Скоро из деревни пришла весть: Степана Сарычева расстреляли, а Семен Сарычев, брат его, ходил по деревне пьяный, грозился меня извести. Дружки ему советовали: «Спали дом»,— а он вроде бы так сказал: «Спалишь — не вернется. А к дому завсегда придет. Я терпеливый. Подожду».

Бабушка помолчала, перебирая пальцами концы головного платка. Иван смотрел на нее так, словно видел впервые. Трудно было представить, что та незнакомая Ивану женщина, о которой рассказывала бабушка, была она сама. Слишком привычен бабушкин облик — эти густые морщины, точно нанесенные рукой аккуратного художника, который старался, чтоб их поровну было — и справа и слева... Слишком привычны эти глаза, давно потерявшие блеск и прячущиеся под набухшими веками. Слишком привычны медленные, осторожные движения сухих коричневых рук...

— А потом, Ваня, освободили нас. Вернулись домой. Дом наш разграбили, однако не сожгли. Семена Сарычева в деревне не было, я это загодя узнала. Исчез, сказали, во время отступления.

Месяц прошел, живем, обживаемся. Весна началась. Вот как сейчас. Ранняя была весна, тихая такая. Птицы долго не летели: войны боялись... В тот день проснулась я до рассвета. Будто меня что толкнуло. Чувствую, страх ползет. Ребята спят. Слышу, ледок под копытами трещит. Утренник был, подмерзла дорога-то — далеко слышно коня. Ближе, ближе... Остановился. Никак рядом? А за окнами мутно. Показалось, калитка скрипнула. Я вскочила, проверила дверь — заперта. Стою, хочу услышать, что за окном, а слышу только в груди бух, бух... Потом успокоилась чуток, легла. Слышу, снова конь поскакал, дальше и совсем не слышно стало. Значит, ускакал, слава богу, думаю. И сама себя спрашиваю: кто ускакал-то? Кто? И сама себе ответить не могу, и боюсь чего-то, и успокоиться опять не знаю как — камень на сердце...

Глаз не закрываю, все на ходики гляжу, когда цифры покажутся. Рассвело. Встала. За что ни возьмусь — все из рук валится. Ребята проснулись. Забегали по избе. Мамка твоя озорная была — все норовит за дверь в одной рубашонке выскочить. Схватишь ее за подол — она в рев.

Взялась я печку растоплять — щепок нет. Ищу топор — нигде не видно. Потом вспомнила: в сарае топор... Говорю: «Володя, сбегай в сараюшку за топором». Он: «Сейчас, мама!» И за дверь. Такой послушный был...

Бабушка остановилась. Иван, проследовав за нею взглядом, увидел плиту — ту самую, топор, дверь в сени... Ему представилось, как дверь эта открывается и он — он сам — сбегает по ступенькам...

— Зачем я его послала, зачем послала! Сама на гибель послала!.. Минуты не прошло, как взорвалась она. Минуты не прошло. Выбежала я, смотрю — на дорожке Володя лежит, руки к животу прижал, а рубашка вся в крови. Я бросилась к нему: «Вовочка! Сынок!..» Надя на крыльце ревет: поняла, что случилось страшное, а он глаза на меня поднял, белые-белые...

Бабушка долго не спала, ворочалась, вздыхала. Иван тоже не спал — то представлял, как стучат копыта по дороге, то воровской скрип калитки... Напрягался весь, ждал, сам не зная чего. То видел себя в распахнутой двери, то несущимся к сараю. Жмурил глаза, чтоб не ослепила огненная вспышка, поджимал живот от грозящего удара...

...Потом маленькая девочка, путаясь в длинной, до пят, белой рубашке, двумя руками, с натугой открывала дверь и со ступеньки на ступеньку, руками и ногами спускалась на землю и бежала к сараю.

Иван холодел. Мина была с выбором. Выбор темный. Один из трех. Кто, неизвестно. Бабушка? Володя? Мама?..

Иван крепко сжал кулаки. Нет! Нет! Это невозможно.

Почему невозможно? Как раз возможно. Один из трех. Любой.

Сердце его колотилось. Во рту сушь. Тот далекий слепой выбор происходил сейчас в нем, будто не миновало всех этих длинных послевоенных лет — трех десятков лет, будто время остановилось на рассвете весеннего дня, разбуженного цокотом копыт...

Нет! Это невозможно! Это невозможно, чтоб мамы и его не было! Все в нем — до мельчайшей жилочки — протестовало. Нет, нет!

А что-то на самом краю тихо, исподволь твердило: может, может... Один из трех, любой.

Иван нарочно круто повернулся в постели, чтобы прогнать неотвязную мысль. Бабушка сказала:

— Вань, ты спи, не мучайся. Что делать, судьба так распорядилась — меня в живых оставила, маму твою оставила, а Володю вот... Мирись. Спи скорей.

Потрясенный тем, что бабушка угадала его, Иван затих. Страх его оставил, отступил. В закрытых глазах возникла тропинка, к сараю или нет — ему было сейчас безразлично. Потом

Я бросилась к нему:
— Вовочка! Сынок!

тропинка превратилась в пожню, и он осторожно пошел по ней, стараясь не обколоть ноги. А ногам было больно.

*

Обметало яблони розовым цветом — Иван повеселел: скоро, скоро конец весне, конец учебе, будь она неладна!..

— Ты что это, никак запел? — удивилась бабушка.

И в самом деле запел.

Сидит Иван на крыльце, бормочет какую-то полузабытую песню, а сам щурится на солнце и видит сквозь него Фалалеево — волшебную страну, где нет ничего худого, одно хорошее. И среди всего этого хорошего, ласково улыбаясь, гуляет отец и, широко загребая рукой, зовет к себе Ивана. «А ведь он добрый, если по правде», — расслабленно думает Иван и вспоминает, как однажды осенью мать велела отцу ведро яблок отнести на шоссейку. На шоссейке что-то вроде базара: мимо мчатся легкачи, отпускники, столичные жители, увидят колхозничка с ведром, полным яблок, притормозят. Смотришь, рубль в кармане.

Понес отец ведро антоновки вдоль деревни. Иван и сейчас видит, как он идет, чуть покачиваясь, отстранив для равновесия левую руку. Через полчаса отец вернулся. «А ну-ка, мать, еще ведерко!» Удивилась: «Так быстро?» «Слушай-ка, — засмеялся отец, — я до шоссейки не дошел. Встретил Костю — угости. На! Жалко,

что ли! Встретил тетю Маню — сам угостил. Полдеревни встретил — на всех не хватило». «Ну!» — засмеялась мать и насыпала еще ведро, горкой.

А какой день тогда был! Ядреный, весело знобкий, с красным каленым солнцем на темно-синем небе. И на дворе было слышно, как трещат в печи сухие яблоневые сучья...

— Иван! А, Иван! Да что это, не докричаться тебя?! Оглох, что ли? Сто раз одно и то же повторяю!..

— А? Что?..

Очнулся. Прямо как Толя Ивин стал. Мальчик у них такой был в четвертом — Толя Ивин. Год проучился и уехал в Москву. А замечателен был Толя Ивин тем, что задумывался. Он задумывался везде: на уроке, за игрой, за работой... Ему пасовали мяч — он стоял задумчивый. Его вызывали к доске — он не слышал. Тарелка с супом остывала перед ним. Некоторые думали, он чокнутый, но учился Толя Ивин хорошо, да и вообще был нормальный мальчик, только вот задумывался... Из-за этого все над ним посмеивались. Иван Моторихин — тоже. А теперь сам — Толя Ивин.

— Ты слышал, что я тебе толковала? — Это снова бабушка.

— Нет.

— А то, что экскурсия в воскресенье. В Дорогое поедут. В музей. Хочешь?

Кивнул машинально: да... И постепенно, медленно стал соображать: Дорогое... Музей... Да это ж по дороге на Фалалеево!

❉

Странные есть места на свете, честное слово! Дыра дырой, а именуется Счастливым, или Славным, или еще каким-нибудь... Ласковым. Интересно, кто эти названия придумывает... Сидят, наверно, карандаши грызут...

Дорогое, куда Ивану ехать, той же породы. Когда-то, впрочем, было там большое село, Зубово называлось. В те времена речка еще не пересохла, и мельница на ней стояла. А теперь каких только производств не затевали здесь местные руководители — все упиралось в воду. Нет воды.

Неохотно селились в Дорогом, однако селились. И все вдоль дороги. Скучная такая деревня получилась — дорога пыльная, ухабистая, а по обе стороны, в один ряд, дома. За домами — огороды, за огородами — сараи... Тоскливая картина.

И печальная такая дорога идет через это бывшее Зубово — пылит всегда, даже если никто по ней не едет, даже если ветра нет, пылит. И во́роны кружат над нею, высматривают свое в пустом поле...

Вот это невеселое место и назвали Дорогим.

Не то в Фалалееве! Там дома словно в прятки играют. Один за бугорком, другой за ивами, третий в лощинке, четвертый на горку выпрыгнул — водит! А пятый за его спиной спрятался...

Однако справедливости ради надо сказать: есть в Дорогом краеведческий музей. Жаль только, лежит Дорогое в стороне от главных асфальтовых дорог, а потому посетителей в музее маловато. (Между прочим, еще про ихнюю дорогу: местные люди утверждают, будто ее когда-то сами татары пробили.)

По редким весенним и летним выходным колхозы со всей округи организуют в Дорогое экскурсии. На машинах, в автобусах, с гармонями да баянами едут культурно проводить досуг.

Сколько там длится экскурсия — полчаса, час от силы, а потом на поляне перед Дорогим (тьфу, нескладно!), перед Дороговским музеем пляски, песни, пир горой!..

На такую вот экскурсию и поехал в крытом грузовике наш Иван Моторихин. Бабушка дала ему узелок с едой и даже — что с ней поделаешь! — перекрестила на дорогу.

❉

— Вы видите перед собой, товарищи, четыре времени года. Это весна. А вот зима... А это осень... С помощью чучел и декораций — обратите внимание — представлена характерная фауна и флора нашего края... Что ты, мальчик, спрашиваешь? Сами, сами делали. Все сами. И чучела и декорации — сами. Обратите внимание...

Учительница биологии в Дорогом — бывалая тетка. В охотничьих сапогах, в прожженном ватнике, лицо коричневое, а когда морщинки у глаз расправляются, видны незагорелые полоски... От ватника пахнет костром, лесом...

— Однажды к нам прилетела ласточка из Африки, из Южной. Как узнали? Очень просто — по кольцу. Обратите внимание, здесь представлены различные кольца, которыми кольцуют птиц...

— Обратите внимание, товарищи! Эти лосиные рога нашли в лесу наши школьники. А вот верхняя челюсть мамонта. Ее нашли на реке. Ребята прыгали с нее, думали, камень. Потом разглядели случайно...

Иван тихонько погладил шершавую кость. То же сделали и другие.

— Это каменный топор эпохи неолита. Наша экспедиция нашла его в Сухове... А вот рыболовные крючки десятого, одиннадцатого веков... Обратите внимание, в наших водоемах водилась тогда необычно крупная рыба!

— Да-а-а, — протянул кто-то рядом с Иваном, — рыбеха будь-будь...

Иван обернулся и даже вздрогнул от радости: рядом с ним стоял Коля-депутат, фалалеевский шофер.

— Коля!

— Никак. Ванька Моторихинский!

Коля молодой, прошлой осенью из армии. Коля культурно ходит — на работе всегда при галстуке. Машина у него самая большая — «Колхида». А почему «депутат»? Вот почему.

Однажды Коля зашел по делу в кабинет к председателю колхоза Павлу Терентьичу. А того куда-то вызвали. Вот заходит Коля в кабинет

Мальчишка стал громко бренчать ведерком, и волчата мгновенно подскочили к нему.

и садится за Павла Терентьича стол. Мальчишество, конечно, но все же интересно, как это председатели за столом сидят... Оказалось, ничего особенного — как дома, за обедом, так и тут... Только это наш шофер развалился на стуле — стук в дверь. Хотел Коля вскочить, да не успел. Дверь открывается, и входит бабка. Бабка эта подходит к столу и говорит: «Мил человек, помоги, пожалуйста! Который день прошу бригадира дрова привезти из лесу — не дает лошадь, окаянный! Одна я осталась, сыновья на фронте погибли!..» Коля вскочил, успокаивает бабку: «Мамаша, не волнуйтесь, мне это пара пустяков!» Коля-то решил, она к нему персонально как к шоферу обращается. Итак, выводит Коля свою бабку на крыльцо, сажает в «Колхиду», едет с нею на указанное место, грузит дрова, привозит их к дому, складывает, между делом чинит электроприборы, еще что-то по мелочам... Бабка шустрит, смеется, ставит на стол что бог послал...

А через несколько дней у председателя депутатский прием. Сидит Павел Терентьич в своем кабинете, ждет посетителей. Слышно, как муха летает, а посетителей не слышно. Павел Терентьич выходит в коридор, видит: сидят старухи. «Мамаши, — приглашает Павел Терентьич, — кто крайняя — прошу!» Старухи сначала молчат, но вот одна, самая вежливая, говорит так: «Ты, батюшка, сиди, работай, мы тебе мешать не будем, мы молодого депутата ждем». «Какого еще молодого?» — удивляется Павел Терентьич. «А такого, с машиной. Большая машина! Страхида!» «Постой! — говорит Павел Терентьич. — Ничего не понимаю. Какая страхида?»

И тогда рассказывают Павлу Терентьичу про некую бабку Матрену, которой давеча молодой депутат дрова привез на своей «страхиде»... «На «Колхиде»?!» — догадался Павел Терентьич. «На ей, на ей!» — закивали старухи.

К вечеру про Колю-депутата знало все село. Коля на прозвище не обиделся. Напротив, ходил важный и важно, со значением улыбался.

...И вот сейчас Коля-депутат стоит рядом с Иваном Моторихиным в Дороговском музее и дивится на древние рыболовные крючки.

— Слушай, а рыба-то в древности глупая была...

— Почему? — спросил чернявый парень, Колин корешок, тоже фалалеевский, имя его Иван забыл...

— Как почему? На такой здоровый крюк только дура и клюнет!

Ивану было приятно рядом с Колей. Свой! Наконец-то с в о й! Приятно вдыхать запах его старенькой кожанки, смотреть, как откидывает он со лба вьющуюся соломенную прядь, слушать, как свободно ведет разговор...

В последней комнате музея на столе лежала большая книга — «Для отзывов и впечатлений».

Коля сел за стол, раскрыл книгу на чистой странице, расправил ее широкой ладонью, оглядел перо — нет ли грязи на нем — и написал четким высоким почерком: «Сегодня мы посетили Дороговский музей, о котором раньше не могли и подумать. Это просто мысль, экзотика и даже больше. Шофер...»

Коля расписался. Передал ручку чернявому. Тот вывел жирно: «Крановщик...» Подпись была, как у Коли, неразборчива. Коля сказал:

— Давай, Моторихин.

Иван взял ручку. Написал имя, фамилию. От последней буквы пустил завиток вниз.

— Напиши, кто ты есть, — сказал Коля, — ученик такого-то класса...

Иван вздохнул про себя. Написал: «Ученик седьмого класса».

Ниже всех подписей Коля-депутат вывел аккуратно: «Жители села Фалалеево». Ну, а за это Иван готов был Колю расцеловать.

— Эй! — крикнули за стеной. — Айда волчат смотреть!

— Волчат! Волчат смотреть!..

Через окно Иван увидел, как, прыгая через несколько ступенек, бегут во двор ступинские ребятишки, как торопятся за ними взрослые.

— Айда и мы! — позвал Иван.

Коля-депутат шел через двор широким неторопливым шагом. Иван пошел так же. И почувствовал себя внезапно таким счастливым — да-да! — несмотря ни на что, счастливым! И решил: «Буду всегда так ходить».

На краю двора у дощатого сарая толпились ребятишки и взрослые. У боковой стены двое мужиков ладили большую клетку.

Вежливо раздвигая народ локтями, Коля-депутат пробился к самой двери. Спутники — за ним. Проем двери — от земли и по грудь Ивану — был забит досками. Верхом на загородке сидел мальчишка, Иванов ровесник, лохматый, с нахальными туманными глазами.

— Не пихайсь! Не ори! — Мальчишка обращался к толпе так, словно перед ним был один, но ужасно беспокойный человек. — Животным действуешь на нервы! Они у меня пугливые!

Иван протиснулся между Колей и крановщиком к самой загородке и, раньше чем увидеть что-либо, почуял: ой, тошнехонько! И нос зажал.

— Амбре-е! — сказал Коля-депутат.

В глубине сарая, тесно прижавшись друг к другу, на коротких и кривоватых лапах стояли два широколобых, широкогрудых щенка. Они в упор смотрели на Ивана. Рыжеватая их шерсть золотисто поблескивала в сумраке сарая. На полу валялось что-то страшное, черное, в красных пятнах. Баранья голова!.. А пол-то, пол... Ивана передернуло.

Коля-депутат сказал:

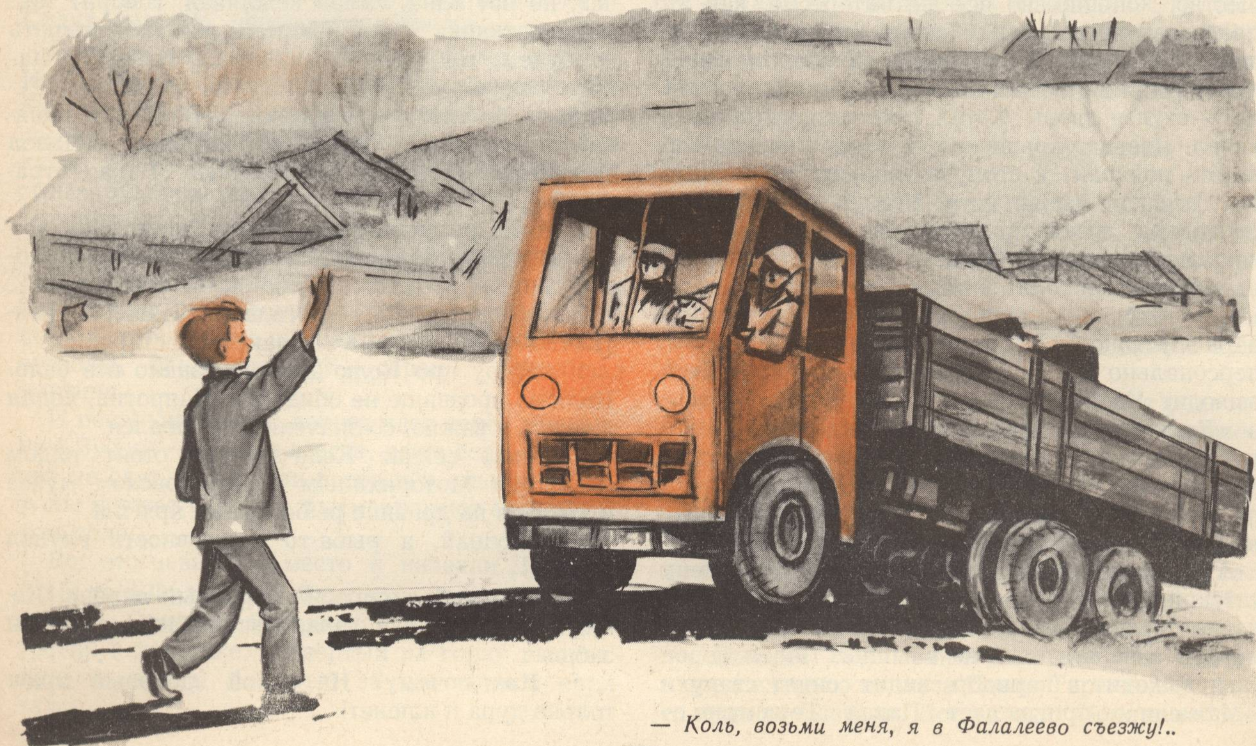
— Что ж вы антигигиену развели?

— Чего, чего? — Мальчишка прищурился.

— Грязь, говорю, вот чего.

— А-а-а, — протянул мальчишка равнодушно. — Это ничего. Это временно. Вот сколотят клетку, тогда уберемся... Ко мне! — грубовато-ласково позвал он волчат. Волчата еще плотней прижались друг к другу. Тогда мальчишка достал у себя из-под ног ведерко и стал им громко бренчать. Волчата мгновенно подскочили к нему.

— Ха! — сказал мальчишка. — Знают суки — обед.

— Коль, возьми меня, я в Фалалеево съезжу!..

Иван увидел: мальчишка опустил руку, и волчата наперебой принялись лизать ее. Иван подтянулся на перегородке, лег на нее животом, перегнулся и тоже протянул вниз руку.

— Эй! Эй! — ревниво прикрикнул мальчишка.

Иван почувствовал на своей ладони горячий шершавый язык. И сердце забилось сильней.

— А как поймали-то? — спросил кто-то в толпе.

— Старуху убили, этих взяли, — неохотно рассказывал мальчишка. Дескать, объясняй тут всякому, надоело...

— А чего делать будете? В зоопарк повезете?

— В зоопарк! — Мальчишка хмыкнул презрительно. — Вырастим, чучела набьем для музея, панораму сделаем — «Волки вышли на охоту»...

Коля-депутат свистнул: «Ну!»

Иван Моторихин переспросил:

— Убьете, да?

— Нет, живьем будем чучела набивать, — с издевкой сказал мальчишка.

— И сколько растить будете? — Это спросил крановщик.

— А не знаю. Пока взрослые не станут. — Мальчишка поднял над головой ведро. — А ну, слушай, разойдись, дай дверь закрыть!..

Ладонь у Ивана была вся мокрая, остро пахла псиной. Мужики за стеной дробно стучали молотками. Ивана опять замутило. Он отвернулся от сарая, вдохнул поглубже прямого ветра — раз, другой...

— Коля, — сказал Иван, — а Коль... Как же так... Почему сразу чучела не сделать, зачем растить?

— А какой интерес, — сказал Коля, — волчата, мелочь. Взрослые — дело другое. Волк! Сила!

Взрослые? Ну и что?

Одиночество, не раз испытанное Иваном в Ступине, снова охватило его. Одиночество среди толпы народа — веселого, шумного, не дай бог такого одиночества... Ветер гнал по широкому небу ярко-белые облака, леденил уши. Ровная кромка леса на горизонте нагоняла такую тоску! И дома эти, «дорогие» тоже...

— Гады они, — сказал Иван, — растят-растят, а потом убивать...

— Ну? — Коля-депутат на ходу глянул в его сторону удивленно. — А свинья? А корова?.. Тоже растим. А потом... — Коля на Ивановой шее показал, что «потом». Сильно показал, так что Иван долго шею тер.

Корова, свинья... Ну и что? Все равно гады.

Иван не мог толком объяснить себе, почему гады, но был убежден в этом и про себя повторял: «Гады, гады...» А вокруг гомонили, весело кричали, смеялись ступинские ребятишки.

А потом Иван внезапно увидел на дороге «Колхиду», высунувшегося из кабинки Колю... «Пока, Моторихин! Бывай!» Услышал рев мотора, осознал себя на другой стороне дороги и резко рванулся вперед, еще без ясной мысли, повинуясь только безотчетному — остановить!

— Коля!

«Колхида» качнулась и замерла, содрогнувшись всем корпусом. Мотор заурчал по ниспадающей, как недовольный, ленивый пес...

— Чего тебе?

— Коль, возьми меня, я в Фалалеево съезжу!..

— А как же... — Коля кивнул в сторону ступинского фургона. — Мать где?

— Я сейчас, я предупрежу, ты подожди только, ладно? Подождешь? А я завтра... Я завтра вернусь, молочной машиной!..

Сообразил! Ай да Моторихин! Молочной машиной можно вернуться запросто. Она как раз проходит мимо Ступина утром, когда идет в райцентр. Не через само Ступино, а километрах в двух. Там тропка есть.

— Подождешь? Коль, подождешь?

— Чего канючишь! — закричал сердито Коля-депутат. — Марш! Одна нога тут...

Иван догнал ступинских ребят, отвел в сторону Галю-беленькую и сказал, глядя прямо в лицо ей:

— Я домой еду! — И повторил для ясности: — Домой! Завтра вернусь, молочной машиной. Зайди к бабушке, скажи: завтра, мол...

Он видел, как нарастал испуг в ее глазах, но так торопился, так беспокоился, что Коле надоест ждать его, так занят был собой и этим лихорадочным «Еду, еду!», громко стучавшим в голове и груди, что больше ничего не заметил, только удивился, почему рука его не свободна, стал дергать, а это, оказывается, Галя держит его руку — цепко, сильно...

— Чего ты?! — вырвался, побежал, на пути остановился: — Скажи, завтра!..

А Галя так и стояла с нелепо вытянутой рукой, ни слова ни сказав ему, даже и не сообразив, наверно, до конца, что происходит.

— Ванька, быстрей! — послышался Колин голос.

Иван Моторихин забрался в кабину, крановщик подвинулся. Иван устроился поудобнее на мягком сиденье, и «Колхида» пошла! По ухабам «дорогим» пошла!

Машину кидало вперед, назад, вбок, вверх, вниз... Иван хватался за сиденье, упирался в передок... «Еду! Еду!..»

— Девки, девки, вы нас губите! — пропел крановщик и, выразительно поглядев на Ивана, захохотал.

А Коля-депутат подхватил:

— Слишком строго вы нас любите, я к такому не привык!

Иван вспомнил, как Галя ухватила его за руку, как не отпускала, как выдергивал он руку, и понял, что происходило это у всех на виду, и, взглянув сейчас на себя и на нее глазами своих спутников, покраснел, выругался молча: «Дура!..» — и тут же забыл про нее, словно наказал.

И Галя, и Дорогое, и Ступино — все отодвинулось, уступив место одному чувству: «Домой! Домой!»

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Л. ЯХНИН

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ ЖИВЕШЬ

*

ПРОСТРАНСТВО

*

ТЕАТР НА ПЛОЩАДИ

Приезжий спрашивает дорогу. Ему с готовностью отвечают:

— Сверните в этот переулок, потом пересечете сквер и выйдете на площадь. Там здание театра. Вы сразу, еще издали его увидите.

Сразу увидите! Вы заметили, как уверенно это сказано? И можете не сомневаться — приезжий сразу увидит театр. Потому что архитектор так решил пространство площади, что здание театра на ней — главное.

Как же он этого добился?

— Как? Да проще простого! — скажут мне. — Сделайте театр самым большим, самым красивым зданием на площади. И попробуйте его не заметить!

Но представьте себе, что улица выводит нас на площадь как раз со стороны этого огромного и красивого здания. Вы сделали два-три шага, и оно оказалось за вашей спиной. Вы на площади, а здания не видите.

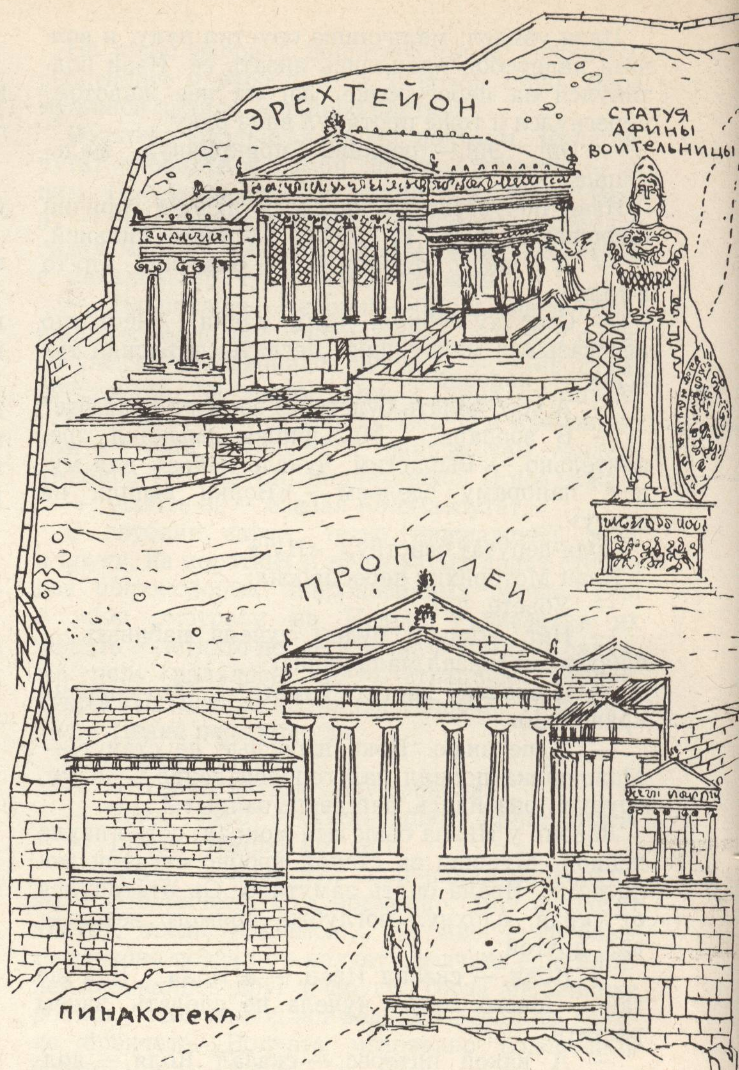
Значит, важна не только величина постройки, но и направление движения.

Но площадь с одним-единственным главным зданием, стоящим в центре ее, — это самое, пожалуй, простое и ясное решение. А как быть, если зданий несколько и ни одно из них нельзя выделить, забыв про другое?

АКРОПОЛЬ

Вершиной древнегреческого и мирового зодчества считается афинский Акрополь.

Акрополь — это крепость, цитадель. Но прежде всего это центр города, его главная площадь. Сегодня афинский Акрополь — живописные развалины с остатками великолепных храмов — Парфенона, храма Ники Аптерос, Эрехтейона. Однако мы располагаем множеством рисунков и чертежей, где до деталей восстанавливается первоначальный вид Акрополя. Поэтому мы можем с легкостью представить себе каждый храм и даже вообразить движение праздничных процессий у этих храмов.

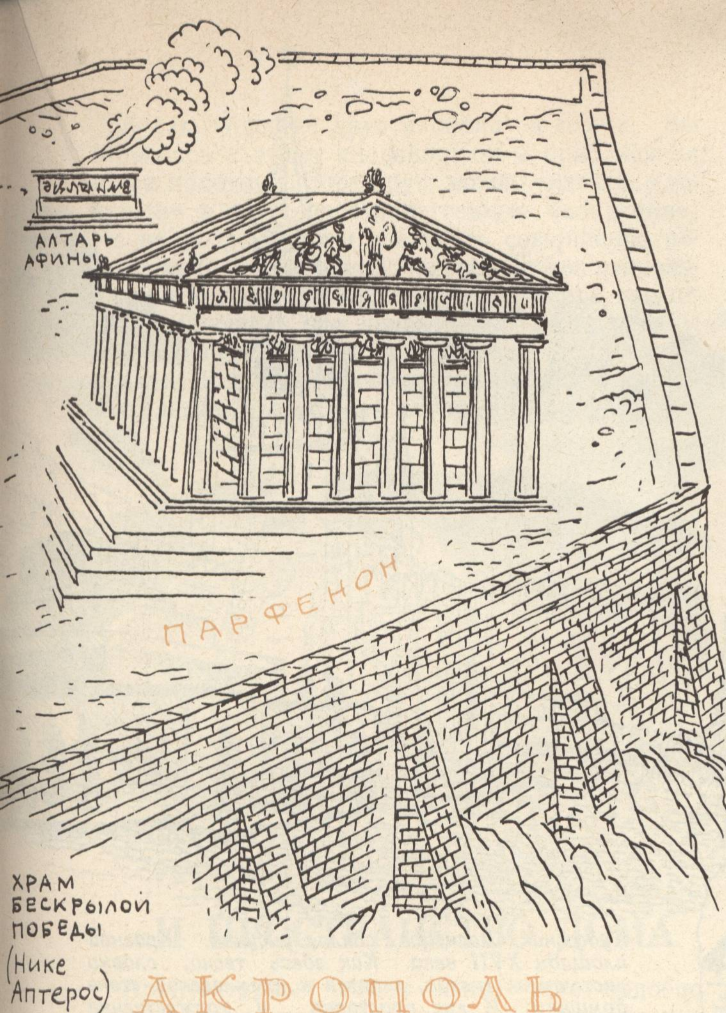
Что же видели древние греки, когда в ярких пурпурных, голубых и золотистых одеждах с пением торжественных гимнов поднимались на священный Акрополь?

Если взглянуть на план Акрополя, он может показаться совершенно хаотичным, случайным. Никакой симметрии, никакого порядка! Но этот порядок существует. И почувствовать его можно в движении.

Афинский Акрополь построен на холме. Попасть туда вы можете лишь с одной стороны — через крытую колоннаду Пропилеи. Пропилеи — ворота афинского Акрополя.

Итак, взойдя на Акрополь, человек видит его именно с той точки, которую выбрал для него архитектор. Человек движется через Акрополь, и в каждое мгновение перед ним раскрывается новая панорама.

Вот на первом плане величественная статуя богини Афины, покровительницы города. Все храмы как бы отступили назад. Еще несколько шагов, и словно вырастает перед зрителем легкий, гармоничный, залитый солнцем Парфенон. Он повернулся углом так, что в обе стороны расходятся стройные колоннады, резко очерченные глубокими тенями.

АКРОПОЛЬ В АФИНАХ

Только что Парфенон заполнял собой все пространство, был единственным в поле зрения идущего. Но вот он настолько близко, что охватить глазом все его формы невозможно. И в этот момент открывается сложная композиция изящного Эрехтейона. Он становится центром панорамы. Его глухая стена, сложенная из крупных квадров мрамора, воспринимается неожиданно и контрастно после прозрачной колоннады Парфенона...

По Акрополю можно ходить бесконечно. Каждое впечатление, каждый зрительный образ словно вмонтированы в четкую рамку кинокадра: движешься — и непрерывна смена впечатлений, остановишься — и перед тобой законченная, уравновешенная и продуманная в каждой детали картина. Архитектор, словно режиссер в театре, заранее продумал, что показать зрителю раньше, а что потом.

Попав в Акрополь, вы не можете охватить его весь единым взглядом. А если архитектор должен показать все сразу и все-таки остановить ваше внимание именно на том здании, которое считает главным?

Как он добивается того, что, откуда бы вы ни попали на площадь, стоите ли вы или идете по ней, ваш взгляд, словно магнитом, притягивает к самому главному зданию?

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ И НЕОБЫЧНЫЙ ПЕШЕХОД

Давайте отправимся на самую известную и одну из самых красивых площадей в мире, Красную площадь.

Красной площади сотни лет. Она складывалась постепенно. Строилась и перестраивалась кремлевская стена. Росли ярусами башни Кремля. Возникала фантастическая феерия собора Василия Блаженного. Появились здание нынешнего Исторического музея и памятник Минину и Пожарскому. А 48 лет назад, в год смерти Ленина, построен был на Красной площади Мавзолей.

Это удивительная площадь. Она кажется огромной. Однако она меньше многих знаменитых площадей мира.

Она кажется просторной. Но на самом деле она не шире какого-нибудь проспекта. И вдобавок основной поток людей попадает на нее сбоку, словно скользит вдоль площади. И все-таки каждый чувствует, что это не просто отрезок широкой улицы, но площадь со своей строгой и стройной композицией. И что еще удивительнее — любой человек ощущает, что самое главное здание на площади, ее центр — это Мавзолей.

— Что ж тут удивительного? — скажете вы. — Люди, услышав слова «Красная площадь», мгновенно представляют себе Мавзолей Ленина у кремлевской стены. И, конечно же, попав на Красную площадь, первым долгом обращают свой взгляд к Мавзолею.

Вы правы: имя Ленина знакомо всем даже в самых отдаленных уголках нашей планеты. Но позволим себе на минутку вообразить невозможное: на Красной площади появился пришелец с другой планеты, человек, никогда не слышавший о Ленине, о Мавзолее. Вот он движется к площади со стороны проспекта Карла Маркса. Он миновал здание Исторического музея и... совершенно непроизвольно обращает свой взгляд к невысокому сооружению — Мавзолею!

Отчего? Ведь этот необычный пешеход совершенно не знает истории Красной площади. Для него не звучит тот торжественный неслышный гимн, от которого строже становится взгляд. Его душу не наполняет то гордое волнение, которое вдруг заставляет человека подобраться, затаить дыхание, крепче ставить ногу на темную брусчатку площади.

Оговоримся сразу, что, конечно же, архитектор Щусев, который строил Мавзолей, не забывал об этом высоком настрое души и даже рассчитывал на него. И все же...

МАВЗОЛЕЙ И ПЛОЩАДЬ

Какой он должен быть, Мавзолей? Высокий? Но на Красной площади много высоких сооружений — и Спасская башня, и собор Василия Блаженного, и, наконец, возвышающаяся над Кремлем колокольня Ивана Великого.

5. «Пионер» № 11.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Художник Васнецов сделал рисунок Красной площади XVII века. Как здесь тесно, словно ласточкины гнезда, лепятся к кремлевской стене домишки. И как просторна и торжественна Красная площадь сегодня!..

Высота ничего не решит. Значит, надо, наоборот, сделать Мавзолей невысоким, но так поставить его на площади, чтобы он стал центром ее.

Что же, поставить Мавзолей посредине площади? Нет, этого делать нельзя: он перегородит и без того узкую площадь. И Щусев поставил Мавзолей у кремлевской стены, чтобы перед ним оставалось большое пространство. А площадь в центре приподнял. Чуть-чуть. Всего на один метр. И получилось, что Мавзолей стоит как на горке. Вся площадь будто стремится к Мавзолею, который строгим, геометрически четким силуэтом выделяется на фоне кремлевской стены.

А Красная площадь тоже преобразилась. Появился тот центр, вокруг которого объединились все разнородные здания площади, и это придает впечатление гармоничности, завершенности всему ансамблю.

Мы можем смело сказать, что Щусев вновь пересоздал Красную площадь.

ВОЗРАЖЕНИЕ НА ПОЛЯХ

Мне могут возразить, что площадь все-таки всегда ограничена зданиями, она как бы «вырезана» из всей массы города. Архитектору остается лишь особым образом расставить на ней дома, лишь расставить, а пространство все-таки для него выделено, «отгорожено».

Это так и все-таки не совсем так. Пространство нужно, как говорят архитекторы, организовать, и тогда оно превратится в архитектурное пространство. А что это такое?

ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА...

Попробуйте уместиться в коробке из-под ботинок или в бутылке. Если вы не джин, у вас ничего не получится: не хватит пространства.

А древнегреческий философ Диоген жил в бочке и уверял, что ему там даже просторно: в бочке был излишек пространства для непритязательного философа.

Тот минимум пространства, которое занимает человеческое тело, условились называть жизненным пространством. Но сегодня психологи говорят уже о личном пространстве. Оно несколько больше. Оно, как некий невидимый кокон, окутывает человека.

К вам подошел друг и обнял за плечи. Вы отнеслись к этому спокойно, он и приблизился к вам вплотную. Этот друг, можно сказать, «допущен» в ваши пространственные «владения». Но попробуй так же поступить совершенно незнакомый, посторонний человек, и вы непроизвольно вздрогнете или по крайней мере ощутите неловкость. Этот человек нарушил границы личного пространства, и вы сразу это почувствовали. Величина личного пространства у разных людей и в разных случаях различна.

...И ПРОСТРАНСТВО ДОМА

Архитектурный объем имеет свое, подобно личному пространству человека, архитектурное пространство. Только у него свои, особые качества и законы. Если вы подошли слишком близко, то не видите всего силуэта здания. Отошли слишком далеко — и исчезли, растворились какие-то важные детали.

Есть здания, которые поставлены так, что вы никогда не сможете охватить их взглядом целиком. И если это не обдумано архитектором специально, заранее, то просто его неудача — он лишил здание необходимого пространства.

Поэтому сейчас при реконструкции отдельных улиц и площадей стараются оставить вокруг наиболее ценных архитектурных памятников необходимое для их восприятия пространство. Бывают случаи, когда решаются пробить в городе новую улицу, чтобы получить наилучшую точку зрения на то или иное сооружение.

Взгляните на рисунки древних городищ, на средневековые города. Дома плотно поставлены один к другому. Они слоятся, будто ломти громадного пирога. Узкие улочки между ними годятся лишь на то, чтобы разминуться двум встречным.

Причин тому много, но для нас важно сейчас одно: дома здесь имеют лишь минимальное, скажем, «жизненное» пространство.

А теперь обратимся к современному городу. Он напоен воздухом и зеленью. Домам просторно. Они уж не стоят плечом к плечу, словно шеренга солдат, охраняющих улицу. Появилось свободное пространство, которое архитектор должен организовать, превратить его в архитектурное пространство.

ЧУДО НА НЕРЛИ

Возьмем самое крайнее условие — на пустом, открытом месте строится дом. Казалось бы, как ни старайся, а так и останется дом на открытом месте. Дом и ничего больше.

На пути от древнего Владимира к Суздалю, недалеко от Боголюбова стоит небольшое сооружение — храм Покрова на Нерли. Стоит этот всемирно известный храм на холме над водой. И так выбрано древним зодчим место, что кажется вам, словно архитектор создал не только изящный каменный храм, но и ровную гладь воды, и ощущение простора, и даже купол неба раскинул так, чтобы резко очерчивался весь стройный силуэт здания.

Значит, архитектор не только строит здание. Он создает архитектурное пространство. Это стремление «строить пространствами», а не только объемами и есть самая сущность современной архитектуры.

Итак, как будто бы все: архитектор построил здание, организовал пространство вокруг него, подчинил это пространство зданию. Однако этого мало. Все это создано для зрителя. Для человека, который в данный момент находится вне здания, на улице.

А как себя чувствуют обитатели дома? Ведь они тоже находятся в пространстве, только во внутреннем.

СМОГ И СМОУК

В самом деле, мы, городские жители, живем в каменных домах, ходим по асфальтированным тротуарам, смотрим на деревья, растущие из узорчатых решеток, ездим из города в город в

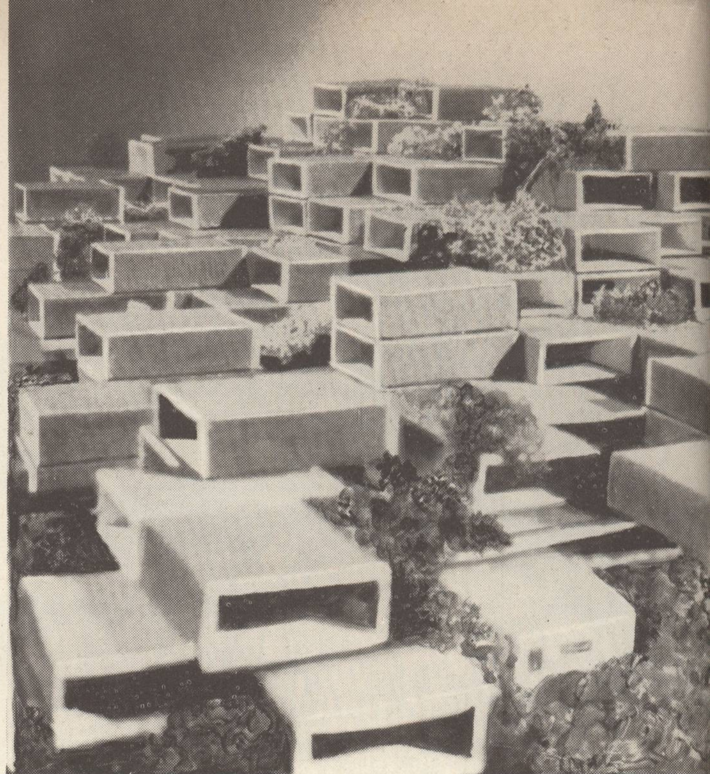

цельнометаллических вагонах, из окна любуясь на мелькающие обрывки лесов и полей. Городское небо над нами вечно подернуто пеленой растворяющихся дымков.

А знаменитые лондонские туманы уже называются не «смоук», то есть туман, а «смог», то есть туман пополам с гарью.

Совершенно неожиданно оказалось, что архитектура стала той преградой, которая могла отделить (или отдалить) человека от природы. И появился лозунг, брошенный все тем же неутомимым Ле Корбюзье: «Вновь обрести природу!»

Что же это означает для архитекторов? Мы уже знаем, что в городе это значит создать свободные, напоенные воздухом, светом и зеленью пространства. Но этот воздух, это пространство должны проникнуть в жилище, войти в него наравне со всеми удобствами. Естественно, первое, что приходит в голову: уберите стены и, пожалуйста, получайте себе единое, неразделенное, открытое пространство. Но ведь тогда не будет и самого жилища — человек окажется просто на улице! Все куда сложнее.

Прежде чем возникло здание из железобетона, архитектор построил его у себя в мастерской... из спичечных коробков.

ПАРОВОЗ НА СТОЛЕ

Вот тут-то и появляется еще одно понятие: индивидуальное пространство.

Что это такое?

Мой маленький сын ужасно не любит собирать разбросанные им по всей квартире игрушки.

— Мама, — говорит он, — ну пускай паровозик постоит на столе.

— Нет, — отвечает мама, — на обеденном столе должна стоять тарелка супу.

— Папа, — говорит он, — можно, этот жираф полежит на книжной полке?

— Нет, — сурово отвечает папа, то есть я, — на полках должны стоять книжки. И вообще уже скоро некуда будет ступить — по всему полу разбежались твои резиновые звери, раскатились грузовики. Того и гляди, наступишь на какое-нибудь ружье, а оно возьмет да и выстрелит.

— Да-да, — сокрушенно вздыхает мама, — в квартире ни для кого уже нет места, только его игрушки!

И это совершенно справедливо. Ведь в нашей квартире должно быть место еще и для меня, и для моего письменного стола, и для нашего обеденного стола, и для всего остального, что необходимо всей нашей семье и каждому из нас в отдельности. Пространство нашей квартиры, хоть оно и называется индивидуальным, принадлежит всем нам, ее обитателям.

ОКНА СОСЕДЕЙ

Итак, индивидуальное пространство — это пространство жилища. И чем дальше за пределы квартиры будет простираться оно, тем большая часть окружающего нас мира сможет как бы «войти» в наш дом. Ну что ж, тогда сделаем окна во всю стену, сделаем непомерно большие озелененные балконы — «висячие сады».

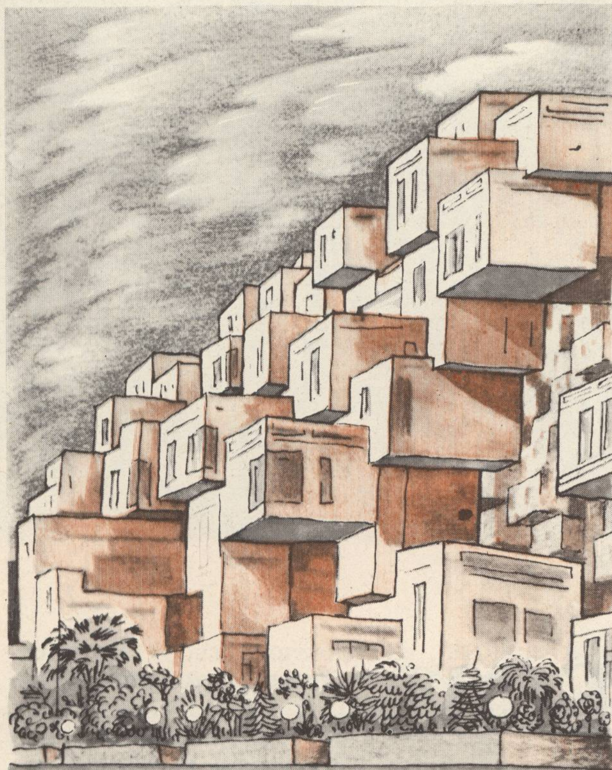
А жители соседних домов, а соседи по этажу? Эдак мы снова окажемся не в своей квартире, не в своей семье, а на виду — почти на улице.

Проще простого создать индивидуальное пространство в небольшом односемейном одноэтажном домике, стоящем где-нибудь на лоне природы. А как это сделать в огромном городе, среди многоквартирных, многоэтажных домов?

В 1967 году на Всемирной выставке в Монреале был показан неожиданный эксперимент — «Жилище-67». Если вы посмотрите на рисунок, то поразитесь хаотическому, случайному на первый взгляд нагромождению объемов, переходов, галерей.

Но это — заблуждение. Здесь с удивительной четкостью осуществлена идея индивидуального пространства.

Весь дом, как из кубиков, составлен из отдельных блоков — квартир. И каждый кубик повернут так, что из окна квартиры не видно окон соседей — лишь гладкие плоскости стен. Кроме того, крыши нижних квартир становятся

Пока еще такой дом не увидишь на улицах наших городов. Но некоторые черты его можно угадать в новых проектах советских архитекторов.

террасами-садами для верхних. Зеленый покров земли, словно по ступенькам, поднимается по крышам-садам до самых верхних этажей.

Каждая квартира этого огромного многоэтажного дома словно бы превратилась в небольшой домик.

ВОЗДУШНЫЙ ШАРИК И ДОМ

Летит воздушный шарик. Тоненькая оболочка отделяет воздух внутри шарика от воздуха снаружи.

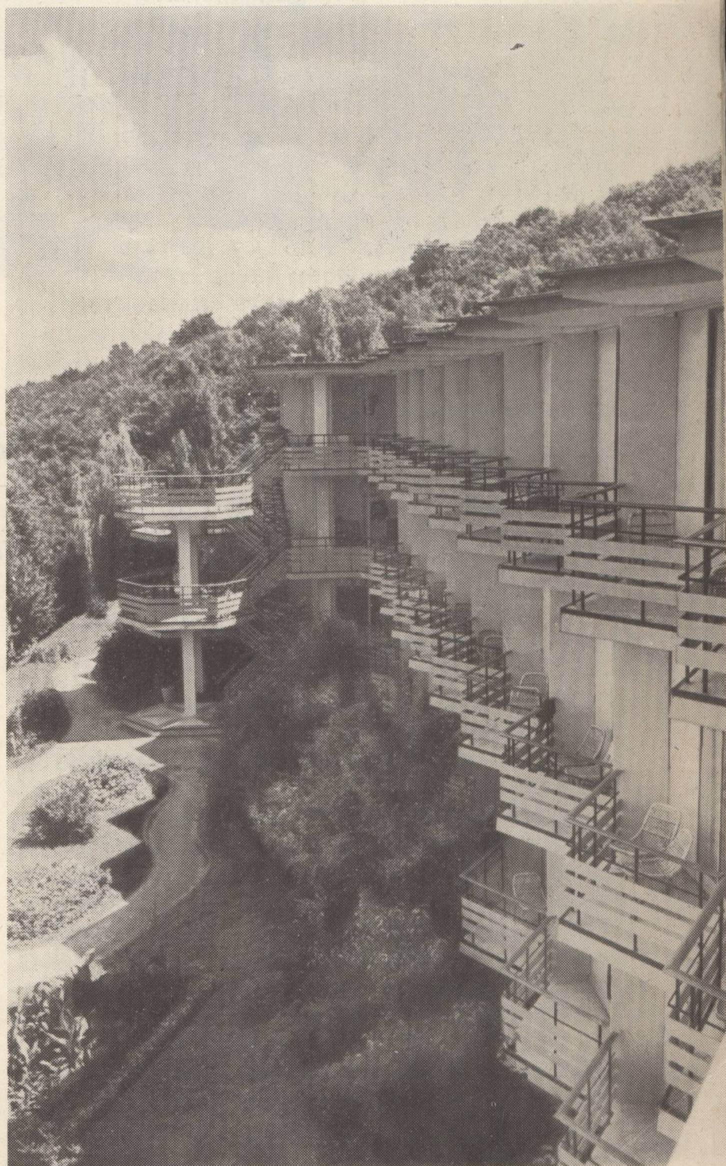
Летит шарик, уносится в небо. И вдруг — пух! — наткнулся на ветку, и вот уже висит на дереве лишь яркий лоскуток. Воздух, что был внутри, соединился с наружным. И шарик исчез. Нет шарика.

А наша квартира? Мы открываем широкое окно, мы выходим на балкон. Воздух, свет, солнечные лучи врываются в комнату. Внешнее пространство словно «перетекает» во внутреннее. Словно и нет этих четырех стен, потолка и пола.

Но жилище, наша квартира не исчезает, не превращается в часть улицы. Наше уединение не нарушено. Просто в нашу квартиру вошел кусочек огромного мира с его звуками, цветами, запахами, деревьями и птичьим гомоном, с небом и облаками.

Вот к чему стремятся сегодня архитекторы, строя города и дома, в которых мы живем.

В Каневе стоит гостиница «Тарасова гора». Острыми уступами спускается она по зеленому склону к берегу Днепра. Гора, зелень, небо — дом словно растворился в окружающем пространстве.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Нора АРГУНОВА

ГОЛУБОЙ СВИТЕР

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Фотографии Н. НЕМНОНОВА.

Рысь потянулась всеми четырьмя лапами и широко зевнула. Она лежала в сухой яме под еловым выворотнем и сонно выглядывала из полумрака.

Сквозь путаницу свисавших корней и сухой травы она разглядела в утреннем тумане дятла, проводила его ленивым, суженным в нитку зрачком. Следом, звонко вскрикивая, мчалась вторая птица, и рысь слышала, как посвистывают упругие крылья.

Рысь перевела взгляд, и ее блуждающие зрачки внезапно расширились. Она уставилась на зверя, неизвестно когда возникшего в низкорослом, сухом понизу ельнике. Рысь впилась в него почерневшими глазами. Одна ее лапа судорожно сжалась. Она надеялась, что волчица не заметит и пройдет своим путем, но та повернулась и загривок у нее вздыбился.

Шурша прутьями, не таясь, волчица уверенно шла прямо к месту, где лежала рысь. Лесная кошка была крупным, ловким, сильным животным, а волчица невелика, худа, неказиста, но двигалась она бесстрашно, и рысь изготовилась.

Волчица припала к земле. Кожа у нее на морде собралась в складки, открывая клыки. Губы дрожали. Рысь вскинула когтистую лапу, но волчица не двигалась, не собиралась нападать. Они застыли одна против другой — выгнувшая спину, шипящая, растерянная кошка и маленькая волчица.

Рысь попятилась. Волчица встала, наблюдая, как она уходит. Рысь легко взмахнула на

согнутую березу и оглянулась. Волчица ждала. Кошка, прижимаясь, сбежала вниз по наклоненному стволу, и лопатки у нее на спине горбатились боязливо.

I

Впервые волчица решилась отойти подальше от логова. За дни, пока ждала щенят, а потом ухаживала за ними, она истомилась и теперь шла, жадно втягивая сырой весенний воздух.

Она шагнула с тропы, проложенной старым волком, и провалилась в рыхлый водянистый снег. Снег холодил ей горячий живот. Она постояла, потом легла, покаталась на спине и затихла.

Она была молода и полна сил, однако с ее непоседливым нравом трудно нести материнские обязанности. Волчат всего трое, но они так малы, что еще ничего не умеют сами. Стоит отойти и улечься неподалеку, как пора к ним снова. Волчица возвращается, переворачивает щенка, вылизывает ему живот, увлекается и лижет грудь, тупое рыльце с беззубым молочным ртом. Сквозь легкий и плотный детский мех добирается до горячей кожи, ведет вдоль податливых позвонков, моет, приглаживает, укладывает возле себя, вылизывает остальных. И следит, как сосет каждый из них: азартная маленькая волчица, крупный щенок и средний.

И так дни и ночи. Отвлекаешься только в те минуты, когда старый волк выкладывает мясо, которое ему удалось добыть.

Сегодня она оторвалась наконец от гнезда, вышла на жировку, словила и съела двух зайчат и шла обратно. Сейчас она со щенячьи разбросанными лапами и оттянутыми губами, с приоткрытой узкой розовой пастью, дыша часто и мелко, лежала на спине, вся обмякнув, закатив янтарные глаза, а над ней плыл туман...

Мгновение — и волчица вскочила, отряхнулась, прислушалась. Ее уже тянуло домой. Она двинулась дальше.

Еще раз она сошла с тропы — там, где лежало бревно. Обычно она впрыгивала на это бревно, чтобы оглядеться. Но сегодня его припорошило мокрым снегом, и волчица, взобравшись, мельком посмотрев в стороны, пошла с опаской, балансируя хвостом, занятая лишь тем, чтобы не поскользнуться.

Внезапно она заметила старого волка, уловила выражение, с каким он следит за ней, и полетела к нему прыжками.

Нос к носу волчица стояла возле волка. Она обнюхивала его большую голову, засовывала нос в его заросшее ухо, и глаза ее лучились. А он подставлял ей поседевший лоб, могучую мохнатую шею...

Ему было много лет. Большую часть жизни он прожил со своей первой волчицей. Когда ее застрелили, старый побывал в капкане.

Он и раньше понимал, что такое капкан. Как бы ни запрятывали люди это чудовищное сооружение вместе с цепью, как бы ни старались убрать запах металла и своих рук, чтобы закопать, замаскировать, придать естественный вид месту, где насторожены смертоносные челюсти,— старый волк не ошибался. Он замечал покосившуюся травинку на дерне, по-новому лежащую валежину, накиданные листья.

Люди знают много способов, уничтожающих запах капкана, но старый всегда его чуял. Зимой, когда человек считал, что сама природа спешит на помощь, занося капкан снегом и уж вовсе ничего подозрительного не оставляя на поверхности, матерый зверь все-таки обходил опасные места. Потому что дикое животное — это часть природы, а волк, веками травимый людьми, стал самым напряженным ее нервом. Сжимаемый холодом, капкан для него звучал.

Но в ту зиму застрелили волчицу, с которой он прожил шесть лет. В тоске он не находил себе места. Он присоединялся к стае, бросал ее, сутками лежал, свернувшись, безразличный ко всему, разыскивал стаю снова. Охотился один, изредка — вместе с другими, и еда не лезла ему в горло.

Он напоролся на капкан. Ему сдавило, искалечило переднюю ногу, и он стал бешено

вырываться. Он грыз железо и дико озирался, зная, что скоро явится человек. Он обломал бы себе зубы или перегрыз онемевшую лапу, а волку лучше погибнуть сразу, чем остаться беззубым инвалидом, который беспомощно мнет и, давясь, заглатывает целиком какую-нибудь жалкую добычу, медленно слабея от голода.

К великому счастью, дуги капкана сошлись неплотно. Волк дергал, сдвигался понемногу, и вот он высвободился и бросился бежать, вскидываясь всем корпусом, держа на весу набрякшую ногу.

Теперь он хотел жить. Он и волчица были родоначальниками окрестных волков. За шесть лет ни одного выводка не удалось им сохранить целиком. Волчата умирали от болезней и несчастных случаев, а достигшие зрелости разбредались в поисках собственной судьбы. Но и живших поблизости хватало, чтобы образовать большую семью. Они сплачивались на зиму, потому что стае легче выжить, чем одиночке.

Старая волчица обычно двигалась впереди, старый волк замыкал шествие. Теперь другая оказалась во главе, и его место было тоже занято. Быть может, уважение, которым старый пользовался, охраняло его. Никто и не подумал тронуть раненого. Он бы погиб от голода, если бы не стая. Он ковылял следом и кормился тем, что оставалось от стаи.

Лапа зажила, но в эту весну он оставался один.

Волк с волчицей сходятся навсегда. Из года в год выхаживать им детей, оберегать и учить и трудными зимами водить их, малых и полувзрослых, в поисках пропитания. Изо дня в день вместе... И волки избирают друг друга. Старый встречал свободных самок, ни одна из них не привлекла его.

Февральским солнечным льдистым утром он напал на след незнакомой волчицы. Добежав до поляны, где пара молодцеватых трехлетних кобелей клокотала и ерепенилась вокруг самки, он мгновенно разглядел ее, лежащую на снегу. Легко выпрямившись, подняв небольшую голову, она посматривала по сторонам, будто снисходительно охраняя двух дурней, забывших об опасности.

В позе самки угадывались независимость и с трудом подавляемая живость, а недлинная узкая морда имела одну черту, иногда свойственную волкам: она была остра и в то же время чуть курноса.

Старый вышел на поляну. Кобели подскочили, разъяренные. Он молча показал клыки, и один трехлеток отпрянул и остолбенело уставился круглыми глазами. Короткий пушистый хвост, до того лихо вздернутый, повис с испугом и недоумением.

Но второй зверь, с хрящеватой мордой, длинным и вертким телом, надвинулся боком, вызывающе.

Они встали голова к голове, затем медленно переступили наструнненными ногами, и

За нею логово и беспомощные волчата...

плечо прижалось к плечу, шея к шее, морды наперекрест легли на вздыбленные спины. Они сошлись, старый и молодой.

А свободный волк полетел к волчице. Она встретила его неласково. Он не отставал, тогда волчица вцепилась ему в щеку и отпустила. Она ложилась, вскакивала, кидалась на него, похватывая зубами, и все это досадливо, без злобы. Поглощало ее лишь то, что творилось на поляне поодаль.

Там продолжался странный поединок. Клыки и челюсти бездействовали, мышцы каменно напряглись, тела упирались, теснили все с большей силою. Это был поединок характеров, испытание выдержки. Казалось, нервный срыв близок и драки не избежать.

Но не просто крепостью воли и мускулов мерились они в те долгие минуты. Острая волчья интуиция бурно говорила в обоих. Молодой вдруг ощутил, каков его соперник, и растерялся.

Звери не шевельнулись, и человеческий глаз не смог бы уловить, что произошло, но волчица, зорко наблюдавшая за ними, все поняла. Она увидела затем, как чуть отстранился крупный волк, а другой, утеряв воинственную осанку, сник, повалился на спину. Он еще скалился, и старый волк стоял над ним, гневно ловя каждое движение.

Молодой перестал скалиться. Он лежал, самонадеянный, бравый трехлеток, впервые

боровшийся за самку и поверженный. Он сконфуженно поджал хвост и лапы, и эта поза обезоруживающей покорности защитила его. Потому что никогда волк не тронет другого, сдавшегося волка.

Старый направился к самке.

Он был одет в богатую, с черной седловиной на широкой спине и густым торчащим воротником шубу, он плавно, несмотря на хромоту, нес свое тяжелое туловище и даже не покосился на поджарого кавалера, плясавшего неподалеку, и на другого, оставленного позади. Узкие глаза были устремлены только на самку.

И она не сводила с него взгляда, заинтересованная...

2

Волчица щенилась впервые, и до сих пор ничто не омрачало ее материнства. И все-таки она, от природы наделенная живым, легким нравом (насколько может быть легким нрав волка), с самого детства понимала, кого ей надо опасаться. Когда еще ни след, ни запах врага не были ей знакомы, ее уха достиг однажды визг бензопилы, дотянулась, растекаясь по кустам, терпкая вонь раненой хвои и гарь лесоповала, и она поняла, что там человек.

Словно был в ее мозгу отдельный центр, столь же необходимый, как дыхательный или зрительный, и он денно и нощно вырабатывал напоминание о том, что существует человек. Спала ли волчица, валялась под густой елью, кряхтя и почесываясь, или, быстро прикидывая и рассчитывая на ходу, загоняла добычу,— центр действовал.

Иногда с такой же отчетливостью, с какой настораживал, он успокаивал, если опасности не было. «Можно»,— будто слышала волчица, и это означало, что можно унять напряжение, расслабиться, с шумом повалиться на землю и дать щенкам на себя налететь. И вскочить, сбросить их, помчаться, валяя их на ходу, увертываясь. И вдруг замереть. Замирают и волчата. Что там? Подбирается, затаилось? Где? С какой стороны? «Неопасность!» — и снова пышный хвост по ветру, и кутерьма, и старый не выдерживает и ввязывается...

Волчица ощенилась в догнивавшей баньке, которая стояла в прежнее время на краю деревни, в километре от главного тракта. Когда южнее, у большой реки, обосновался лесопункт, деревенские избы разобрали и свезли туда, проселочные дороги и тракт заглохли. Поначалу кое-кто ездил в далекие угодья за сеном и в бывшей бане хранили до лета косы и бересту для туесов. Потом баня осела, накренилась, люди позабыли о ней. Ее облюбовала волчья пара.

Не только само гнездо — целая округа становится на время логовом, а пока малы дети, все на логове неприкосновенно для волка. Он, если возможно, избежит схватки с рысью, он пощадит гнездо куропатки и пропустит зайца. Никогда не услышать здесь весной волчьего воя. Глубокая тайна должна охранять беззащитное слепое существо — будущего волка.

И сейчас пара разошлась, чтобы высмотреть, проверить, обойти окрестность и вернуться домой самыми глухими тропами.

Волчица выбралась было на тракт, но ее поразил незнакомый звук, и она, крадучись, опять вступила в лес.

На проталине, окруженной редким голым кустарником, серая на оттаявшей землисто-серой листве лежала лосиха. Она облизывала теленка, который громко чмокал, хватая и не умея еще удержать сосок.

Волчица ползла, и сырое, приторное тепло новорожденного заволакивало ей ноздри.

Отчаянным годовалым переярком, выйдя до зимы из-под опеки родителей, занятых новыми детьми, она с братьями рыскала, бывало, по тайге и воровала телят у зазевавшихся лосих. Удалое время! Безнадзорная и бездомная, вольно бродила шалая компания. Драки и примирения, возня, баловство, лежки на теплой летней земле. И охота.

Случалось, молодые волки отнимали лосенка, действуя собранно, как их учили взрослые, налетая и отвлекая лосиху, помогая один другому. Взъерошенная лосиха напрасно крутилась тогда над своим телком, в отчаянии выбрасывая во все стороны бронебойные копыта.

Ни треск веток, ни визг попавшего под удар волка-переярка, никакие звуки схватки не имели в то время значения. В какой ужас привел бы сейчас волчицу этот шум неподалеку от места, где запрятаны ее дети!

И теленок, который оказался рядом с нею, не вызывал привычных побуждений. Она только внимательно следила за тем, как он бьется, вставая, как утверждается на растопыренных дрожащих ногах. Лосиха мирно вылизывала вымя, иногда поворачивая длинную морду, чтобы взглянуть на него.

Покачиваясь и приседая, лосенок направлялся в сторону волчицы. За пнем она не видна была лосихе, и ветер не доносил волчьего запаха, но теленок различил какое-то движение и заторопился. Он еще не отведал материнского молока и не знал, кто его мать. Где искать молоко, к кому бежать, он не мог разобраться. Среди сумятицы младенческих представлений четким было одно: мать должна двигаться, тот, кто движется, может оказаться матерью и накормить.

Жалобно ноя, заваливаясь и выправляясь на неверных ногах, лосенок спешил к волчице.

Он подошел и вытаращился близоруко. Его тощее тело подалось вперед, он вытянул голову с мокрым курчавым лбом. Волчица не спускала с него ошарашенных, светлых, блестящих глаз. Одна ее напрягшаяся лапа уперлась в древесный корень, грудь оторвалась от

земли. Лосенок шагнул. Волчица покосилась на лосиху, ползком попятилась, встала.

Лосенок хотел встряхнуться, потерял равновесие и упал. Волчица вздрогнула. Нервная волна прокатилась по ее туловищу, хвост повис и замер. Она смотрела исподлобья, не мигая. То, что в ней сейчас происходило и что люди назвали бы бессознательным заторможиванием рефлекса, быть может, называлось разумом и внутреннею борьбой.

Лосиха, со злобно прижатыми к затылку ушами, метнулась к волчице. Та отлетела, извернувшись в воздухе, бесшумно приземлилась и на подогнутых лапах пустилась прочь. Слитный шум ожившего утреннего леса был для нее разъят, и один влекущий звук — слабый голос лосенка —долго еще терзал волчье ухо...

Скоро она позабыла и лосей и все другие впечатления первой прогулки. Ей пора было кормить. Но она шла не прямым путем, а продолжала, хоть и накоротке, огибать участок. Она захватывала одну за другой знакомые тропы, приближалась к дому, как вдруг засочился и тут же сгинул взвинчивающий нервы запах.

Сдержав себя, волчица легла. Прямо под нею, под слоем почвы и широко вокруг с шорохом плыли весенние воды. Постукивало, грызло, перекликалось мелкое зверье и птицы. Волчица медленно поводила головой. Не только ноздри, весь ее большой, выступающий вперед над губами нос, зернистый и влажный, вбирал воздух. Запах пропал, словно бы померещился. Она привстала. Как будто бы ничего не было, но это уже не могло ее обмануть. Она кинулась дальше.

Ее тело змеилось среди кустов и елового подроста, а там, где нижние прутья сплетались, она проползала на брюхе, и ни одна ветка не качнулась над нею. Взяв с места, четырехметровым прыжком она перенеслась через тракт, не оставив на нем следа, и торопливо взошла на холм.

В ее памяти с верностью фотоснимка стояла картина, открывшаяся с холма. Новыми были скушенная макушка молодой сосны и обглоданные прутья кустарника. Здесь побывали зайцы и лось, почки на березе склеваны птицами.

Значение имела другая мелочь, и ужас предчувствия прошелся по волчьему хребту. Потому что все, что заготовила судьба и чего не испытала еще волчица-мать за свою недолгую благополучную жизнь, начиналось с густой еловой ветки, надломленной на уровне человеческого роста...

3

В эти дни оба поселка — лесничество и лесопункт — жили как в лихорадке: разрешена весенняя охота, над рекой пошла утка, ожили токовища. Мужчины уходили в ночь, возвращались на рассвете; ребятишки вскакивали по утрам, спеша разглядеть отцовскую добычу.

Даша Лукманова была здесь единственной женщиной-охотником. С ружьем на плече, в литых резиновых сапогах и в стеганке, перепоясанной ремнем, на котором висел нож, она и крепкой, с прямыми плечами фигурой и мерной походкой напоминала скорее парня, чем девушку.

У Даши был свой обычай. Без людей она чувствовала себя в лесу свободнее, поэтому предпочитала охотиться в одиночку.

В сенях Даша взяла весло, на ходу потрепала загремевшего цепью Карата. Хватаясь за кусты, скользя по откосу, сбежала к берегу, перевернула и столкнула на воду громоздкую плоскодонку, вытащила из мокрого песка якорь.

Ледоход был послабее вчерашнего. Покачиваясь, проносились льдины, рыхлые поверху, грузно осевшие зелеными стеклянными боками в мутную воду.

Стоя в лодке, Даша повела ее вверх по течению тихой прибрежной водой. Возле подмытой ели круто развернула лодку и рывком двинулась наперерез.

Во всю ширь реки, поигрывая прихваченным бревном, кувыркая пни, мчалось поредевшее, но и теперь грозное ледовое стадо. Течение подхватило, но Даша, прочно расставив ноги, загребала веслом то широко и сильно, то мелко, быстро, и лодка шла наискось точно к ферме, откуда начинался старый тракт.

До глухариного тока всего около восьми километров, но Даша собралась пораньше. Вчера случилась беда. На ферме, где она работала, занимались одомашниванием лосей. Лучшей там считалась дойная лосиха Пятница. От Пятницы ждали потомства, а она вчера ночью выломалась из загона и ушла в тайгу. Ее искали, прочесывали лес, но пока не нашли. Снег только начал таять, лосенок мог погибнуть от холода. И его могли задавить волки.

Прошлым летом эта самая Пятница — Даша звала ее Пятёха — вернулась с вольного выпаса в жалком виде: шея сверху располосована чуть не до позвонков, уши оборваны. Когда лосихе зашивали раны, все винили только волков. Никто не задумался над тем, как отбивалась от зверя обезумевшая лосиха, что она вытворяла и какие — далеко не волчьи — нужны когти и цепкость, чтобы удержаться в это время на ее спине. Да и чего думать? На лосят чаще нападали медведи, но именно волки задрали осенью Умницу, дочь Пятехи, на которую Даша возлагала столько надежд.

Весенние воды заливали тайгу. С высоких берегов они рушились водопадами в реку, а в глубине леса стояли бескрайними прозрачными озерами.

Даша раскачала высокую сушину, и мертвый ствол рухнул, подняв брызги. Даша про-

бежала по стволу, перепрыгнула на кочку, подтянула ствол и боком прошла по нему дальше. Здесь кочкарник потверже, на пухлых, мохнатых подушках лежит оттаявшая клюква.

Даша набрала пригоршню, опрокинула в рот. Сколько ни петляла, в какие укромные места ни заглядывала—нет Пятехи. Уцелеет она, сумеет ли сохранить теленка? Рослая, сильная, непугливая — даже и после волчьей проделки пугливой не стала,— Пятеха во время дойки стоит смирно, словно помочь хочет, молока дает много, за Дашей по тайге бежит, как собака. Идеальный одомашненный лось! Если принесет телочку, та может материнские черты унаследовать.

Перескакивая через ручьи, увязая в глине и валежнике, Даша по своим собственным старым затескам вышла к току, прямо к лежащей поодаль от поляны объемистой сосне. Из года в год сосна служила скамьей, и до сих пор стоят воткнутые по другую сторону, нависающие ветки, а на земле чернеет след костра.

Даша положила ружье, сбросила котомку. Достала брезент, перелезла через ствол. Набросила на ветки и закрепила брезент шпагатом. Отыскала припрятанный под валежником чайник.

Волк с волчицей сходятся навсегда.
Изо дня в день вместе.

Хоть и ненадолго, она не ленилась устроиться в тайге с удобствами.

4

Разгорался костер. Ветер бестолково швырял клубы дыма. Когда налетало под брезент, Даша жмурила слезящиеся глаза, прихлебывала чай из жестяной раскаленной кружки и думала о том, что другой жизни ей не надо.

Она бывала в Москве. Выглянешь из окна — ни поляны, ни кедров — одни дома. Ее возмущали саженые жидкие деревца, теснота на улицах. Она сама выросла в маленьком зеленом городке, но как существует человек в таком огромном городе, понять не могла. Как он живет на вечно ревущих душных асфальтовых улицах, как способен выполнять домашние обязанности, сосредоточиться, работать? Для нее это было так же противоестественно, как если бы ее заставили надеть акваланг, спуститься на морское дно и жить там.

И она радовалась, что такая вокруг тишина, падает запоздалый теплый майский снег и от него посветлел, улыбнулся в темноте лес. А костер потрескивал, тепло копилось под брезентовой крышей. Даша протянула к огню ноги в толстых шерстяных носках...

Но потом она вернулась к своим заботам. Прошлый год летом кое-кто слыхал, как за Киршиным болотом выли волки. Скорее всего там они квартировали. Никто не искал логова, решили сообщить в райцентр, вызвать специалистов-волчатников, но даже и сообщить не собрались. А месяца полтора назад нагло, на виду у рабочих лесопункта перешел по льду реку здоровенный хромой волк. Мужики кричали, свистели— волк и шагу не прибавил. Значит, верно пишут, что они охотника от невооруженного отличают.

В последнее время — не в охотничьей, конечно, литературе!— стали писать в защиту волков. Будто нельзя их уничтожать до последнего, они в природе нужны... Если сидеть в городе да из окна на улицу поглядывать, то можно сочинить теорию. Даша — зверовод. Хотела бы она на свое место того городского поставить. Пускай бы помучился ночами с лосенком, да выпоил, да вынянчил, а потом того лося стали бы волки рвать...

Даша задумчиво смотрела в огонь. В прошлом году Пятеха отелилась впервые, и тоже все надеялись, что не бычок родится, а телка. Собрались поглядеть. В большом загоне обшарили каждый куст, буквально каждый лист подняли — лосенка не было. Пятеха ходила за людьми с таким видом, будто и она ищет. Ушли ни с чем, думали, уж не собаки ли его загрызли. Погодя немного Даша решила еще поискать. Лосиха шагала не за Дашей, а впереди и привела к лосенку. Цел и невредим, он лежал на чистом месте, он слился с землей — не разглядишь. Это и была Умница.

Даша вспомнила, как вела ее лосиха, оглядывалась через плечо, проверяя, идет ли за ней Даша, и как, пригнув голову, смотрела, когда Даша опустилась на корточки возле теленка. Показалось, что обе они, взрослые, склонились над новорожденным, и такая вдруг появилась близость, что хоть делись с лосихой впечатлениями...

Даша выглянула из-под навеса. Снег не перестает. А глухари не любят, когда им на голову сыплется. Пока сидела у костра, Даша слышала четыре подлета, петухи явились, но песни от них не дождешься. Щелкнет какой-нибудь вяло, без толку. Не будет охоты.

И она прикинула, сколько километров отсюда до Киршина болота. Два — охотничьим путиком обратно до тракта, да трактом — девять.

Говорят, волки не любят менять место. Они и сейчас скорее всего там где-то норятся, возле болота. Болото почти достигает тракта, может, пользуются и трактом. Оставляют следы, особенно четкие на свежем снегу.

Но тут же она отбросила эту мысль. Дикие хорониться умеют. Не могла Пятеха далеко уйти, и где она раньше телилась, где любила отдыхать, Даша знает, а вот не нашла же. Чего о волках помышлять!

Она твердила себе, что опытный волчатник сначала разведает да обдумает. Не с ее знанием волчьих повадок пускаться на такие дела. За семь верст киселя хлебать, вот точно. За одиннадцать с лишним километров, по размокшей тайге!

Запрятывая под валежник котомку — чтоб налегке шагать,—рассовывая по карманам хлеб и домашние пресные маковки, гася костер, она еще продолжала урезонивать себя...

Пока выбрела на тракт, начало светать. Не было никакой надежды на успех, зато распевали птицы, плескались ручьи, под сырым благодатным утренним ветром поплыл туман...

Два белых зайца играли на полянке и прямо на открытом месте затаились, прижались, и она миновала их, насмешливо покосившись. Глухарка сидела на голой березе, смотрела вниз, и громкое «ко-ко-ко» выражало удивление и беспокойство. Дорогу пересек лисий след. По крупным отпечаткам, по широкому и сбивчивому шагу можно предположить, что это лисовин и что он тащил какую-то тяжесть. Потом вдруг попался след волка.

Кое-где ночной снег начал таять, а на обочине лежал, и по снегу недавно прошел волк. Метров через двадцать свернул в чащу. Спустя полкилометра опять вышел — кажется, тот самый, с небольшой собранной лапой.

В одном месте зверь потоптался—похоже, он прислушивался перед тем, как сойти с дороги,— и Даша, вступая в лес, сняла с плеча ружье.

Она внимательно оглядела сухую проталину под елью. Тут недавно отелилась лосиха — не Пятница, а дикая. Волк и новорожденный теленок стояли рядом, их разделяли два шага. Лосиха кинулась на волка погодя: ее раздвоенное копыто перекрывало легкие вмятины, оставленные теленком. Хищник не успел напасть, хотя это странно — волки действуют молниеносно. Егерь в лесничестве рассказывал, как ехал на санях, его нагнали волки, и один из них только мелькнул, тенью скользнул перед конем, а уже шея у коня была взрезана...

Даша проследила за лосихой, которая благополучно повела теленка. Так и не разобравшись, что тут произошло, потеряв волчий след, Даша вернулась на тракт. Она не тропила зверя — следы исчезли начисто, а шла наугад. Если ничего больше не найдет, придется идти обратно к лосиной лежке, а снег уже сходит, где там, чего искать?

Она закинула за спину ружье. По левую руку лес прорежен: когда-то отваливала от тракта проселочная дорога. Прежде были тут разбросаны деревни — из тех, утонувших в густом бору, про которые говорится, что над ними небо в ладошку.

Даша присела на пень. Здорово она вымоталась. Еще и ночь без сна. Теперь бы передохнуть. И — пожевать.

Сняла ремень, распахнула стеганку. Перепоясалась по голубому свитеру. Одежу хоть совсем скидывай: вся спина мокрая. И голова даже.

Стянула с головы берет, тряхнула кудрями. Хотела засунуть берет в карман, и тут донесся до нее крик ворона. Крик больше не повторился, но Даша уловила, откуда он шел, и быстро встала.

5

Перед ней открылась одичавшая, зарастающая березняком поляна. Сбоку, над оврагом, видно похилившееся строение. С древней ели над строением молча снялась пара воронов.

Волчье гнездо могло оказаться под любой кучей валежника, в старой барсучьей норе, где угодно, но у Даши стукнуло сердце, когда она увидела воронов и замшелую, готовую обвалиться крышу.

Ей пришло в голову, что надо спешить в поселок, звать мужчин. Слышала она, что волки не обороняют от человека свое потомство, но, как говорится, хорошо бы, чтоб это знали и сами волки.

Даша начала отходить — шагов сто по проселочной, сколько-то трактом. Зажав ладонью, бесшумно надломила ветку. Когда вернется с мужиками, будет знак, что вот он, поворот... И тут же сообразила, что звери в эту минуту могут наблюдать за ней.

Середина мая, у волков наверняка приплод. Уйдешь — перепрячут матерые своих выродков. Они, говорят, перепрятывают. Да, может, нет здесь никакого логова?

Даша вернулась на то место, откуда видно строение. Стояла, вглядываясь. Ружье держала наготове.

Не выпуская из виду бани, Даша сделала круг и остановилась со стороны входа. Даже издали можно разглядеть волчью узкую стежку, ведущую к приотворенной, висевшей на одной петле двери, а на косяке темнело пятно, оставленное, быть может, пролезавшими в щель зверями.

Важнее всего взять матерых. Их надо выпугнуть из логова, если только они сейчас там.

Она шагнула, намеренно хрустя валежником, но ничто не шелохнулось. Топчась на месте, повернулась медленно кругом. Они следили, Даша это знала. Знала откуда-то, была уверена; на горле, на кисти правой руки она ощутила жжение, словно кто-то словил увеличительным стеклом и направил на нее жгучий луч...

Взялась за дверь, приподняла и растворила пошире. Заскрипела петля, теплый звериный дух ударил в лицо.

Снова Даша осмотрела заросли вокруг. Ни белка, ни птица не шевельнули ветку, только дятел стучал по мертвой сушине.

Даша осторожно спустила курок. Быстро скинув ватник, через голову стянула свитер, завязала у свитера ворот.

Стукнувшись лбом о притолоку, влезла в темноту. И снова вылезла — так жутко ей было. Постояла...

Волчата обрадованно совались в руки. На ощупь они казались обыкновенными щенками, и против воли Даша укладывала их в самодельный мешок бережно. Засунув троих, поискала еще, но, видимо, больше не было. Она вышла, на свету заглянула в мешок.

«Куда мне их?» — подумала она. Многие охотники тут же палкой приканчивают волчат, уносят мертвыми, но Даша так не могла. Она могла стрелять и охотничью стрельбу не считала убийством. «Там видно будет»,— подумала она и, завязав мешок, взвалила его на спину.

Какое бы острое чувство, какое бы ликование ни охватывало Дашу, когда, треща ветвями, шлепается после выстрела глухарь или кувыркается на бегу заяц,—оно и в сравнение не шло с тем, что она испытывала сейчас. Найти волчье логово! Отнять потомство у волков! В одиночку, без напарника!

Уходила она, беспрестанно оглядываясь. Руки у нее дрожали. Если придется стрелять, с трех шагов промажешь. «Словно ворую»,— подумалось ей.

Скоро она обнаружила, что ее сшитый из лосиного камуса чехол для ножа висит на ремне пустой. Она стала соображать, взяла ли нож из дому, но тут же опомнилась. А чем же хлеб на току резала? Да и не случалось еще, чтобы в тайгу отправилась без ножа. Там надо искать, где перепоясывалась.

Даша положила мешок с копошившимися в нем волчатами, глядя под ноги и часто озираясь, пошла обратно.

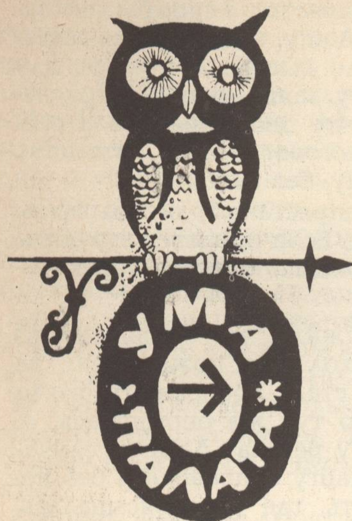
Когда она скрылась, небольшой темный волк выполз из-за валежника и застыл, сливаясь с землей. Другой волк, широколобый, на сильных высоких ногах, стоял в мелком ельнике. Минуту звери не двигались. Потом, приглядываясь, принюхиваясь, стали подкрадываться к мешку.

Волчица ухватилась за узел и поволокла было весь мешок, но старый волк зацепился крючковатым желтым клыком и не пускал. Взъерошенная, с панически поджатым к животу хвостом, волчица лязгнула на волка, но он не отпустил. Она рванула на себя, и клык старого волка вспорол мешок, словно ножом...

Когда Даша вернулась, она нашла лишь разорванную грязную тряпку. Она подобрала остатки свитера, разглядывая волчью работу. Скуластое лицо ее побледнело. И, подняв голову, она неведомо кому, в лес, погрозила кулаком...

★

Большие ноябрьские игры Лупы и Пинцета

Дорогие друзья!

Мы получили от вас много писем. Из них видно, что вы хорошо подготовились к Большим играм.

Желаем всем участникам успеха и напоминаем: победители будут награждены памятными подарками — наборами марок. Итоги Больших игр сообщим вам в феврале 1973 года.

С филателистическим приветом ЛУПА и ПИНЦЕТ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Марко-бусы

№ 1: [2] MONACO + [2] ΕΛΛΑΣ + [1] KENYA = [5]

№ 2: [2] PANAMA + [2] CONGO + [2] malaysia = [6]

№ 3: [3] SVERIGE + [1] URUGUAY + [1] RÉPUBLIQUE FRANÇAISE + [2] GIBRALTAR + [2] ISLAND = [9] HELVETIA

Уточните адреса

Четыре друга живут в разных странах. Подружились они в Артеке и с тех пор переписываются. Все они — азартные рыболовы. Пойманных ими рыб можно увидеть на марках, но только один из друзей наклеил на конверт марку с изображением именно той рыбы, которую он поймал.

Напишите нам, кто поймал какую рыбу и в каких странах живут друзья, если известно, что сом и судак были выловлены в одной и той же реке. И мальчик, поймавший судака, собирается плыть на плоту в гости к тому, на чьем письме марка с усатой рыбой.

Записки капитана Перо-86

Бутылка и море

Я приехал на берег моря хмурым ноябрьским утром. Здесь я искал зеленого карандаша, опасного преступника. Но никто из рыбаков-резинок не видел его здесь вот уже несколько месяцев.

— Посмотрите, что я нашла на берегу моря!

Ко мне подбежала одна из резинок. Она держала бутылку, заткнутую пробкой. В ней виднелась записка.

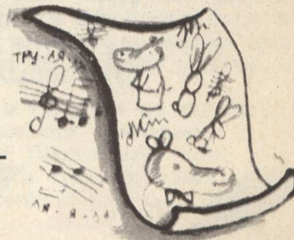
Я прочитал записку.

— Скорей на остров Ронд! — закричали резинки.

— Не нужно торопиться. Я уверен, зеленый карандаш прячется где-нибудь на берегу недалеко отсюда.

Почему я так подумал?

И рисует и поёт!

Живживка, когда рисует, всегда что-нибудь напевает. Вот одна из его песенок:

Я беру перо и тушь
И рисую восемь груш.
А теперь у каждой груши
Вырастают хвост и уши.
Ай да я! Ай да я!
Это кроличья семья!

А вот другая его песенка:

Полюбуйтесь:
Я в два счета
Нарисую бегемота,
Круг, внутри мешок,
И вот получился бегемот.

Нарисуйте то, о чем поет Живживка, и еще что-нибудь нарисуйте самостоятельно, придумайте свою песенку и пришлите ее нам.

Ответы на задачи из № 10

ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ

Дед Буквоед на этот раз доволен ответами. Почти все ребята справились с его задачей и правильно отгадали слова: 1. Укол, жара, яд, лужа, Ока, моряк, клад. 2. Друг, вера, двор, орел, урок, гам.

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

Похищена коллекция

Зеленый карандаш сказал, что он уехал на Чертежные озера 10 июля (это видно на календаре в кабинете Перо) восьмичасовым поездом. На последнем рисунке ночь. В июле в восемь часов не может быть так темно, значит, зеленый карандаш обманул капитана.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Маркобусы

Первая неизвестная марка из Ирана, вторая из Швеции.

У страха глаза велики

Кабан спрятался в середине кроссворда на вертикальной линии, соединяющей буквы «о» и «о» в словах «Болгария» и «леопард».

Ответы на кроссворд такие: Австралия — крокодил, Гвинея — буйвол, Корея — тигр, Индонезия — комар, Швеция — ландыши, Цейлон — леопард, Болгария — кабан, Венгрия — сова, Швейцария — олень, Польша — лось.

А назавтра пришла опять...

В седьмом классе я мечтала сняться в кино. Перестала сутулиться, разглядывала себя во всех витринах. Ждала, остановит меня известный кинорежиссер и скажет: «Ах, мне так понравилось, как вы переходили улицу. Вы не хотели бы сняться в моем новом фильме?» В общем, я так вертелась, что в конце концов самой противно стало. Решила быть геологом. Тайга, суровые условия, мужественные товарищи, никаких кривляний. Но однажды увидела фильм про девушек-регулировщиц. Сразу стала представлять, как стою на мосту возле «Ударника» и размахиваю полосатым жезлом. Раз — и машины поехали, два... А наш класс в это время в кино идет. Потом возле «Ударника» поставили светофор. Я собралась стать писательницей.

А в сентябре наш класс решил шефствовать над детским садом, над старшей группой. Сначала все было прекрасно. Я читала им книжку. Воспитательница сидела тут же. Дети внимательно слушали. Я была в восторге. Но на следующий день Анна Григорьевна оставила меня с группой одну. Что тут началось! Меня они не слушали совершенно. Один на стуле раскачивается и песни распевает, другая соседке в ухо плюет, третий листья на цветке обрывает. Воспитательницей я быть сразу расхотела. А назавтра пришла опять.

Теперь я прихожу к моей группе почти каждый день. Они по-прежнему балуются, но мы как-то договариваемся. Раньше самым тяжелым для меня было утро. Потому что по утрам я вспоминала вчерашний день. Кажется, все делала не так. А сейчас по утрам мне спокойно.

Да, кстати... Фамилии я не пишу. В классе никто не знает, что я хожу в этот детский сад. Наши уже через несколько дней про это шефство забыли.

Оля,
г. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ

Артековские горны поют по всей стране! — Фотографии В. Гусева и В. Постникова . . . 1
Рассказы о великой битве. — С. Алексеев. Рисунки Е. Медведева 3
Вот так я сваривал металл. — Стихи М. Дахие. Рисунок А. Борисова . . . 7
Песня о Родине. Едет брат мой в армию. Про нашего Антона. — Стихи В. Бычко. Перевели с украинского Г. Чиж и В. Болдырева. Рисунки Б. Кыштымова . . . 8
Ребята впередсмотрящие. — Б. Камов. Фотографии автора. Рисунки А. Борисова . . . 10
Непохожая сестра Земли. — А. Снегин. Рисунки А. Борисова . 16
Пароль — Надежда. — Повесть З. Воскресенской. Продолжение. Рисунки С. Трофимова . . . 20
Слово о друге. — К. Иванцов. Рисунки Ю. Корнеева . . . 28
Сорок три солнца. Мастер. Стихи Н. Юрковой. Рисунки А. Борисова . . . 33
«Кораблик» . . . 34
Слышать голос трубы. — С. Иванов, В. Матвеев. Рисунки С. Трофимова . . . 36
Ольстер в огне. — Ю. Яснев. Фотографии автора . . . 46
Научный телеграф. — М. Гуревич, О. Либкин. Рисунки Ю. Корнеева . . . 50
Жизнь и мечты Ивана Моторихина. — Повесть А. Крестинского. Продолжение. Рисунки Б. Гуревича . . . 52
Дом, в котором ты живешь. — Л. Яхнин. Продолжение. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 62
Голубой свитер. — Рассказ Н. Аргуновой. Фотографии Н. Немнонова. Рисунки Н. Доброхотовой . . . 68
Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Вовиковой . . . 78
Сами о себе . . . 80

На обложке: Дружба — наш пионерский закон. Фотография В. Постникова.

Адрес для писем: 101459, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Макет **А. А. БОРИСОВА.**

Технический редактор **И. А. АВАЛИАНИ.**

Сдано в набор 31/VIII 1972 г. А 00987.
Подписано к печати 4/X 1972 г.
Формат бумаги 84×60¹/₈.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2268.
Заказ № 3431.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

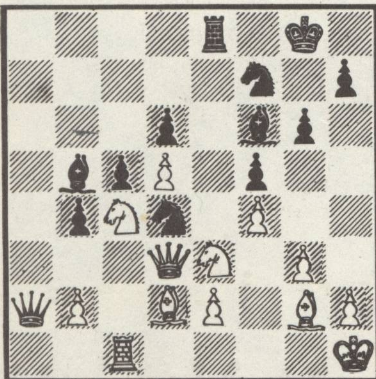
Новые друзья Пешкина

Он встретился с ними на XII Спартакиаде школьников в Киеве. Прекрасно играли украинские ребята — чемпионы спартакиады, завоевавшие золотые медали.

На 3½ очка отстали от них москвичи. Они заняли второе место и награждены серебряными медалями. Бронзовые — у команды литовских ребят.

Среди участников спартакиады были 33 кандидата в мастера и 79 перворазрядников, так что соревнования проходили интересно, напряженно.

Пешкин предлагает вам, ребята, разобрать окончание одной из партий спартакиады. Белыми играл москвич Валерий Чехов, черными — Толя Мачульский, харьковчанин.

На доске силы противников равны, но фигуры черных расположены активно, белые связаны по рукам и ногам. Черные четко использовали свой позиционный перевес.

Сражение продолжалось так: 28... Kd4—b3 29. Лc1—c2 Cf6—d4 30. Ke3—f1 Kb3—a5

Белым приходится отдавать пешку.

31. b2—b3 Фa2 : b3 32. Фd3 : b3 Ka5 : b3

33. Cg2—f3 Kb3—a1

Вторжение конницы в глубокий тыл обеспечивает движение проходной пешки.

34. Лc2—c1 b4—b3 35. Kf1—e3 b3—b2 36. Лc1—f1 Ka1—b3

Белые сдались.

Конкурс Пешкина

Судейская коллегия присудила двумстам друзьям Пешкина, участникам его заочного конкурса, спортивные разряды.

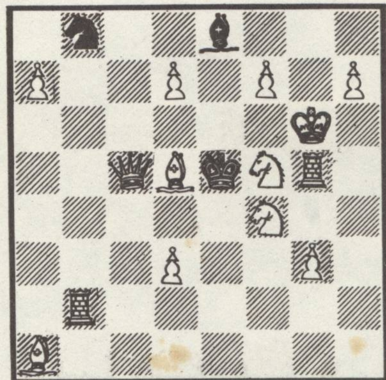

Второй разряд получили Ваня Шевченко из Алтайского края, Витя Смоленский из Красноярска, Вадим Бурало из Владивостока, Коля Шурыгин из Свердловской области, Франц Желудевич из Гродненской области, два москвича Саша Дзюба и Саша Старков, Миша Меркулов из Кемеровской области, Каюм Татиров из Башкирии и другие ребята.

Классификационные справки рассылаются.

«Белая ладья» в пути!

По всей стране в школах проходят турниры клуба «Белая ладья». Чтобы помочь новичкам, Пешкин дает два тренировочных задания. Проверьте себя, друзья.

Задание первое. Мат в один ход могут дать белые черному королю. Решений этой задачи много, целых 47. Но их не найдешь, не зная всех правил шахматной игры. Кто из вас найдет 47 решений?

Второе задание. Расставьте на доске такую позицию.

Белые: Крg5, Лe5. черные: Крh7. Найдите, как белые дают мат в три хода черному королю.

Из почты Пешкина

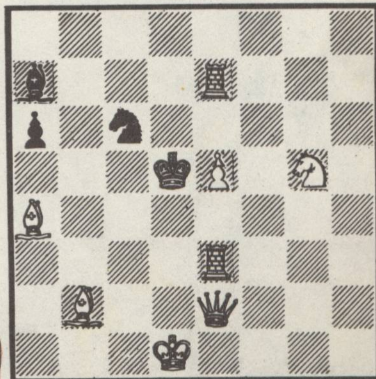
«Я люблю шахматы, но вот беда — у нас не проводится никаких турниров, нет шахматного кружка, невозможно получить спортивный разряд», — пишет Александр Хотеев из города Малоярославца и так заканчивает свое грустное послание: «Везет же другим ребятам: у них то и дело турниры проводятся, а мне даже по переписке играть не с кем».

Пешкина очень огорчило это письмо. И вот что он хочет сказать тебе, Саша. Не жди, пока кто-то все организует. Разве ты и твои товарищи не можете организовать сами турнир в своем отряде?

И в турнирах по переписке тоже можете участвовать. Их проводит Шахматный клуб РСФСР. Пишите туда по адресу: Москва, Оружейный переулок, 16.

Задача Валерия Стигнеева

«Я живу в селе Новоивановка, Запорожской области, — пишет Валерий Стигнеев. — Увлекаюсь составлением задач и этюдов».

Перед вами задача Валерия. Белые, начиная игру, дают мат в два хода.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

Ноябрь. Хрустящий утренний лед на луже разбит футбольным мячом. Из-за скрипа мела, усердно выводящего на доске условия задачи, не слышно, как скрипят от ветра деревья; из-за шепота двух неразлучных подружек из пятого «Б» не замечаешь капель дождя. И все-таки в один прекрасный день человек оглядывается: «Ох, а скоро уже снег!..» Человек гуляет в одиночестве под осенним дождем и строит на ходу воображаемые катамараны. Ловит гигантских черепах на острове в Тихом океане. Сочиняет научно-фантастическую повесть. Воображает себя исследователем загадочного плато из «Затерянного мира» Конан-Дойля и думает, что все это сбудется.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

